

18+

**II ВСЕРОССИЙСКИЙ
ЛИТЕРАТУРНЫЙ
КОНКУРС О ЖИВОТНЫХ**

Рядом

**ИЗБРАННОЕ
2019**

Анастасия Затонская

**Избранное-2019. II Всероссийский
литературный конкурс
о животных «Рядом»**

«Издательские решения»

Затонская А.

Избранное-2019. II Всероссийский литературный конкурс о животных «Рядом» / А. Затонская — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-987787-1

Более 300 стихов и рассказов о животных, серьезные работы и юмор, рассказы из жизни волонтеров и стихи для детей — обширная коллекция историй со всех уголков нашей страны, которые происходят рядом с нами! Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-987787-1

© Затонская А.
© Издательские решения

Содержание

Зоозащитное движение: приветственное слово	6
Благодарности	7
Вступление	8
Лавровый венок. Рассказы	9
Первое место: Диана Федорович. «Жить одному»	10
Второе место: Тамара Селеменова. «Дикие утки»	13
Третье место: Анна Яковлева. «Жёлтая»	16
Лавровый венок. Стихи	19
Первое место: Светлана Гавшина. «Ты ко мне, Дружок, не привыкай»	20
Второе место: Елена Пальванова «Рыжий-рыжий, полосатый»	21
Третье место: Ольга Шмакова. «Они приходят к нам...»	22
Человек животным друг. Рассказы	24
Татьяна Чернышева. «Матроскино озеро»	26
Роман Прокофьев. «Арбуз»	29
Дарья Тарасова. «Прогулка под дождем»	43
Валентина Бобко-Алешкевич. «Баксик»	44
Татьяна Попова. «Утро на реке»	46
Катерина Ермышова. «Реинкарнация»	48
Ксения Китаева. «Кот Альбус»	51
Ольга Павлова. «Капка»	52
Светлана Чернышёва. «Чудо»	53
Светлана Чернышёва. «Ёлочный кот»	55
Евгения Соловьёва (Ерёмина). «Большая удача»	57
Альберт Восканян. «Джеки»	60
Ольга Черниенко в соавторстве с Анной Филатовой. «Бася»	62
Нина Волегова. «Жорка»	73
Ольга Черниенко. «Пёс, который любил смотреть в окно»	74
Ольга Черниенко. «Богом стать совсем не трудно!» (новогодняя сказка)	80
Ольга Черниенко. «С любовью ко всему живому»	84
Ольга Черниенко. «Когда мы увидимся в вечности...» (сказка)	88
Марат Валеев. «Пушок»	92
Марат Валеев. «Светка и собаки»	93
Марат Валеев. «Пират и Лиска»	94
Марат Валеев. «Серко»	97
Марат Валеев. «Эфиоп»	101
Марат Валеев. «Братец Стёпка»	104
Екатерина Щерба* «Самый лучший закат»	107
Татьяна Шевченко. «Возвращение Ксюши»	108
Татьяна Салтыкова. «Тридцать лет спустя»	110
Тамара Селеменова. «Зарисовки о животных»	111
Конец ознакомительного фрагмента.	114

Избранное-2019

II Всероссийский литературный конкурс о животных «Рядом»

Редактор Анастасия Затонская

Редактор Елена Анохина

Редактор Юлия Митяшина

Редактор Екатерина Шаркова

Дизайнер обложки Юлия Митяшина

Фотограф Денис Савинов

Иллюстратор Маша Митенкова

© Юлия Митяшина, дизайн обложки, 2020

© Денис Савинов, фотографии, 2020

© Маша Митенкова, иллюстрации, 2020

ISBN 978-5-4498-7787-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Зоозащитное движение: приветственное слово

Движение зоозащитников – это добровольное объединение физических и юридических лиц для совместного решения проблем, связанных с жестокостью в отношении животных.

Мы хотим изменить отношение людей к животным. Мы хотим, чтоб люди перестали относиться к животным, как к ресурсам и объектам использования в своих интересах.

Мы считаем, что животные созданы не на потеху нам и не для эксплуатации нами, и мы не считаем человека венцом творения.

Если раньше люди эксплуатировали животных, не имея научных представлений об их сознании; памяти; чувствах, которые они испытывают; о языке, на котором они общаются между собой; об их социальных связях; эмоциональных переживаниях, то сейчас, зная обо всем этом, совершенно непостижимо, как можно продолжать их эксплуатировать. Тем более с учётом достижений нравственного и технического прогресса.

Хотя русский язык относит животных к одушевленным существам, по большинству законов государства, к сожалению, животные являются лишь ресурсами.

Федеральный закон «О животном мире» начинается со слов: «Животный мир является [...] рационально используемым для удовлетворения духовных и материальных потребностей граждан РФ». В законе «Об охоте и о сохранении охотничьих ресурсов» животные – охотничьи ресурсы. Сельскохозяйственные животные вообще никак не защищены. По гражданскому кодексу – животные это всего лишь имущество. Министерство, регулирующее отношения человека с животными и природой, называется Министерством природных ресурсов. То есть животные и природа, в целом, для нас – сплошные ресурсы и имущество в правовом поле.

И лишь в законе «Об ответственном обращении с животными» они признаны чувствующими боль и страдания, и испытывающими эмоции существами. Но этот закон касается далеко не всех видов, а лишь малой их части, и он далеко не идеален. Его принятие было лишь первым шагом, хоть и очень важным.

Наша задача изменить не только отношение общества к животным, но и законодательство РФ. Чтобы и на уровне государства, и на уровне сознания граждан животные перестали считаться ресурсами и объектами пользования. Мы приглашаем всех присоединиться к нам! Вступайте в нашу группу <https://vk.com/dvigeniezooza>!

Мария Погодина

Благодарности

Создание этой книги было бы невозможно без участия множества людей.

В первую очередь, я хотела бы выразить благодарность всем участникам конкурса «Рядом» – ведь это из их работ составлен сборник, благодаря им эта книга получается такой эмоционально богатой, разнообразной и увесистой. И хотя конкурс по сути своей предполагает оценку и выбор победителя, мне иногда жаль, что это так. Потому что каждому автору, работа которого доставила мне эстетическое удовольствие (ну то есть подавляющему большинству участников), мне хочется сказать – Ваша работа победила. И Ваша. И вот Ваша тоже. Еще раз – огромное вам спасибо!

Большое сердечное спасибо всем членам жюри и организаторам конкурса: Александру Голикову, Екатерине Шарковой, Алексею Мухтулову, Наталье Жемчужевой, Ольге Новиковой, Елене Анохиной, Юлии Митяшиной и Юлии Шакиро за огромную работу, которую они проделали.

Отдельное спасибо Екатерине Шарковой за вступительное слово в начале книги, Юлии Митяшиной и Елене Анохиной за редактуру некоторых работ, а Юлии еще и за дизайн обложки, рекомендации по дизайну сайта конкурса, огромный вклад в доработку технической части организации конкурса и моральную поддержку на протяжении всей работы!

Глубокая благодарность нашим спонсорам, которые согласились стать таковыми непосредственно в самый разгар приема работ за более чем скромную рекламную отдачу на сайте и в группе конкурса:

Ridero, электронная издательская система для независимых авторов (<https://ridero.ru>);

Сервис для создания интеллект-карт MindMeister (<https://www.mindmeister.com>);

«Справочник писателя», крупнейший образовательный портал для авторов, которые пишут на русском языке (<https://www.avtoram.com/>);

Scrivener, специальный текстовый редактор для писателей (<https://www.literatureandlatte.com/scrivener/overview>);

Переводческий сервис EnRuStudio (enru.studio).

Спасибо нашим партнерам «Рок в защиту животных», которые приглашают всех участников конкурса на свои благотворительные концерты.

Большое спасибо фотографу Денису Савинову, автору проекта «Почему мы спасаем», предоставившему фотографии для книги, и юному волонтеру Маше Митенковой за предоставленные иллюстрации!

И конечно же, спасибо российскому зоозащитному движению как главному организатору и вдохновителю этого конкурса!

Вступление

Дорогой читатель, мы рады представить тебе второй сборник Ежегодного литературного Всероссийского зоозащитного движения – «Рядом»!

В чем же отличие второго сборника от предыдущего? В 2018 году основная масса участников были пишущие зоозащитники. В 2019 году мы пригласили к участию Коллегию поэтов и прозаиков, и это одновременно значительно расширило круг участников и повысило качество работ.

А вот цели наши остались прежними – с помощью силы художественного слова донести читателям культуру гуманного, ответственного обращения с животными. Затронуть, зацепить, растопить сердце читателя светлыми, теплыми стихами и рассказами, раскрывающими всю радость, которую человек может испытывать от взаимодействия с животными. Конечно, не все произведения, вошедшие в этот сборник, преисполнены позитива. Многие авторы излили на бумаге свою боль и сострадание тем, кто не получил положенной ему порции человеческого тепла и заботы. Но от этого сборник получился еще более человеческим и «живым».

Хочется отметить, что в этот сборник вошло много работ юных писателей. Что, конечно, радует и вселяет надежду, что есть кому передать «эстафетную палочку» добра и гуманности.

Оценивать работы, вошедшие во второй сборник, откликнулись действующие литераторы – любители животных, и жюри оказалось по-настоящему профессиональным и компетентным. Это поэт и музыкант из Самары Ольга Новикова, учитель литературы и аспирант ВятГУ Наталья Жемчуева из Кирова. В этом году к нашему «кружку по интересам» примкнул Алексей Мухтулов, автор песен и лидер группы «Третье измерение», Александр Голиков, писатель-фантаст, участник и призёр многих сетевых конкурсов фантастики, член жюри конкурса КотоФан, и Юлия Митяшина, редактор, публикующийся поэт и член Российского союза писателей. Многие из членов жюри участники еще одной всероссийской зоозащитной акции – фестиваля «Рок в защиту животных».

Отдельно хочется упомянуть победителей прошлого года – Киру Соболеву и Алексея Прокурора. У Алексея победил рассказ об отчаянной борьбе за спасение попугая, для чего автору пришлось лететь в другой город, преодолевая массу препятствий, с которыми сталкивается каждый человек, решающие нетривиальные жизненные задачи. А Кира взяла «призовые места» с очень трогательными рассказами о котах, украшенными ее тонким чувством юмора.

Мы очень надеемся, что чем больше людей проникнутся пониманием, что животное в доме – это настоящая радость, тем больше людей станут такими счастливыми обладателями пушистого анти-стресса. А ведь именно это и есть цель нашего конкурса – повлиять на человеческие отношения к животным, прежде всего – к своим собственным. Тогда у зоозащиты останется гораздо меньше дел!

Желаем вам приятного чтения!

Лавровый венок. Рассказы

Первое место: Диана Федорович. «Жить одному»

Жить одному просто отлично. Вос-хи-ти-тель-но.

Но однажды появился он. Он был упрям. Наверное, я никогда не встречал в своей жизни более упрямого человека, чем этот. Такой длинный, тонкий, тихий человек. Очень упрямый. Я именно таким его и запомнил.

С самого первого дня я его называл Высоким Человеком – он был просто невероятно велик, пусть и тонок. Я лично видел, как лбом он задевал стеклашки, повисшие под потолком, как при этом глупо охал и потирал лоб.

– Нужно будет купить новую люстру, – говорил он и тут же забывал о своих же словах.

Он вообще был очень странным. Он одевался в темные одежды. Заглянешь, например, в карманы пальто и пропадешь в них – такими глубокими казались карманы, хотя из них всегда пахло чем-то очень вкусным. Кажется, сухарями – я видел, как Высокий Человек на прогулке доставал и грыз твердую, как камень, горбушку. Порой он пытался угостить меня, но я не доверял ни Высокому Человеку, ни его темным, бездонным карманам. Ни разу я не брал сухарей с тонких, бледных рук Высокого Человека.

Он был тихим. Очень тихим. Когда Высокий Человек сидел за своим столом и писал, в комнате было слышно только тиканье старых пыльных часов. Изредка, летом, в открытое окно залетала муха. Она летала по комнате, садилась на книги, на потрескавшиеся рамы картин, на циферблат часов и жужжала, пела о цветущем за окнами лете. Когда мне это надоедало, я ее ловил, и в комнате снова становилось тихо. Только тиканье часов и редкие вздохи Высокого Человека.

Да, Дом его был таким же странным. Я навсегда запомнил тот день, когда Высокий Человек меня, злого и упирающегося, привел в свое жилище.

– Это мой дом, – улыбнулся он, снимая свое темное пальто. – Теперь и ты тут будешь жить...

С самого первого дня я понял, что Дом этот не просто бездушная рухлядь, а что-то живое – такое же живое, как я. Скрипящие половицы, цветущая на подоконниках герань, летающая в воздухе пыль, ворчливые шкафы и эти паршивые, просто отвратительные часы... Весь Дом был живым, и он был таким же, как и Высокий Человек – грустным, тихим, бессмысленным.

Мой Человек очень любил книги. В первый же день я разорвал одну из них, и он долго скулил над ней.

– Это плохо. Ты плохо сделал, – тихо говорил он мне. – Плохо.

Я думал, что Высокий Человек шлепнет меня газетой по носу. Выгонит меня на улицу. Кинет в меня этой разорванной книгой. Разозлится так же, как другие. Но нет. Высокий Человек был странным. Он даже не накричал на меня. Он дал мне еду, и весь вечер Дом пах клеем. К утру разорванная книга была совсем новой, и Высокий Человек, попытавшись погладить меня, вышел со мной на раннюю прогулку.

Наверное, этот Человек – ходячая загадка. Сколько бы я ни рвал его книги и шляпы, сколько бы ни грыз ножки стола и его башмаки, Высокий Человек ни разу не ударил меня. Он говорил только одно слово: «Плохо».

Я знал много людей, и ни один них не был настолько упрям, как этот, высокий и тонкий. Меня выгоняли за помеченный угол, порванную перчатку, прокушенную руку, но Высокий Человек терпел все.

Проигрывать ему в упрямстве я не желал, ведь знал – наступит момент, когда Высокий Человек не выдержит и покажет истинное лицо. Я упрямо пакостил. Я не любил этого Человека.

Он был таким же гадким, как и прежние люди, даже когда он отдавал мне самый вкусный кусочек, даже когда выходил со мной на утренние морозные прогулки и потом долго кашлял в постели.

Однажды Высокий Человек ушел и не вернулся. Признаюсь, я его ждал, но лишь затем, чтобы он мне дал еду. Весь вечер я слушал, как плачет Дом – стук дождя в окна почти заглушал тиканье противных часов. Я уснул на холодной постели Высокого Человека, точно зная – завтра этот чудак вернется и продолжит писать.

Но на следующий день Высокий Человек не появился. За ночь Дом будто умер – из него пропала та жизнь, которая совсем недавно пугала меня. Я видел, как умирали собаки, кошки и люди, но как умирали живые дома – никогда. Шкафы перестали ворчать, герань завяла, потемнела. Пылинки не кружили на солнечном свете, за окнами раскинулись серые тучи – вот-вот снова застучит дождь.

Не надо дождя... В любой другой день я бы лаял, но тем утром я сидел под столом и глотал горячие слюны от голода. Я просто понял три истины, которые раньше никогда не случались. Во-первых, Дом умер. Во-вторых, ненавистные часы затихли вместе с Домом. В-третьих, из Дома совсем пропал запах Высокого Человека.

Днем пришли чужие люди. Страшные, грубые, они принесли новый запах – тот самый, который я ненавидел всю свою жизнь. Я знал, откуда пришли те люди и зачем они явились в Дом Высокого Человека. Клетки, холод, безвкусная пища, равнодушные лица и много, много собак...

– А ну-ка иди сюда, приятель... Какой уже раз ты возвращаешься в приют? Шестой?

Я не успел попрощаться с затихшим Домом. Не помню, брыкался или нет, но прокусить одному руку я успел. Меня связали и увезли. Я знал, что этим все и закончится, как и всегда. У меня никогда не было ни дома, ни собственного человека – все люди отказывались от меня.

Теперь моим домом снова была клетка. Снова по ночам было холодно. Бродяжки, такие же, как я, визжали по ночам, и я вдруг понял, что этот шум просто не могу переносить. Не было блаженной тишины. Не было в миске сочных кусочков мяса, а клетки не пахли ни книгами, ни геранью. Интересно, Высокий Человек вернулся в Дом? Оживил его? Напоил цветы, починил часы?... Я все равно верил, что жить одному просто отлично. Вос-хи-ти-тельно. Только чем дольше я сидел в клетке и смотрел на проходящих мимо людей, тем сильнее я хотел впервые взять с рук Высокого Человека твердую, как камень, горбушку. Не потому, что хотел есть. Не потому.

День ото дня жить одному становилось все сложнее и сложнее. Я уже не вставал на лапы, спал круглыми сутками и к полу, наверное, совсем прирос. Никто не пытался меня обучать командам и гладить. Люди, которые искали себе собаку, обходили мою клетку стороной – и в самом деле, зачем им взрослый, страшный, агрессивный пес, поменявший уже шесть домов!.. Что ж, я добился того, чего так желал – я один, меня больше никто не предаст, только счастья это почему-то не принесло...

– ...может, вам все-таки подыскать другую собачку? Этот слишком злой... На всех бросался раньше...

– Нет. Мне нужен именно мой пес, которого месяц назад забрали. Меня выписали из больницы, понимаете? Я вернулся за своей собакой.

Дверца клетки отворилась. Легкая ладонь легла на мою голову. Она была теплой, пахнувшей чернилами и геранью. Лицо Высокого Человека было бледнее и тоньше обычного, но я никогда не видел на его лице настолько счастливой улыбки. Я не знал, что это за чувство переполняет нас с Высоким Человеком на двоих, но единственно, что я понял, так это то, что этим утром в нас обоих что-то изменилось. Я просто понял, что не осталось больше сил жить одному. Мне нужен Высокий Человек. И его живой Дом. И долгие прогулки. И тикающие часы.

Высокий Человек, кажется, понял меня.

– Я скучал. Идем домой.

Второе место: Тамара Селеменова. «Дикие утки»

С первым весенним теплом стаи пернатых потянулись в родные края.

Поселяясь у городских водоёмов, на реках и озёрах, они охотно идут на контакт с людьми и угощения принимают с удовольствием.

Почти каждое утро я наблюдала, как пара диких уток, расправив крылья с сине-фиолетовым блестящим ромбом, хорошо заметном при полёте, взлетала с островка пруда во дворе нашего загородного дома. Пара удалялась, красиво вытянувшись в линию, но вскоре возвращалась. Утки с шумом садились на воду, затем, переваливаясь, медленно выбирались на островок.

Очень красив селезень: с яркой изумрудно-зелёной головкой, белым ошейником и коричневой грудкой. Уточка – поменьше размером, скромненькая и неприметная. Ноги у них – оранжевые, клювы – жёлтые.

Солнечное весеннее утро. Хлопотливо суетятся, чирикают воробьи. На пробивающейся траве бриллиантовыми искорками поблёскивает роса. Земля пробуждается, рождая ростки первых цветов, воздух благоухает весенней свежестью.

Я звала в дом мою собачку – чихуашку Асю, но, обычно послушная, она не обращала на мой зов никакого внимания. Наверное, нашла что-то уж очень интересное под твоей на островке пруда, куда раньше очень редко бегала через мостик. А тут...

Подойдя к ней и отодвинув раскинувшиеся до самой земли ветви туй и растущего рядом красавца-можжевельника, я застыла от неожиданности. Там оказалось сложенное из веточек, травинок и сухих листьев гнездо, дно которого устилала сухая хвоя, края обрамлял пух. А в гнезде – семь зеленовато-оливковых утиных яиц! Так вот что вызвало такой интерес у собаки! А ведь у меня есть ещё большой дворовый пёс, две кошки и кот. Странно, что они до сих пор не обнаружили гнездо и не разорили его!

С этого момента вход на островок был перекрыт листом фанеры, и все жильцы дома старались не беспокоить наших пернатых гостей. Очень необычно и удивительно, что дикие утки устроили гнездо совсем рядом с человеческим жильём!

Всего было снесено 11 яиц, и утка села высиживать потомство. Целыми днями под твоей виднелся её серый неподвижный силуэт. Улетала она только ранним утром и вечером ненадолго, видимо на кормёжку. Селезень же, наоборот, прилетал крайне редко.

И вот настал долгожданный день. О чудо! В пруду за мамой-уткой гуськом плавали одиннадцать оливково-сереньких комочков, малюсеньких утят. Бетонные берега чаши искусственного пруда были отвесны и слишком высоки для крохотных птенцов. Утка крякала, беспокойно звала их на островок, но выбраться на него из воды им было не под силу. Утята были так малы и беззащитны! В пруду с проточной водой не росли водоросли, не поселялись насекомые... Малыши тщетно цедили воду клювиками, но чистая вода ничем их не насыщала. Беспомощные и усталые они плавали всё медленнее и медленнее, жалобно попискивая. Им бы забраться под крылья мамы, согреться. И кушать так хочется!

Из широкой доски, закреплённой на берегу острова и опущенной другим концом в воду, соорудили сходни, по которым утята тут же взобрались на островок.

Я вспомнила, как моя мама выращивала цыплят. Сваренное вкрутую и мелко измельчённое яйцо пришлось утятам по вкусу. Сытые и сухие они мирно уснули, зарывшись в утиные перья.

На наших подопечных приходили полюбоваться соседи. Утка скользила с утятами по глади пруда, отводя их в сторону от людей. Но не улетала. Умиляло и вызывало тёплые чувства, как послушно и красиво птенцы следовали за ней.

Сосед-охотник сказал, что это дикие утки-кряквы. Недоверчивые и пугливые, они обычно устраивают гнёзда в укромных местах, и большая редкость, что эти птицы поселились прямо у дома. «Видимо, энергетика здесь очень хорошая», – заметил он.

Утята подрастали. Я попыталась подкармливать их, бросая разные зёрна в воду. Но корм быстро тонул, и они не успевали его поймать. Мне посоветовали купить для них сухой корм для рыб, который не тонет. Нашла я его только после долгих поисков на «птичке». «Ути-ути-ути,» – звала я, и они дружно плыли на зов, налетая стайкой, склёвывали понравившийся корм с воды. Утка вела себя как заботливая мать. Чуть отплыв в сторону, она внимательно наблюдала, подталкивала к еде зазевавшихся и ела только после всех.

Плывать в пруду мне приходилось вместе с утиным семейством. Утята совсем не боялись, с любопытством поглядывая, подплывали совсем близко и даже пытались ухватить клювами пальцы протянутой в воде руки. А вот мои домашние плавать вместе с утками отказались.

Утята хорошо росли и уже начали оперяться. Беда пришла нежданно, неожиданно... Однажды утром я увидела, что на поверхности пруда лежит мёртвый утёнок, а ещё два тоже были на грани гибели: крылья раскинуты, перья взъерошены, глаза закрыты, головки опущены... Их стало жаль до слёз! С одним из больных утят я помчалась в ветлечебницу. Ответ ветеринаров был нерадостен: «Мы не лечим диких уток». В зоопарке мне тоже отказали...

«Может, хватит заниматься ерундой!», – говорили мне вокруг. «Отвези и выпусти их в дику природу. Они ведь не домашние!»

Что ж, так они все и пропадут?... Нашла в интернете описание болезней уток. Сравнила с симптомами заболевших. Ведь не зря же в детстве я мечтала быть врачом, и однажды мне пришлось даже самой зашивать раны у собаки!

Предположительно, заболели они кокцидиозом, заразиться которым могли в скошенной преющей траве, которую я сама, по незнанию, настелила для них на островке! Рекомендованное лечение – сульфадимезин.

Раньше его активно использовали для лечения кишечных заболеваний у людей, а сейчас... В справочной аптек это лекарство не значилось. Пришлось сделать множество звонков, прежде чем оно нашлось лишь в одной из московских аптек. Несмотря на занятость и недовольство близких, поехала за ним на другой конец Москвы... В общем, по мнению семьи, я нашла проблему на свою голову! Как говорится: «Не было у бабы заботы...»

Взвесив одного из утят, рассчитала необходимую дозу лекарства и корма, смешала измельчённые таблетки с приваренной пшеницей и кормила всё их семейство в течение трёх дней.. Благо, они уже подходили на зов и поедали рассыпанную на земле еду. Это был риск, но другого выхода я не видела!

Какова же была радость, когда стало понятно, что «мои пациенты» пошли на поправку и «УРА!», все десять остались живы. Теперь они совсем осмелели, путаясь под ногами, приходили к порогу и, громко крякая, просили еду.

Осенью селезень стал прилетать чаще. Утята учились летать. Сначала с воды на островок, затем над двором. Подбадривая звуками «шаак-шаак», селезень ставил их на крыло. Было интересно наблюдать, как две молодые утки кружат над двором, затем следующие две... И так, все по очереди. «Вить-вить-вить-вить» – шумели их крылья. Потом они стали улетать к природному пруду неподалёку, к Москве-реке...

Надвигались холода. И однажды поутру мы обнаружили, что пруд наш опустел... Было немного грустно и вместе с тем радостно: всё-таки выжили, окрепли и смогли улететь в тёплые края.

Конечно, дикие утки на домашнем пруду, построенном для плавания в нём летом и ежедневного моржевания в проруби зимой, хлопотно и совсем неудобно. Плавать вместе с ними далеко небезопасно. Пруд сильно страдал от грязи, развивающихся водорослей, тины и нечистот от утиной жизнедеятельности. И вообще, по мнению моей семьи, другой бы выкинул их

всех со двора, отнёс бы на ближайший природный водоём, и пусть себе выживают! Столько неудобств и хлопот с ними! Поэтому было решено не позволять им гнездиться у нас весной снова.

Вновь наступила весна. Утки прилетали многократно, кружили над двором. Но вода из пруда была умышленно спущена, и они улетали. Мы думали, что все «утиные» мытарства закончились, и лето пройдёт спокойно. Но, не тут-то было!

Как-то обе наши собаки беспокойно засуетились у калитки. Маленькая Ася пыталась что-то рассмотреть и совала свой нос под калитку. Овчарка Майк вставал на задние лапы и пытался её открыть. Отогнав собак и открыв калитку, обомлела не только я – даже собаки застыли в изумлении: там была наша утка! Не обращая ни на кого внимания с громким «кря-кря» она деловито провела свой выводок – одиннадцать еще не оперившихся маленьких утят во двор, к уже наполненному водой пруду. Удивлению не было предела! Она вывела их где-то неподалёку и привела «ДОМОЙ!» Смешались два чувства: радости и досады. Но радость перевесила, пересилила все другие эмоции.

Утята оживлённо посвистывали, сновали между растениями в саду, плавали и резвились в пруду. Пытавшихся подойти поближе наших кошек и собак мама-утка мужественно отгоняла с криками «ка-ка-ка-ка», шипя и хлопая крыльями. И всё, кроме болезни, случившейся прошлым летом, повторилось снова... Было просто невозможно не оправдать доверия и прогнать их со двора! Ведь утки настолько доверяли человеку! Они нашли не просто удобное место. Они приняли меня за «свою», нашли здесь свой «ДОМ»!

Каждую весну, с началом прилёта птичьих стай с зимовья, я смотрю в небо теперь уже с надеждой увидеть среди них своих пернатых друзей... Утки-родители, или взрослые утята, их теперь не отличить, прилетают вновь. Они кружат парами над двором...

ЖИЗНЬ ПРОДОЛЖАЕТСЯ!!!

Третье место: Анна Яковлева. «Жёлтая»

Не скажу, сколько лет назад это было – очень много. А мне было лет семь или восемь. Жили мы в большущем частном секторе, от которого сейчас осталось лишь пять домов, и мой в том числе. Вокруг них – многоэтажки. А тогда ничего этого и в помине не было: старые одноэтажные домики до самой железной дороги.

Играть мне было особо не с кем, на нашей улице детей моего возраста не было, а далеко меня не пускали. Но на две улицы ниже жила одна девочка, и с ней я дружила. Её к бабушке привозили, на лето и на каникулы. А ещё на их улице жили собаки.

Собаки... как много в этом слове. Бездомные собаки. Штук десять их было точно, всех мастей, размеров и расцветок. Я не имела никакого понятия о бешенстве, глистах, лишаях и прочих страстях. Я любила собак всей душой и таскала им из дома всё, что могла утащить. Собаки отвечали мне взаимностью: плясали вокруг, играли со мной, валялись по земле и всячески выказывали свою любовь. Мы с собаками были довольны друг другом и вполне счастливы. Собаки жили в подвале брошенного дома. Ходить на тот участок нам запрещалось, разумеется. И, разумеется, мы туда ходили. Иринка собак побаивалась и рассказывала мне про лишаи, но я в такую фигню не верила и говорила презрительное «пффф». С собаками играть мне было интереснее, чем с ней, и она это знала.

И была в этой стае одна – жёлтая, песочного цвета, хромоногая. Очень злая собака. Она единственная не давалась гладиться и бросалась с жутким и страшным лаем, стоило подойти поближе. Не брала еду. Мы подозревали, что в подвале у неё щенки, но показывать их нам, как другие собаки, Жёлтая не собиралась. Она нас прогоняла за границы брошенного двора, и только тогда успокаивалась. Боялись мы её. Если б не она – я и в подвал бы залезла через собачий лаз, и всех щенков бы посмотрела... но Жёлтая бдила. И любить остальных собак можно было лишь за границами её владений.

И, в какой-то из долгих летних дней, мы услышали из колодца вой. Открытый колодец был на тропинке, которая вела к станции электрички. Там дома уже начали сносить, сгребали бульдозерами их в кучи и бросали так... и открытый колодец старый никто накрывать не собирался – зачем? Всё равно скоро всё сравняют. И там, в этом колодце, сидела Жёлтая. И скулила.

– Так тебе и надо, злыдня. – Сказал Иринка. – Вот и сиди тут. А мы твоих щенков посмотрим. И всё там посмотрим.

А я смотрела туда – в колодец. И оттуда из жуткой чёрной глубины на меня смотрела Жёлтая. Страшная злая собака. Сейчас – совсем не страшная и совсем не злая.

– Помоги мне. За руки держи. Там, внизу, скобки железные, я как раз ногой дотянусь...

– Ты дура???

– Надо Жёлтую достать.

– Она тебя покусает!! Она же злыдня!! Она тебя там до смерти загрызёт! Пусть сидит там, там ей и место! Она сама виновата, потому что она – злая!

Но я уже висела пузом на краю колодца.

– Помогай!

Дотянулась стоптанной сандалией до края скобы. Встала. Там ещё две скобы было, и спустилась вниз. Жёлтая смотрела настороженно и молчала, не рычала даже. И молча стерпела, когда я взяла её на руки. Тяжёлая – аж ужас. Но, даже на моих вытянутых руках, не могла она выскочить. Высоко. Тогда я посадила её себе на плечи.

– Держись. Крепко держись. И не рычи, а то я испугаюсь и ничего не получится.

В колодце вполне можно раскорячиться, упираясь ногой в противоположную стенку. Вот такой раскорякой я поднялась по скобам, и Жёлтая когтями царапала мне плечи, держа равновесие, как в цирке. Больно было, а ей, наверное, очень страшно. Но мы обе терпели. И оттуда

я встала на скобу обоими ногами, чтоб повыше быть, и она сумела выскочить. До крови меня оцарапала, и я шлёпнулась вниз. А она убежала.

А я обнаружила, что не могу вылезти. Может, слишком сильно устала, пока собаку поднимала... Только до последней скобки смогла достать, а там – всё... попробовала ногой уператься, но без опоры не получалось. Руками зацепиться некуда было. Да я в то время и не была особо сильной девочкой. Нюня и маменькина дочка.

– Я побегу домой и принесу верёвку! Мы тебя вытащим.

Иринка убежала – и пропала. Разумеется, её бабушка не пустила дальше гулять. Её бабушка, вообще, была очень против того, чтобы она со мной водилась. А тут ещё верёвки какие-то...

Я сидела в колодце. Попробовала вылезти ещё раз и не смогла. И тогда я сделала то, что умею лучше всего на свете и сейчас – я начала выть. Сначала просто хныкать, а потом уж полноценно выть, в голос, от души, как плачут все маленькие девочки.

Представилось, очень ясно, что буду я тут сидеть сто тысяч лет. До вечера, пока люди с электрички не пойдут домой. И мама моя пойдёт домой, её электричка приезжает в шесть часов. Вот она и обнаружит мой холодный труп. Достанет и будет очень плакать. Потому что я умру к этому времени от голода и холода, это как пить дать.

В этом месте мой тихий хнык начал переходить в полноценный вой.

И в газете про меня напишут, обязательно. Что героическая девочка вынула из колодца собаку, а сама спастись не смогла. Погибла жестокой смертью. И медаль мне обязательно дадут – посмеееееертно.....

Умирать не хотелось. Умирать было страшно и очень обидно, и даже посмертная медаль этот факт смягчала лишь чуть- чуть. Посмертную медаль мне хотелось, а вот умирать – нет, если только потом, когда-нибудь. Когда совсем старая стану и школу закончу.

– Ты чего там воешь? – спросил чужой дядька, закрыв световой круг. – Ногу сломала?

Колодец от тропинки метрах в десяти. Как он услышал? Наверное, я громко выла, от души.

– Дяденька, я вылезти не могу! Я собаку вынула, а сама – не могу!

Он лёг на пузо и протянул ко мне руки. И вытащил. Там, вообще, не глубоко было для взрослого человека.

– Собаку вынула? Молодец. Только теперь думай, как хорошие дела делать правильно. Чтобы не застрять в колодцах.

– У меня подружка побежала домой, за верёвкой. Только не пришла. Я её ждала, ждала...

– Не реви. – Сказал он строгим голосом. – Чего уже реветь? Главное – собаку достала.

Собака хоть твоя, домашняя?

– Нет. Дикая. Злая собака. Она даже «спасибо» не сказала, убежала, и всё...

– Иногда даже диким и злым собакам нужна помощь. – Покачал он головой. – И «спасибо» они не скажут. И никто не скажет. А делать надо. Пошли, отведу тебя домой.

Тогда было совсем другое время. И маленькие девочки не боялись чужих дядек. И дядьки не боялись чужих девочек.

– Не надо, я рядом живу. И у меня только коленка разбилась, и не больно совсем. А вы... вы – герой! Вы меня спасли.

Герой почесал в затылке и неловко улыбнулся. Вряд ли ему было много лет, но я плохо помню. Силуэт только помню на фоне светового круга.

– Точно сама дойдёшь? Ладно. Иди тогда скорее и коленку зелёной помажь. И знаешь, что... собакам помогать надо. Даже очень злым. Даже самой злой собаке иногда нужна твоя помощь. А подружка у тебя – плохая. Не водись с ней.

И он на электричку пошёл, а я – домой. И бабушка меня ругала, потому что очень грязная. И про царапины на плечах пришлось соврать, что на дерево лазила. И она меня ещё раз

отругала. И зелёной помазала, а это больно, между прочим. Я ничего про колодец не рассказывала: ещё не хватало, заперли бы дома и гулять не пускали.

А Жёлтая... Жёлтая так и осталась злой собакой. Словно и не было в нашей с ней жизни того колодца. Так же бросалась и лаяла, так же грозилась искушать до смерти. Но я на неё не обижалась, почему-то. На Иринку вот – обиделась. Хотя и понятно, что её бабушка из дома не выпустила.

А потом приехали собачники и всех переловили. И злыдню Жёлтую, и всех остальных, добрых и игривых. И Рыжиков, брата с сестрой, и Малыша, и Пятнистую, и моего любимца Бутуза. Родители знали, наверное, потому что меня два дня не пускали на улицу под любыми предлогами. Бабушка была в уличном комитете, или как там это ещё называлось... Наверняка, их предупредили об отлове собак. А они пытались меня оградить от страшной правды, как сумели. И, когда я пришла к тому заброшенному двору, там уже никого не было. Никогошеньки.

С Иринкой я постепенно водиться перестала. Её бабушка была очень против нашей дружбы. Для её бабушки я была «хуже мальчишки» и «эта девочка с грязными ногами». А мне специально разрешали всё лето бегать босиком, потому что врач сказал «от плоскостопия». Не помогло, и плоскостопие осталось, но моё детство было босоногим и счастливым: с деревьями, заборами и... очень злыми собаками. Которые в моей маленькой жизни сыграли свою, очень важную, роль.

Лавровый венок. Стихи

Первое место: Светлана Гавшина. «Ты ко мне, Дружок, не привыкай»

Ты ко мне, Дружок, не привыкай,
Мы с тобой, брат, оба – подрывные,
мы должны держать передний край,
реку, поле, сосны золотые.

Полезай, мохнатый, под шинель.
Что уж там осталось до рассвета.
У меня с махоркою кисет,
у тебя и этого, брат, нету.

Ты, Дружок, один и я один.
Помнишь, как ты был в сгоревшей хате,
да и слова доброго теперь
некому замолвить о солдате.

Ты... прости меня, собачий сын,
с чёрным носом и хвостом – баранкой
и ко мне, Дружок, не привыкай:
скоро, брат, на нас полезут танки.

Вот тогда, блохастая душа,
я – с гранатой, ты – живой взрыватель,
поглядим, чья первая душа... долетит
прими её, Создатель!

Ты ко мне, Дружок, не привыкай.
Ты под танк пойдёшь с взрывною миной.
...Если б только не было войны
ты б собакой был моей. Любимой!

Мы б с тобой сидели у костра,
я и сына взял бы на рыбалку,
дома б ждали дочка и жена...
Только не судьба, Дружок... а, жалко!

Нам должны сегодня заплатить
за рассвет над сонною рекою,
за твоих, Дружок, и за моих...
...Поползли «кресты», готовьтесь к бою...

Ты ко мне, Дружок, не привыкай...

Второе место: Елена Пальванова «Рыжий-рыжий, полосатый»

Какие цветы зацвели этим летом,
И солнце взошло, весь наш дворик согрев.
Иду я себе, хвост держа пистолетом,
Пушистый котёнок, отважный, как лев.

Теперь не боюсь я вас, злые овчарки,
Бульдоги, боксёры... На вас я плевал!
Сегодня с утра я гулял в зоопарке,
И брата-тигрёнка я там повстречал.

Он рыжий как я, и как я полосатый.
Он просто ужасно похож на меня!
Ведь он из семейства кошачьих, ребята,
Мы с ним хоть и дальняя, всё же родня.

Балбесы-дворняжки, рычите и лайте,
А мне всё равно, я такой храбрый кот!
Эй вы, подходите! Ну, что ж вы, давайте!
Придёт мой тигрёнок и вас загрызёт.

Да чтоб вы сейчас даже пикнуть не смели!
Попробуй, злой дворник, скажи-ка мне «брысь»!
Мой дедушка – лев, царь зверей он. Что, съели?!
И дядя-гепард, а ещё тётя-рысь.

А солнце сияет с утра с небосвода,
И птицы щебечут, и радостно жить.
Скажите, что в Индии нынче с погодой?
Я к тиграм приехать хочу, погостить.

Третье место: Ольга Шмакова. «Они приходят к нам...»

Они приходят к нам не к месту и неожиданно.
То выйдя на шоссе, под смертный бич колес,
То выбежав к ногам, поглядывая странно,
Во взгляде затаив один немой вопрос:

«Возьмите кто-нибудь? Я вам не мешаю...
Я просто есть хочу, и страшно одному.»
Но мимо мы спешим, их глаз не замечая.
Ох, не хотим проблем ни сердцу, ни уму...

С хвостами или без, стоят, лежат ли уши,
А взгляд всегда один – с надеждой и тоской...
Их посылает Бог – проверить наши души,
Подталкивая к нам невидимой рукой.

Решая для души тяжелую задачу,
Примите существо, упрященное в шерсть.
И будут вас любить всю жизнь свою собачью
Лишь только потому, что вы на свете есть...

Фотографии предоставлены Денисом Савиновым, автором проекта «Почему мы спасаем». Подробнее см. раздел «Фотографии».

Человек животным друг. Рассказы

Иллюстрации волонтера Маши Митенковой. Подробнее см. раздел «Иллюстрации».

Фотографии предоставлены Денисом Савиновым, автором проекта «Почему мы спасаем». Подробнее см. раздел «Фотографии».

Татьяна Чернышева. «Матроскино озеро»

Матрос был твердо уверен, что родился в траве и сразу побежал. Трава была высокой, он путался в ней, падал, но вставал и бежал дальше. Бежал со всех лап, спасался от чего-то жуткого, что вот-вот должно было его настигнуть, накрыть чернотой, поглотить, уничтожить.

Матрос мчался, не разбирая дороги. Сквозь траву пробивались солнечные лучи, и щенок уже не понимал, что именно так больно хлещет его по мордашке и бокам, режет нос, цепляет за лапы – солнце или зеленая трава. Он точно знал, что опасность совсем рядом, и улепетывал изо всех сил.

В какой-то момент он выскочил на высокий берег озера и чудом не свалился в воду. Ужас отступил, остался только шум в ушах и бешеный стук сердца.

Отдышавшись, Матрос на дрожащих лапах спустился к воде и долго, с наслаждением пил прохладную воду. По противоположному берегу мирно гуляли разноцветные куры, щенок слышал их довольное кудахтанье.

Здесь пахло тишиной и покоем, а трава было мягкой и сочной. На нос Матросу села большая стрекоза и, потирая лапками, уставилась на него разноцветными глазками.

Малыш моргнул, тряхнул ушами, повалился на зеленую лужайку и тут же уснул.

Разбудили его Вовкины руки. Теплые, детские, сразу ставшие родными.

Сначала они аккуратно трогали Матроскину шерстку, потом восторженно тискали за бока, а потом схватили и куда-то потащили.

Маленькая деревянная избушка, в которой жил Вовка, стояла на окраине деревни, почти на берегу озера. Семья была большой, и все были против появления в доме собаки, особенно мама. Они долго спорили, кричали, потом Вовка плакал, сидя на крыльце, а Матрос тихо покусывал у него на руках. В конце концов щенка посадили в сарай, принесли молоко и хлеб, постелили сено и дали возможность хорошенько выспаться. Но потом Вовкина мама увела сына в магазин, а чужие грубые руки схватили сонного Матроса и долго куда-то несли.

И снова – один, вокруг – только высокая трава, опять – бег, усталость, страх. Матрос плакал, и вместе с ним плакало небо.

Но теперь щенок знал, куда бежит – он искал своего друга, поэтому не сильно удивился, когда свалился прямо в его теплые руки.

Он помнит крик Вовкиной радости: «Нашел! Нашел! Матросик! Родной!», помнит вкус его слез, не забыл, как они вместе возвращались домой, под проливным дождем.

«Матрос будет жить здесь, или уйду в лес и никогда не вернусь» – заявил мальчишка, сжав кулаки. Родные притихли и смирились.

Щенку так и не разрешили входить в дом, но сколотили будку и поставили на дворе, выделили миску для еды и ведро с водой.

И началась новая жизнь, полная счастья и радости.

Друзья почти не расставались. Бегали, играли, ходили на речку купаться, гоняли мяч на лугу возле дома. Сначала у Матроса выросли огромные уши, потом вытянулись до невероятных размеров лапы. А вот Вовка оставался маленьким и худым. В какой-то момент они сравнялись по росту, и Матросу это очень нравилось.

На пса начали обращать внимание и гадали о породе. «Самая лучшая у него порода!» – с гордостью говорил Вовка. Шерсть у Матроса была белая, как и волосы на голове мальчика, а по бокам и спине шли большие рыжие и черные пятна. Вовка постоянно приносил Матросу еду, вдобавок к основному пайку, и тот все старательно съедал, чтобы порадовать своего юного хозяина.

Через год маленький лопоухий щенок превратился в шикарного крупного кобелька, который неотступно следовал за своим хозяином и в любой момент мог броситься на его защиту.

Вместе с Вовкой Матрос пошел в первый класс, и каждый день терпеливо ждал его у школьного крыльца. На переменах мальчик выбегал на улицу, чтобы подбодрить четвероногого друга и угостить припрятанной для такого случая сушкой, а в холодную погоду и вовсе сбегал с последних уроков, чтобы не заморозить верного пса.

Когда Вовка колол дрова, Матрос сидел рядом и наблюдал, а потом они вместе носили их в сарай, чтобы уложить в поленницу. Когда Вовка ходил за водой на колонку, он брал три ведра – два нес сам, а в третье наливал воды на доньшко и давал Матросу. Видели бы вы, с каким гордым видом вышагивал пес с ведром в зубах!

Очень нравились собаке и работы в огороде – пока хозяин полот траву или собирал жуков, пес ловил кузнечиков или кувыркался на солнышке, а когда копали картошку – активно рыл землю вместе со всеми и смешил народ своим грязным носом.

Иногда они ходили на озеро. Вовка раздевался и с разбегу нырял с высокого берега в глубину, а Матрос спускался ниже, неуклюже плюхался в воду и плыл к мальчишке, устраивая фонтаны брызг.

Потом они молча сидели на берегу и смотрели на тихую озерную гладь, по которой бегали водомерки, да время от времени, высоко подняв голову, проплывали ужи.

Школу они закончили на твердую троечку, больше из-за прогулов. На вручении дипломов учителя шутили, что неплохо бы и Матросу вручить документ об образовании, но подходящего для него не нашлось.

Несколько дней они наслаждались свободой, но вдруг Вовка занервничал. Пес понял, что грядут тяжелые жизненные испытания.

Хозяин отправлялся на заработки в Москву. Перед отъездом он долго обнимал Матроса и что-то объяснял, потом сказал «жди» и уехал на автобусе.

Вовки не было несколько месяцев, собака все это время жила на остановке, лишь изредка наведываясь домой, чтобы проверить, точно ли хозяина нет.

А вдруг он, как ни в чем не бывало, сидит на крыльце и что-то мастерит?

Растроганные верностью пса сельчане со всех сторон несли ему еду, но Матрос только лизал руки в знак благодарности, и отворачивался, пряча глаза, полные вселенской грусти.

Вовкина мама пыталась закрывать Матроса в сарае, но он находил лазейки и убегал. Потом она посадила его на цепь, но пес сорвался и снова вернулся на свой пост.

В какой-то момент он совсем запаниковал – скулил, выл, метался по дороге, почуяв, что с родным человеком случилась беда.

На строительном объекте Вовка сорвался с лесов и упал с высоты четвертого этажа, выжил чудом, повредил спину.

Денег ему так и не заплатили, и он вернулся домой, уставший, больной и опустошенный. На остановке его встретил худой и постаревший Матрос.

Жизнь подарила им еще несколько месяцев счастья. Они снова копали картошку, ходили в лес за грибами, рыбачили на озере, кололи дрова, потом чистили снег.

Зимой Вовка настоял на том, чтобы Матрос жил в доме. У пса начали болеть и распухать лапы. Он полюбил лежать, прижавшись боком к печке, а иногда и вовсе забираясь к Вовке на кровать.

А потом пришла повестка. Хозяина забирали в армию, и все понимали, что два года разлуки постаревший Матрос не переживет.

На Вовкиных проводах гуляли всей деревней – пели и плясали, а испуганный пес лежал в будке и гадал, чему так радуются люди. Как можно веселиться, зная, что предстоит расставание?

Как только представилась возможность, парень вышел из дома и вместе с Матросом отправился к озеру.

Они молча сидели в темноте и наблюдали, как над тихой водой стелется туман. Он успокаивал, убаюкивал, утешал. Он словно шептал: «Вы еще встретитесь!» Матрос положил свою мудрую голову Вовке на колени и наслаждался каждой минутой.

Через год Вовка приехал в отпуск. Матрос встретил его на остановке. Глаза собаки покрылись пеленой, ноги заплетались, и даже вилять хвостом ему было тяжело.

«Сиди дома! Сиди дома, балбес! Дождись, только дождись меня!»

И снова разлука, опять остановка. Когда Матрос засыпал, к нему приходила трава. Она была такой высокой, что не давала бежать, а где-то впереди Матрос видел Вовкины теплые руки, но все никак не мог их догнать. Они были так рядом, но сил не хватало, совсем чуть-чуть...

До возвращения хозяина Матрос не дожил двух дней. Вовка вышел из автобуса и увидел неподвижное тело своего друга, лежащее на обочине. Он похоронил Матроса там, где они любили сидеть вдвоем, и часто навещал.

Вовкина жизнь без верного товарища была тяжелой, и оборвалась через 22 года здесь же, на берегу. Он прыгнул в озеро, повредил позвоночник и умер в тихой, прохладной воде.

Друзья теперь вместе.

Матрос снова щенок, бегает по мягкой зеленой траве и лижет теплые Вовкины руки.

Роман Прокофьев. «Арбуз»

Доброй памяти добермана Бэка

– 15000 тысяч рублей! – орал из телевизора Тимур Родригес.

«Интересное дело», – глядя в экран, подумал Андрей и отхлебнул кофе из кружки, – «Почему не Абдулла Санчес, или Саид Гильермо Гомес?.. А копни глубже, и окажется он банальным Васей Хрюкиным».

Андрей выключил телевизор. Тишина вкралась в кухню, но была изгнана телефонной трелью.

– Алло?..

– Андрюха, это Вадим. Не разбудил?

– Нет. А ты что в такую рань?

– Да, понимаешь, Фома умер.

– Когда?!

– Вчера утром. Слушай, я тут недалеко. Зайду?

– Заходи.

Андрей положил трубку. Что же это такое? Три недели до нового года, а вчера умер Фома; сколько они не виделись? Почти двенадцать лет. Двенадцать лет он не встречал Фому, живя в трёх остановках от его дома. Парадокс? Синдром города? Нет, всё много проще. Тот давнишний весёлый Фома остался там, далеко в девяностых. Тогда он был полон идей, и главное, мечтал возродить группу, которую когда-то собрал на пару с Андреем. Говорил, что готовит музыкальный материал, требовал текстов, чтобы основательно засесть за гитару. Но всё это были мечты на половину дня, получасовые всплески активности. А к вечеру он едва ворочал языком от избытка алкоголя и терзал струны, извлекая чудовищные наборы скрежета и визга. Или начинал нести чушь о гениальности и, пересчитывая деньги, просил сбегать за портвейном. Его пугали автомобили, он боялся улицы. Он стал жалок, неприятен и зол на весь свет. Алкоголики любят жаловаться на мир, вина в горестях всех, кроме самих себя.

Отчего они пьют? Оттого, что жизнь такая. А отчего жизнь такая? Оттого, что пьют. И уж, конечно, надо бы бросить, выбраться из ямы, начать всё заново. Да-да, обязательно. Но завтра. А сегодня нужно поправиться. И завтра с утра чуть-чуть и, свято слово, завязка. Так думает и верит в это каждый алкоголик.

Завтра – это мантра, и она талдычится каждое утро перед тем, как опрокинуть в себя первый стакан. И каждый раз следуют уверения и себя, и окружающих в том, что всё в руках. Он силён, как лев, он хозяин своему слову. Дело-то – пустяк, всё поправимо. И так он мечтает до тех пор, пока не сыграет в ящик, не успев удивиться, как же это так случилось. А потом начинаются разговоры: где же были друзья, почему не спасли, не уберегли, не остановили? А друзья были. Просто все забывают о том, что невозможно спасти того, кто спастись не хочет...

– Вот, – Вадим вошёл в дом, принеся с собой облако морозного воздуха, и протянул бутылку коньяка, – помянем.

Они сели на кухне. Выпили. Вадим закурил.

– Такие дела, – вздохнул он.

– Какие такие? Вполне ожидаемые дела, – ответил Андрей. – Согласись, ты тоже мало верил в чудо.

– Это правда, – Вадим кивнул, – я давно был готов именно к такому повороту. Это было ясно ещё полгода назад. Он него только очки оставались, это был уже не человек.

– Да, – согласился Андрей, – но ведь мы могли ему помочь.

– А разве не помогали?

– Чем? Тем, что отвернулись от него? И я в первую очередь. Конечно, дружить там было уже не с кем. Но разве это может служить оправданием?

– Собираешься заниматься самобичеванием? – Вадим налил ещё вина, – Брось. Сам себе признайся, последнее время тебе было наплевать на то, как и чем он жил. Впрочем, и мне. Да и всем, кто его знал. В результате он остался один. Тебе-то не нужно объяснять, что такое одиночество. Что ему оставалось?

– Спиться? – Андрей отмахнулся. – Не говори ерунды.

– Почему? Всё так и есть, – сказал Вадим, – К тому же, ты помнишь, он всегда был не от мира сего. Вечно скрёб свои блюзы, как помешанный. И играть толком не умел. Давай, помянем.

Они выпили.

– На похороны пойдёшь? – спросил Вадим.

– Нет. Я съезжу к нему потом. Один. Или с тобой.

– Эх, – вздохнул Вадим, – бабёнку ему нужно было завести. Впрочем, он от них шарахался, как чёрт от ладана. А может, правильно делал, что шарахался? Женщина, это чёрные дыры в прямом и переносном смысле. Извини за грубый каламбур. Но ведь тоже, как шагнул за границу событий, сиречь по ту сторону чёрной дыры, считай – пропал. Разложишься на атомы. А соберёшься ли потом, не известно. Их манящие одежды и есть горизонт событий.

– Ты противник физической близости?

– Нет, что ты. Близость это... Слова не подберу. В общем, ничего более привлекательного ни биология, ни физиология не придумали. Однако: лишь вечер настает, плаваю я сильнее, чем светлячок. Но пламени тебе, наверное, не видно, и от того ты равнодушна.* Что ж, выпили, помянули. Пойду я, – вздохнул Вадим. – Тебе когда на работу?

– Завтра с утра.

Вадим покачал головой и ушёл. Андрей закурил.

«Фома, Фома... Тесны врата и узок путь, ведущие в жизнь, и немногие находят их». **

Как глупо всё: и жизнь невпопад, и смерть на полдороге...

Стоит зима – и вдруг, совсем неожиданно, —

Между деревьями увидел я цветы, —

Так показалось мне,

А это хлопья снега,

Сверкая белизной, летели с высоты.***

Жизнь продолжается, спешит вперёд, стуча шестерёнками; даже когда нам кажется, что всё кругом замерло, жизнь упорно продолжает крутить колёса, перемалывая секунды в муку, выпекает из неё хлебы, сушит сухари, чтобы затем хранить в мешке под названием «память». Но сохраняются лишь самые крепкие их сухарей, которым не суждено покрыться плесенью. Их удел – служить пищей, удел других – пыль и труха.

Можно долго глядеть на звёзды, мечтая о том, что где-то там вращаются другие солнца, а вокруг них, словно йо-йо, кружатся обитаемые земли. Счастливая, почти вечная жизнь. Радость и мир.

Но так ли уж каждому хочется вечности? Или этот миф придуман только затем, чтобы хоть чем-то сгладить, успокоить, умерить страх перед собственной смертью? Смерть начало жизни. Так сказано у Гаутамы, так сказано у Христа. Разница лишь в том, что первый обещает праведнику цепь перерождений, а второй райское беззаботное блаженство: бесполое и бессмысленное.

Прошло полгода. Июнь победно размахивал флагами и усеивал город испепеляющими стрелами. Дома кое-как, но выдерживали осаду, невероятными усилиями им удавалось отбиваться от жары.

Андрей был рад, что получил отпуск, и теперь был волен распорядиться им, как душа пожелает. А душа пожелала незамедлительно сбежать из города, оставив его на разграбление духоте. Впереди две недели безделья. Не проводить же столь драгоценное время в объятиях ватных одеял. На дачу! Туда, где течёт симпатичная речушка, где неподалёку от висячего моста стоит маленький домик, окружённый яблоневым садом, где поскрипывает на несмазанных петлях калитка. А возле неё, окружённый камнями пятачок, на котором удобно разводить вечерами костёр и жарить, подготовленные в лимоне и маринаде и сдобренные сухим вином шашлыки. Одна беда – скучно ехать одному. Хотя, кто сказал одному? Есть же Арбуз!..

Андрей сошёл с пригородного поезда на пыльный полустанок и спустил с поводка Арбуза. Поджарый чепрачный доberman повёл носом, отряхнулся, проверяя, действительно ли отцеплен поводок, и знакомой тропой через луг побежал к лесу. Андрей не боялся отпускать собаку. Во-первых, потому, что с поезда никто больше не сошёл. Во-вторых, Арбуз не отличался злым нравом, и если лаял, то лишь для поддержания авторитета и прочистки голосовых связок. Он был, если таковое определение применимо к собаке, принцем крови. Никогда не нападал без причины, и тем более без команды.

Арбуз был натурой миролюбивой. Его больше интересовала возня с какой-нибудь суковатой палкой и купание в реке. Да ещё помощь в поиске грибов. Если у него вдруг возникало желание этим заниматься. Но когда возникало, то грибы он находил добросовестно, оглашая каждую находку громогласным лаем, от которого замирали все прочие лесные звуки.

Считанные секунды, и Арбуз появился перед Андреем с большущей суковатой дубиной. Пёс поглядел на хозяина и помотал головой, приглашая поиграть, то есть, взять и забросить дубину куда-нибудь подальше, чтобы можно было умчаться за ней, притащить обратно и повторить забаву. Но Андрей, оценив величину обломка, развёл руками:

– Ты ещё больше не мог принести?

Пёс, не выпуская деревяшку из пасти, фыркнул, словно говоря:

«Что ты, хозяин, это же крошечный прутик. Что тебе стоит зашвырнуть его куда-нибудь?»

Арбуз положил палку на землю и, виляя обрубком хвоста, попятился. Андрей вздохнул, взял деревяшку, размахнулся и запустил её в густые заросли травы. Собака сорвалась с места и, подобно гибкому гепарду, перелетая через кочки, устремилась к заветной цели.

Андрей поправил на плече рюкзак, закурил и пошагал по тропинке. Через пятнадцать минут, миновав отрезок леса и десятка четыре дач, он вышел на пыльную просёлочную дорогу. Пройдя ещё метров двести, он оказался у калитки, ведущей в сад его участка. Здесь, в тени старых, но исправно плодоносящих яблонь, стоял синий двухэтажный домик.

Андрей отбросил щеколду и открыл калитку. Арбуз тут же попытался протаскать палку на участок, но та ни за что не желала пролезать в узкую щель. Фыркнув и видя бесполезность усилий, пёс решил не связываться со Сциллой и Харибдой. Он бросил дубину у забора и, более не взглянув на неё, отправился исследовать стоявшую возле сарая будку, свою дачную резиденцию. Не выявив там ничего подозрительного, он оглянулся на хозяина, с гордым видом прошептал на крыльцо и улёгся там, зевнув и высунув язык. Андрей открыл сарай, служивший одновременно хранилищем инвентаря и кухни, положил рюкзак, закурил и вышел на улицу.

Солнце постепенно дожигало отпущенный на сегодня лимит топлива. Из яркого лимонного гиганта оно превращалось в размазанную красно-розовую кляксу и неохотно увязало где-то за рекой, тщетно цепляясь за сосновые верхушки. Кузнечики включили громкоговорители. Роса пала на землю. Нудно запищали комары. Откуда-то с правой стороны долетел запах дыма. Очевидно, топили баню, или просто развели костёр.

Вдруг возле калитки шелохнулись кусты, и что-то бежевое мелькнуло среди листьев малины. Собака учуяла присутствие постороннего. Арбуз медленно сошёл с крыльца и повёл носом, безошибочно угадывая местонахождение чужака. Пёс глухо зарычал и посмотрел

на Андрея, ожидая команды броситься вперёд и разорвать злоумышленника в клочья. Андрей приказал собаке сидеть. Пёс сел, но сразу поднялся, и зарычал ещё громче.

– Фу! Сидеть, место, – приказал Андрей.

Арбуз нехотя подчинился, но не сводил глаз с кустов. Андрей шагнул к кустам и осторожно раздвинул их. За кустами, в шаге от калитки стояла белокурая девчушка лет пяти. Она теребила в руках берёзовую ветку с листьями и глядела на Андрея полными вопросов глазами.

– Вот тебе раз, – удивился Андрей, – Ты кто ж такая?

– Здравствуйте! – громко, но вежливо поздоровалась девочка и показала рукой в сторону соседней дачи, – Я вот там живу, с мамой. А здесь вы живёте?

– Мы? – спросил Андрей, однако сразу догадался, что «мы» это он и собака, – Да, здесь мы живём. Ты пришла познакомиться?

– Угу, – кивнула девочка.

– А мама тебе разрешит?

– Я не знаю, – вздохнула гостья, не сводя глаз с собаки, – Я же не спрашивалась ещё.

– Так ты бы сходила, спросила, – посоветовал Андрей, – а то попадёт тебе за то, что без спроса ходишь.

– Я тогда пойду, спрошу, – сказала девочка, – и приду. Можно?

– Приходи, – кивнул Андрей.

– А она не кусается? – девочка кивнула в сторону Арбуза.

– Это он, – ответил Андрей, – и он не кусается. Он маленьких не обижает.

– Да? – обрадовалась девочка, – Ну, я пойду... Я скоро!

Она развернулась и побежала домой на соседнюю, выкрашенную в жёлтый и зелёный цвета дачу.

«Чья же эта?» – подумал Андрей, глядя девчушке вслед, – «В прошлом году её здесь не было. Наверное, чья-нибудь внучка. Впрочем, ни у кого поблизости девочек нет, одни мальчишки. В гости, что ли к кому-нибудь приехала?»

Андрей похлопал Арбуза по холке и велел идти в будку. Пёс отряхнулся и не спеша отправился к себе. Вдоволь полаять и вцепиться в злоумышленника не пришлось. Но это к лучшему: слишком жарко, чтобы ввязываться в драку. Ложная тревога, всего-то какой-то человеческий щенок. Одно любопытство у них, и не меньшее, чем у собак. А то и больше. Собака что, обнюхает да и пойдёт себе дальше. А эта малышня, им всё нужно потрогать, потискать за уши...

Андрей закурил. Он остался стоять у калитки, решив дожидаться новую знакомую здесь. Разбирало любопытство: кто такие эти соседи. Да и не соседи. Зачем лгать себе? Андрею хотелось посмотреть на маму девочки. Именно эта мысль застряла в голове. И хотя он понимал, что не хорошо так думать, но ничего не мог с собой поделать.

Прошло около десяти минут. Андрей подумал, что девочке отказали в разрешении, и она посажена под домашний арест. Но услышал её звонкий смех, и на дороге показалась его новая знакомая с пакетом в руке.

– Мам, – протянула девочка, – иди быстрее! Тут же собака!..

Соседняя калитка отворилась, к девочке подошла мама. Она взяла дочь за руку и направилась в дом Андрея. Расстояние было невелико, и Андрей прекрасно рассмотрел девушку. Длинноволосая, в простеньком летнем платье она вышагивала по траве босыми ногами и выслушивала дочкину болтовню о том, что нужно идти как можно скорее. Мать тихо отвечала дочери, что воспитанной девочке вовсе не стоит столь бурно выражать эмоции перед незнакомыми людьми, и что хорошие девочки так себя не ведут, и уж тем более не напрашиваются бесцеремонно в гости. Но девочка пропускала наставления мимо ушей и упорно тащила мать вперёд. Наконец они подошли к калитке.

– Мама разрешила, – по-свойски обратилась девочка к Андрею, – Можно теперь познакомиться с вашей собакой?

– Можно, – кивнул Андрей и отворил калитку.

– Нет, нельзя, – сказала девушка, – сначала ты должна поблагодарить, представиться, а потом уже идти.

– Да? – девочка посмотрела на мать, потом на Андрея и сказала: – Спасибо. Меня зовут Оля. Можно мне посмотреть собаку?

– Да, – сдерживая смех, ответил Андрей и позвал пса: – Арбуз, ко мне!

– Арбуз? – удивилась Оля, – А разве у собак такое имя бывает?

– У собак бывает, – ответил Андрей и взял подбежавшую собаку за ошейник, – Познакомься, Арбуз, это Оля.

Пёс посмотрел на хозяина, потянулся мордой к девочке и коснулся её щеки мокрым носом. От неожиданности Оля отшатнулась назад, но сейчас рассмеялась и протянула собаке руки.

– Это он меня поцеловал, да? Правда, мама?.. Видишь, он совсем не злой.

Девочка положила принесённый с собой пакет на землю и принялась гладить собаку по широкой чёрной спине. Пёс вздохнул, но стоически перенёс столь бесцеремонное отношение к себе, да ещё со стороны какой-то козявки. Но если хозяин позволяет так поступать; то, с какой стати огрызаться?..

– Она задушит вашу собаку, – улыбнулась девушка.

– Если только добротой, – ответил Андрей, – и она же не сильно. Пусть погладит.

– Что ж, – вздохнула девушка, – раз так, давайте знакомиться. Как вас зовут?

– Андрей.

– А я Ильма. А вашу собаку и вправду зовут Арбуз?

– Да, – кивнул Андрей, – Понимаете, положено называть собак по алфавиту. Чтобы не было путаницы. Родитель его был Ясон. А он, соответственно, на «а», Арбуз.

– Мне нравится, – засмеялась Ильма.

– А вы давно тут живёте? – спросил Андрей. – Раньше я вас не видел.

– И не могли видеть, – ответила Ильма, – мы в первый раз приехали. Родители дачу эту купили. А вы?

– Давно. Этот дом ещё дед мой выстроил.

– Ясно, – кивнула Ильма, – А мы на речку собрались. Не хотите пойти искупаться? День был жаркий, да ещё эти грядки... Нужно ополоснуться перед сном.

– С удовольствием, – кивнул Андрей и ушёл в дом переодеться.

Из окна сквозь занавеску он видел, что Ильма погладила Арбуза и о чём-то говорила с дочерью. Та послушно кивала головой, не забывая при этом тискать собаку. И в том не было бы ничего удивительного, если бы не одно «но». Арбуз терпеливо сносил столь прилипчивое присутствие, и что самое удивительное, ни разу не зарычал. Он словно впал в джану. Арбуз был независимым псом. Никому, кроме хозяина и его двух-трёх друзей он не позволял хлопать себя по спине и теребить за уши. Но сегодня его точно подменили. Он даже был не против, чтобы девочка обнимала его за шею.

– Видишь, мама, какой он хороший? Правда, мы с ним подружились? Правда?

– Правда, – ответила Ильма.

– И они пойдут с нами на речку?

– Да.

– И Арбуз будет купаться?..

Пёс, услышав слово «купаться», громко гавкнул.

– Говорит, будет, – засмеялась Оля и хлопала в ладоши.

Андрей вышел из дома и взял собаку на поводок. Идти до реки было недолго, всего каких-нибудь триста метров. А потом оставалось перейти висячий мост, повернуть налево и спуститься к маленькому пляжу. Река в этом месте была широкая, а глубина на середине дохо-

дила до трёх метров. И всё благодаря стоявшей здесь когда-то мельнице, запруда и определяла глубину.

Почувяв воду, Арбуз завилял обрубок хвоста и прилёг на поводок, заставляя Андрея идти быстрее. Подойдя к реке, Андрей отстегнул карабин. Арбуз в три скачка преодолел расстояние, отделявшее его от воды, и с грохотом влетел в неспешный поток. Брызги шумно разлетелись по сторонам. А собака, фырча и прижимая уши, поплыла к соседнему берегу. Оля заморожено смотрела на эту картину и смеялась:

– Вот это да! Мама, ты видела брызги?.. Ха-ха-ха, и я так хочу!

– Нет, – ответила Ильма, – в реке баловаться нельзя. Чтобы так бухаться, нужно уметь плавать. А ты, моя дорогая, этого ещё не умеешь.

Девочка вздохнула и принялась стягивать с себя платье. Когда она аккуратно сложила его на траве, то сняла сандалии и посмотрела на мать. Ильма подошла к реке, потрогала воду и разрешила девочке зайти в реку.

– Только не глубоко, – предупредила Ильма, – и походи вначале, привыкни. Поищи какие-нибудь камешки, а потом будешь купаться.

– Ладно, – ответила Оля, бродя по колено в воде.

Но никакие камешки девочку, конечно же, не интересовали. Да и о каких камешках могла идти речь? Даже лягушка, выпрыгнувшая из густой травы, не привлекла внимание. Девочка во все глаза смотрела на собаку. Арбуз плыл с соседнего берега. Ещё немного, и он вышел на берег. Осмотрев, всё ли спокойно, он шумно отряхнулся, обдав девочку душем брызг. Оля замахала руками и залилась смехом. А пёс, подавшись веселью, громко залаял.

– Сейчас начнёт веселиться, – сообщил Андрей, – нужно ему какую-нибудь дубину найти.

– Дубину? – удивилась Ильма, – Зачем?

– Поиграть, – ответил Андрей, – Надо же ему что-то в воду бросать. А мячика у нас нет.

– Так нужно было сказать, мы бы свой мячик взяли, – сказала Ильма.

– И остались бы без него. Прокусит сразу. Вот палки – да. И чем увесистее, тем лучше. Пойду в лес схожу, найду что-нибудь подходящее. А вы купайтесь...

Но Андрею не пришлось никуда идти. Арбуз уже летел стрелой, сжимая в пасти сосновый сук.

– Когда же ты успел? – Андрей развёл руками.

– А он только что, – сообщила Оля и показала в сторону леса, – он вон туда бегал.

– А кто ему разрешал? – смотря на собаку, спросил Андрей.

Арбуз положил палку у ног хозяина и отошёл в сторону, виляя обрубок хвоста, словно говорил: что я, маленький, что ли? Дел-то на три копейки. Зашвырни-ка её подальше.

Андрей бросил палку на середину реки. Пёс сорвался с места и торпедой бухнулся в воду. Оля захохотала, и собралась было бежать к реке, но мать остановила её:

– Подожди чуть-чуть.

– Ладно, – вздохнула девочка и вошла в реку по щиколотку.

– Строго вы с ней, – улыбнулся Андрей.

– Иначе нельзя, – ответила Ильма, – ей только дай волю.

– Такая непослушная?

– Что вы, она очень послушная. Но всё равно нужен глаз, да глаз. Вы не согласны?

– Полностью согласен, – кивнул Андрей, – А вы сами-то купаться собираетесь?

– Собираюсь, – Ильма сняла халат и осталась в зелёном с красными узорами купальнике. Андрей тихонько оглядел девушку, оценив её стройность.

– Вижу, что подхожу под ваши критерии, – улыбнулась Ильма.

– Нет у меня никаких критериев, – стушевался Андрей.

– А вот и лжёте, – засмеялась Ильма, – если бы не было, не стали бы вы меня рассматривать столь внимательно. Признайтесь.

– Признаюсь, – кивнул Андрей.

Он вошёл в воду и, не обращая внимания на охвативший его в первое мгновение холод, вытянул руки, оттолкнулся от дна и ушёл под воду. Вынырнув, Андрей обнаружил рядом с собой Ильму. Девушка убрала с лица налипшие волосы и поплыла к берегу.

– Думали, я буду лягушкой барахтаться? – улыбнулась она.

– Ничего такого я не думал, – ответил Андрей.

– Потому, что не успели, – засмеялась Ильма, – Ой, ваша собака плывёт!..

– Не бойтесь, – сказал Андрей, – Хватайтесь за ошейник, он вас до берега доведёт.

– Вы серьёзно?..

– Вполне, – ответил Андрей и, дождавшись, когда девушка ухватиться за ошейник, командовал: – Арбуз, на берег!

Пёс фыркнул и потащил Ильму на мелководье. Оля, стоя по колено в воде, восторженно наблюдала за происходящим.

– Мамачка, и мне так хочется! – закричала она, – Можно мне? Ну, пожалуйста!..

Ильма добралась до берега и вышла на песок. Арбуз отряхнулся и лёг на песок. Высунув язык, он смотрел на Андрея, ожидая, что ещё придёт хозяину в голову. Кого ещё придётся покатасть? Неужели эту хохочущую мелкоту?..

– Ильма, может быть, вы и Оле разрешите покатасться? – спросил Андрей.

– На собаке?!

– А вы видите здесь лодку? – улыбнулся Андрей, – Вы не бойтесь, я рядом поплыву. Ильма собралась что-то ответить, но девочка перебила её.

– Мама, пожалуйста! Мне так хочется покатасться на Арбузике. Ты-то ведь покаталась...

Этот довод привёл Ильму в замешательство, она не нашла чем возразить и разрешила. Андрей позвал собаку, зашёл с ней в воду и позвал девочку.

– Смотри, – сказал он, – когда Арбуз поплывёт, ты просто держись за ошейник. И ногами не бултыхай, а то ему тяжело будет плыть. Поняла?

– Ага, – кивнула Оля.

– Вперёд, – командовал Андрей.

Арбуз, чувствуя, что плыть придётся с человеческим существом на борту, осторожно пустился вплавь. Девочка крепко держалась за ошейник и скользила в воде рядом с собакой. Андрей плыл за ними, готовый в любой момент подхватить Олю. Но опасения были напрасны. Арбуз добросовестно отбуксировал девочку на противоположный берег. Почуввав под ногами песок, Оля вышла на сушу. Улыбаясь от восторга, она помахала матери рукой.

– Не испугалась? – спросил Андрей.

– Ни капельки, – ответила Оля, – А назад тоже на нём?

– Конечно, – кивнул Андрей, – Поплыли?

Они вернулись. Оля бросилась к матери.

– Ты видела?.. Видела?

– Молодцы, – улыбалась Ильма, – А ты сказала Арбузу спасибо?

– Забыла, – девочка всплеснула руками, – сейчас скажу.

Она повертела головой, нашла лежащего в траве Арбуза и пошла к нему с твёрдым намерением высказать признательность.

– Ну, вот сказала Ильма, – теперь она ни за какие коврижки не отстанет от собаки.

– Разве плохо, когда дети любят животных? – спросил Андрей. – Посмотрите, как они ладят друг с другом, не разлей вода.

– Вы думаете?

– Конечно. Кто понимает животных лучше, чем дети? Ведь они говорят на одном языке. Не замечали? По сути, сейчас они стоят примерно на одной возрастной ступени.

– Да, я что-то читала об этом. А вы... нет, давай, на «ты». Не люблю выкать, сразу представляю себя старушкой. Ты чем занимаешься?

– Переводами с английского, – ответил Андрей, – в основном техническими.

– А я врач-садист, – сказала Ильма.

– То есть?

– Стоматолог.

– Действительно, – кивнул Андрей, – есть в этой профессии нечто зловещее. А в свободное время?

– Оля всё моё свободное время.

– Да?..

– Вижу, тебя развеселил мой ответ. Да, ты сделал правильный вывод, мужа у меня нет. Хотя это ничего не значит.

– Я понимаю, – улыбнулся Андрей, – Но чайку-то попить, я могу тебя позвать? Тебя и Олю.

– Можешь, – кивнула Ильма.

– Тогда нам с Арбузом пора.

– Почему так скоро?

– Понимаешь, забыл газовый баллон привезти. Но у меня есть самовар. А он, как ты понимаешь, за десять минут не закипает...

– Но он и за полчаса не закипит, – возразила Ильма, – а Оле скоро спать.

– Так пусть себе спит у меня, я отлично её устрою. А почаёвничаем, отнесу к тебе.

– Ты это вот так сразу решил?.. Что ж, согласна. Мне даже интересно всё это.

– Что всё?

– Да так, – улыбнулась Ильма, – ничего.

Вернувшись с речки, Андрей завёл Арбуза в будку. Повертевшись, пёс улёгся и положил морду на лапы. Оля заглянула в будку, о чём-то подумала и заявила:

– А можно и мне там посидеть?

– В будке? – хором спросили Ильма с Андреем.

– Да, – кивнула девочка, – я чуть-чуть. Можно?..

– Оля, – вздохнула Ильма, – как же будешь там сидеть?

– Возле двери, – ответила та, – домик-то большой.

Андрей тихо засмеялся. Он не стал ничего говорить, предоставив эту возможность Ильме; к тому же ему было интересно, чем всё закончится. Но закончилось не упрёками и выговорами. К удивлению Андрея Ильма согласилась.

– Но на чём ты собираешься сидеть? – спросила она.

– Это не проблема, – Андрей вынес из сарая маленькую скамеечку и поставил её рядом с будкой, – вот.

Ильма развела руками. А довольная Оля уже взгромоздилась на скамейку.

– Я буду ему рассказывать сказку, – сказала девочка, – ту, которую ты мне читала. Помнишь, мама?

– Помню, – вздохнула Ильма, – рассказывай.

– О чём сказка? – поинтересовался Андрей.

– О Снежной королеве, – ответила Ильма.

– Хорошая сказка, – кивнул Андрей, – Арбуз такой ещё не слышал. И очень познавательная.

– Особенно для собак, – добавила Ильма.

Но Оля уже не обращала внимания на слова. Она гладила Арбуза по холке и старательно выговаривала:

– Жил-был на свете мальчик Кай; и девочка жила, по имени Герда...

Андрей шепнул Ильме:

– Поможешь мне самовар из дома притащить?

– С удовольствием, – ответила та.

Дым валил из трубы, создавая ощущение, будто сад превратился в украшенный зеленью паровоз, мчавшийся в неизведанную фиолетовую даль. Редкие порывы налетавшего ветерка разрывали серо-белый столб, и тогда дым брал власть в свои облачные лапы и заполнял округу, заставляя глаза слезиться. Но это лишь веселило Ильму; а Оля была просто счастлива, когда ей удавалось преодолеть густое препятствие и опустить в трубу несколько щепок или шишек.

Арбуз, наслушавшись сказок, сидел в стороне под яблоней, фыркал от дыма и в недоумении поглядывал на людей, удивляясь и пытаясь понять, зачем нужно было разводить этот едкий туман, и какая может быть от него польза.

Периодически, оставляя хлопоты с самоваром, Оля отбегала к Арбузу и что-то сообщала ему по секрету. Пёс стойчески выслушивал детские монологи и лизал девочку в нос. Оля смеялась, утирала лицо перепачканными сажей руками и возвращалась обратно к самовару.

– Доченька, – Ильма поглядела на Олю, – посмотри, на кого ты похожа.

– Как же я могу посмотреть, – удивилась Оля, – зеркала же нет.

– А ты в самовар погляди, – подсказал Андрей.

Оля подошла к закипевшему самовару и поглядела в его блестящий металлический бок. Ничуть не смутившись перепачканного сажей носа, она засмеялась:

– Я похожа на чёртика из мультика, правда?

– А разве девочкам можно быть чёртиками? – спросила Ильма.

– Можно, – весело ответила девочка и бросила в трубу щепку.

– Но ты всё равно, пойдёшь, пожалуйста, умойся, – попросила Ильма.

– А куда?..

– Иди вон за тот куст смороды, – сказал Андрей, – там кран. А полотенце найдёшь в сарае на гвоздике.

– Ладно, – кивнула Оля и отправилась умываться.

Самовар загудел, дым повалил из трубы столбом и сник; теперь только жар вырвался наружу, смешиваясь с прохладным воздухом и заставляя подпрыгивать и бренчать крышечку на покатом плече. Андрей принёс заварочный чайник и налил в него кипятку.

– Ну, вот, теперь можно чай пить.

– Ура! – Оля захлопала в ладоши.

– Предлагаю пить прямо здесь, – сказал Андрей. – Стол и стулья сейчас принесу. А?

– Пожалуй, – согласилась Ильма, – Первый раз буду пить чай из самовара. Только в кино видела да читала; ой, что ж это я? У меня же варенье есть! Сейчас принесу...

Втроем они сидели за столом, и пили чай с вареньем. Ветви старой яблони, покачивая листвой, шатром укрывали их, и вечернее солнце не слепило глаза прощальным ярким свечением. Самовар ещё дымил, распугивая стаи назойливых комаров. Роса падала на траву, а кузнечики, радуясь свежести, от души заливались мелодичным стрёкотом.

Оля, ухватив кружку двумя руками, шумно прихлёбывала ароматный чай, ела булку с вареньем, болтала ногами и, не умолкая, тараторила, задавая между тирадами вопросы, поражающие своей объёмностью. Ей хотелось знать, отчего у Арбуза короткий хвост; и что было бы, если бы хвост остался длинным; зачем уши подрезаны; а ещё, ест ли Арбуз арбузы.

Андрей обстоятельно давал ответы, и Оля, внимательно слушая, понимающе качала головой. А узнав, что собака ест суп, несказанно удивилась. Да и как же было не удивляться, ведь девочка принадлежала к тому типу малышей, для которых само слово «суп» уже несло с собой страдания и все мировые катастрофы.

– А я хочу ещё спросить, – сказала она, – вот зимой, когда все катаются на санках, Арбуз тоже катается?

– Доченька, – сказала Ильма, – он же собака, он не может кататься на санках.

– Кататься сам не может, – согласился Андрей, – а вот кого-нибудь катать может. У него и специальная шлейка есть. Надеваешь её, садишься, и поехал.

– Правда? – Оля недоверчиво поглядела на Андрея, – Как в кино?

– Как в кино, – кивнул Андрей, – зима придёт, он обязательно тебя покатает. У тебя санки есть?

– Есть, – ответила Оля, – даже со спинкой.

– Вот и хорошо, – сказал Андрей, – сядешь и поедешь.

– Правда-правда? Честно-честно?

– Обещаю.

– Скорей бы зима, – мечтательно произнесла девочка.

– Зима зимой, – сказала Ильма, – а тебе, подруга, спать пора. Допивай, и пойдём.

Девочка тяжело вздохнула и принялась допивать чай. Но делала она это так медленно, что Ильма, тут же, разоблачила хитрость. Оля хотела было поныть для приличия и заявить, что не такая уж она и маленькая; но поняв, что нытьё ни к чему хорошему не приведёт, сдалась. Она допила чай, слезла с стула, сказала «спасибо» и уставилась на мать.

– Прекрасный был чай, – сказала Ильма, вытирая дочери платком губы, – Спасибо. Но нам пора укладываться.

– Да, – вздохнул Андрей, – уже поздно.

Ильма улыбнулась:

– Я поняла этот вздох. Но не нужно так тяжело, завтра мы увидимся.

– Обязательно!

– Ну, – Ильма взяла дочь за руку, – попрощайся, и пойдём.

– До свиданья, – сказала Оля, – и Арбузу скажи до свиданья. Он уже спит?

– А ты сама сходи да попрощайся, – ответил Андрей, – думаю, мама разрешит.

– Так уж и быть, сходи, – улыбнулась Ильма, – только не задерживайся.

Девочка улыбнулась и побежала к будке.

– Честное слово, – сказала Ильма, – скажи ей сейчас: оставайся, и она точно в конуре заночует. И что с ней делать?..

– Да пусть попрощается, – ответил Андрей, – ей же интересно. Ни у кого из её знакомых нет собак?

– Только коты.

– Вот. А у неё теперь есть. Зачем лишать человека радости?

– Да, – согласилась Ильма, – Лишь бы не хвасталась потом в садике. Хотя это не страшно. Как бы ей не взбрело в голову обзавестись собственным псом.

– Это очень тяжело, – ответил Андрей, – если бы я заранее знал, насколько это трудно – иметь собаку – не взял бы. А она пусть уж лучше к Арбузу приходит.

– Завтра вечером мы уже уезжаем, – сказала Ильма.

– Но это отсюда. А в городе?

– Ах, вот в чём дело, – Ильма улыбнулась, – Тебе хочется продолжить знакомство.

– Да.

– Даже не знаю, – Ильма подошла к калитке и позвала дочь.

Оля промчалась мимо Андрея, на ходу помахав ему рукой...

Сгустились сумерки, и вскоре густая ночь укрыла сады и домики. Притихли кузнечики, попрятались в свои домики светлячки. Андрей убрал со стола чашки и сел покурить на крыльцо. Странная вещь, он почти не курил целый день. Когда же такое случилось? Никогда.

Андрей улыбнулся. Славно, что он приехал сюда; славно, что повстречался с Ильмой и Олей; славно, что есть Арбуз. Если бы не собака, познакомился бы он с ними? Увиделся бы через забор, не более того. Проходили бы они мимо, здоровались, а теперь... А что теперь? Уж не думает ли он, что Ильма унесла в себе хоть какую-то горсточку тепла?

С другой стороны ничего особенного не произошло. Дочке понравилась соседская собака. Сосед не прогнал, разрешил поиграть, поплавать. И что, разве из этого можно строить какие-то догадки? Размечтался...

Андрей поглядел на звёзды. Холодные, молчаливые и далёкие, они блестели рассыпавшимися стекляшками и таили в себе одно безразличие.

Вспомнился Фома. Андрей так и не сходил к нему на могилу. И дело было не в лени, нет. Что-то удерживало его, словно камни были привязаны к ногам. Фома всё ещё оставался в памяти живым, весёлым и беспашашным парнем, тем, которого он знал в самом начале их знакомства. Тогда Фома учился в институте, готовился стать авиаинженером. Приезжал на каникулы и, сходя с поезда, вытаскивал следом рюкзак таких невероятных размеров, что брало изумление, как удавалось провозить столь громоздкую поклажу в набитом трамвае, а потом умудриться запихать его в плацкарту. А ему удавалось, и лежали в том брезентовом монстре одни книги, на которые Фома тратил почти все свои деньги. Книги и гитара были единственными увлечениями Фомы. Пить он тогда ещё не начал, к противоположному полу относился с опаской, стеснением, а иногда с пренебрежением. Поэтому ставил заплатки на джинсы и сочинял музыку. Иногда получалось мелодично и красиво, иногда талантливо. Но всё выглядело аккуратным лишь на нотной бумаге, до тех пор, пока в руки не бралась гитара. Ощущение лёгкости мелодичного потока исчезало в один миг.

Он терзал инструмент, словно водил напильником по старой водопроводной трубе. А уж если ему приходило в голову дополнять тактильные пассы вербальными, то в этом случае звук заходящего на посадку лайнера казался ангельским пением. Однако Фому это не смущало, он продолжал творить блюзы, поражая работоспособностью.

Потом у него была группа, потом другая. Потом он запил, ушёл в себя, сел в стакан на самое дно и, наконец, умер. Что осталось после него у Андрея? Три компакт диска да с десяток фотографий.

Что было бы, если бы Андрей остался с ним в той распроклятой группе? Превратился бы в такого же парию? Носился бы с идеей, что он есть самый, что ни есть – настоящий – гений и поэт? Колотил бы по барабанам до тех пор, пока не свалился бы? А потом?..

Иллюзорная жажда славы. Лучше кусок сухаря и с ним мир, нежели дом, полный яств, но с раздором. С раздором с самим собой.

Андрей затушил окурок и вошёл в дом. Арбуз, обойдя дозором сад, прибежал следом. Андрей постелил собаке старое покрывало, а сам улёгся на скрипучий диван. Спать не хотелось. Полежав в темноте, Андрей включил свет, вытащил из тумбочки ворох старых журналов и принялся лениво их перелистывать. Все эти рассказы и новеллы были перечитаны бессчётное количество раз, однако являлись отличным снотворным...

За окнами проехал автомобиль. Арбуз буркнул и повёл ушами.

Проплыл самовар, пёс пронёсся экспрессом... Фонтан брызг. Оля, смех, беготня...

«А мы привезли санки, будем кататься!..»

Ильма. Она идёт сквозь высокую, доходящую почти до груди траву и смеётся. Река манит свежестью...

«Арбуз! Арбуз!.. Андрей!..»

Бум! Бум! Бум!

Собака рванулась к двери и заскулила. Андрей проснулся и зажёл свет. В дверь отчаянно колотили. Андрей вскочил с постели, вышел в коридор и откинул щеколду. В дверь шагнула Оля и обняла Андрея за ногу. Девочка рыдала, захлёбываясь слезами.

– Оленька, что случилось? – Андрей подхватил Олю, занёс в комнату и посадил на стул, – Ты почему здесь? Почему одна?

– Я прибежала, – ответила Оля, – а они приехали. И мама там...

– Кто приехал? Кто они?

– Я не знаю... на машине приехали, и кричат, а я боюсь, и к тебе прибежала.

– Не бойся, тут тебя никто не тронет, – Андрей оделся и погладил девочку по волосам, – Посиди здесь, а мы быстро.

Андрей взял Арбуза на поводок и вместе с собакой выбежал из дома. Несколько шагов, и они были рядом с дачей Ильмы. Рядом с забором стоял белый автомобиль.

Хотя в доме горел свет, занавески на окнах были задёрнуты, и разглядеть, что творится внутри, было невозможно. Арбуз рванул вперёд, но Андрей удержал его.

– Спокойно, – прошептал Андрей, – только не гавкай сейчас.

Но Арбуз и не собирался этого делать, он лишь утробно зарычал, и шерсть на загривке встала дыбом. Сейчас он не нуждался ни в каких командах, ему было прекрасно известно, как следует поступать в подобных ситуациях. Недаром он ходил в собачью школу. Сейчас нужно высмотреть врага, ближайшую цель. Повалить первого, кто попадётся на пути. А потом бросаться на следующего злодея. И так до тех пор, пока не будет повержен последний враг. И тогда он получит заслуженную похвалу. А что может быть ценнее похвалы хозяина? Самого лучшего в мире, за которого он готов растерзать каждого...

Андрей подошёл к двери и услышал доносившиеся из комнаты мужские голоса. Говорили двое.

Ударом ноги Андрей распахнул дверь и вошёл внутрь. Следом, ошетинившись, ворвался Арбуз и разразился ужасающим лаем, переходящим в такое злобное рычание, что казалось, все доисторические предки вселились в него и грозились выскочить из оскаленной пасти.

Ильма сидела на стуле и куталась в старенькую джинсовую куртку. Напротив девушки стоял широкоплечий парень в клетчатой рубашке. В левом углу был второй гость. При появлении Андрея он поднялся с кровати, на которой сидел, и шагнул к столу, где рядом с недопитой бутылкой ликёра лежал складной нож.

– На твоём месте я бы не стал этого делать, – глухо сказал Андрей, удерживая пса за ошейник, – Я-то могу понять твоё желание, а он – нет.

Гость посмотрел на собаку и остался стоять на месте. Широкоплечий переводил взгляд с собаки на Андрея. Пришельцам было невдомёк, откуда тут взялся этот парень, да ещё с собакой. Наконец широкоплечий здоровяк справился с замешательством.

– Ты кто? – спросил он.

– Сосед, – как можно спокойнее ответил Андрей, – А вы кто такие?

– Приезжие, – ответил широкоплечий.

– Так это ваша машина стоит на дороге со спущенными колёсами?

– Что? – парень двинулся на Андрея.

И в этот миг Арбуз вспомнил всё, чему добросовестно обучался в собачьей школе. Ещё бы, на его добрейшего хозяина наступает какое-то пьяное чудовище; запах алкоголя пёс учуял ещё на подходе к дому. Стремительно несущимся поездом он сбил врага с ног и уложил его между стеной и столом. Ильма вскрикнула. Арбуз развернулся, лизнул ей коленку и, окоченным железом тараном, налетел на второго парня. Рыча и лая, пёс метался от одного обидчика к другому, ожидая команды «фас» и грозясь в случае малейшего неповиновения или даже намёка на него растерзать любого, кто хотя бы не так посмотрит на обожаемого им хозяина или не девушку. Ведь это именно её детёныш в слезах и горе прибежал за помощью.

Глядя на поверженных врагов и не смотря на трагизм ситуации, Андрей не сдержался и захохотал. Вслед за ним, утирая слёзы, засмеялась Ильма. Арбуз, глядя на веселье, залился

восторженным лаем. И смеялись довольно долго, пока Андрей не взял Арбуза за ошейник. Пёс гавкнул ещё раз и замолчал, напоминая о себе лишь рычанием. Ильма поднялась со стула.

– Андрей, Оля пропала!

– Всё в порядке, – ответил он, – она у меня сидит. Эти-то кто такие?

– Эти? – Ильма с презрением оглядела лежавших на полу парней, – Вот тот, что в рубаше, Серёга. Второго не знаю.

– Что ж, узнаем, – сказал Андрей и обратился к парням: – Вы кто?

– Нас просто попросили попугать, – ответил Сергей, – меня и Славика.

– Второй, значит, Славик... Кто попросил-то?

– Стёпа.

– Что?! – воскликнула Ильма, – Так это он? Вы от него?..

– А кто этот Стёпа? – спросил Андрей.

– Он к ней подкатывает, – Сергей кивнул в сторону Ильмы, – Сказал, чтобы привезли.

– А вы и рады стараться? – спросил Андрей, – А то, что здесь ребёнок, у вас не хватило мозгов об это подумать?.. Скоты. И что с вами делать? Позволить псу глотки вам по очереди перегрызть? А потом закопать вас где-нибудь в дальних огородах...

– Послушай, – прохрипел Славик, – мы-то не причём. Сам-то подумай. Попугали, да и всё.

– Остального просто не успели, – ответил Андрей и посмотрел на Ильму, – Что делать?

– Пусть катятся, – сказала Ильма, – и пусть передадут своему...

– Что благодаря счастливой случайности, – продолжил Андрей, – и благодаря доброте девушки они остались с целыми органами производства. Иначе мужчинами их вряд ли можно было бы называть. Хотя, они и так не мужчины.

Ильма кивнула. Андрей махнул рукой:

– Катитесь.

– Пса придержи, пожалуйста, – Славик кивнул на собаку.

– Придержу, – ответил Андрей, – Но не долго, сил не хватит. И ещё, парни. Номерок вашей колымаги я теперь знаю, отыскать вас труда не составит. В случае чего. Понимаете меня?.. А теперь, катитесь.

Прижимаясь к стене, парни выскочили на улицу. Зарокотал мотор, и машина умчалась, растворившись в ночных чернилах.

Андрей вздохнул и сел на стул. Ильма подошла к Андрею. Он посмотрел на девушку, но не увидел её лица. Ильма закрылась руками и тихо плакала. Андрей полез в карман за сигаретами и увидел, что собаки нет в комнате.

– Где ж Арбуз-то?

– А Оля? – всполошилась Ильма, – Она же там одна!

С улицы раздался звонкий лай. Но не такой, который совсем недавно сотрясал дом, а с каким-то повизгивающим фальцетом. Андрей бросился к двери. Ильма поспешила следом. У крыльца, держась за ошейник Арбуза, стояла Оля.

– А мы тут одни, – сказала она.

– Что же ты, – сказал Андрей, – я же сказал тебе дома сидеть.

– Я и сидела, – ответила девочка, – А потом испугалась и сюда пошла. Я вон там, за кустами стояла. А когда Арбуз залаял, я за колодец спряталась. А потом он меня нашёл. И теперь мне не страшно. Правда, мама?

Ильма вытерла слёзы и наградила дочь лёгким шлепком. Оля с укором поглядела на мать. Глаза девочки наполнились слезами, она готова была вот-вот расплакаться. Арбуз гавкнул.

– Вот, видишь, мама, – сдержав плач, улыбнулась девочка, – видишь, какой он?

Ильма махнула рукой, села на крыльцо и снова заплакала. Девочка подвела к матери и обняла её. Арбуз зевнул и вышел за калитку: слёзы это не по собачьей части. Растерзать хулигана – пожалуйста. А когда плачут, становится совсем невесело. Это противнее, чем коты.

– Ладно, – весело сказал Андрей, – хватит слёз. Завтра снова будет хороший день. А сейчас пора спать.

– Спать? – всхлипнула Ильма, – А где?.. Здесь я боюсь оставаться.

– Закрывай избушку, забирай Олю, и пойдём ко мне, – ответил Андрей, – Тебя положим на диван, Олю в кресло.

– А ты?

– Отлично выплусь на чердаке. Там есть прекрасная раскладушка.

Ночь бросала в чердачное окно звёздные искорки. Пахло сеном. Где-то за стеной стрекотал сверчок. Андрей не спал. Сон бродил рядом, но не желал набрасывать липкую сеть.

«Какой несуразный вечер, и эти неандертальцы», – думал Андрей, – «И если бы не Арбуз, не повстречалась бы Ильма. И Оля не подошла бы к калитке. Сколь многого пришлось бы лишиться, не будь собаки рядом».

Жизнь – забавная штука. Кольцо Мёбиуса, кубик Рубика. Преподносит фокусы чуднее Гудини и Леттермана. Ждёшь – не даёт ни крошки; перестаёшь надеяться – получаешь столько, что в охапке не унести. Но только ли в жизни и судьбе дело? А надежда, её куда деть?.. А мечты?

Андрей ворочался с боку на бок. Луна давно уже скатилась за лес, а он так и не сомкнул глаз. Плюнув на сон, Андрей потянулся к сигаретам и услышал, как скрипнули ступени лестницы. Открылась крышка чердачного люка, и над ней появилась голова Ильмы. Девушка осторожно подкралась к раскладушке и прошептала:

– Ты спишь?..

Андрей ухватил Ильму за ноги. Девушка потеряла равновесие и рухнула на раскладушку. Андрей прижал девушку к себе и поцеловал её. Но вместо губ угодил в подбородок. Ильма засмеялась и уткнулась Андрею в грудь.

– Сама не пойму, почему пришла...

– Не нужно ничего объяснять, – ответил Андрей.

– А мы уместимся тут вдвоём? – спросила Ильма.

– Конечно, нет, – прошептал Андрей.

– Что же делать? – сдерживая хохот, поинтересовалась Ильма.

– Идти вниз, – сказал Андрей, – но только мы разбудим Олю.

– Не разбудим, – шепнула Ильма, – её теперь и пушкой не поднимешь, устала за день. Да и Арбуз с ней.

– Как это с ней? – удивился Андрей, – Он что же, под шумок улёгся на кровати?.. Я же запрещаю ему это делать.

– Пусть сегодня поспит, – ответила Ильма, – Они так чудно похрапывают. Да и нам никто не мешает.

– Ладно, – улыбнулся Андрей, – пусть будет так, как ты хочешь.

Дарья Тарасова. «Прогулка под дождем»

Уже начинался дождь. Небо все затянулось тучами, даже сверкало изредка. Серый асфальт стал темнеть от дождя. Все разбежались по домам, и улица опустела. Может это и покажется странным, но я обожаю такую погоду. Когда прогуливаешься с зонтиком, и словно играя, дождь стучит по нему. Этот звук меня успокаивает. К тому же на улице никого. И тебя никто не отвлекает от мыслей.

Но сегодня был не такой день. Хоть и иногда, но бывает, что я забываю зонтик. Хотя я и видела, что мог пойти дождь. И все же не взяла его, когда пошла в магазин. Я, конечно, могла подождать пока он не закончится, но мне нужно торопиться. Я обещала, что встречу сестру сегодня.

Тяжело вздохнув, я побежала. Сначала все было не так все плохо. Но когда дождь намочил мою одежду, что та потяжелела и слиплась. Я почти добежала до дома, когда поняла, что не могу бежать, и что лучше будет передохнуть. Я чудом заметила поход между домами, он был где-то метра три шириной, но там крыши домов смыкались, так что было сухо. Я со вздохом облегчения поставила на землю пакеты. Постояла так минуту, а потом стала выжимать одежду. Через минуты три я была более-менее выжатая, передохла и дождь утих. Я снова решительно беру пакеты, и готовая снова идти под дождем, останавливаюсь. Где-то чуть-чуть поодаль слышатся мяуканье. Я трясую головой, не мое это дело. Мало ли чья там кошка. Но тут снова слышится жалобное мяуканье. Настолько жалобное, что у меня тут же сердце сжалось. Ну не могла я пройти мимо!

Я аккуратно поставила пакеты и, развернувшись, пошла в другую сторону. Уже подходя к концу прохода, я едва замечаю маленький, сероватый комочек в углу. Да это же совсем маленький котенок! Хотя уже, наверное, видит. Да и мамы нет. Подхожу, тихо-тихо, чтобы не испугать. Сажусь на колени, и слегка касаюсь его пальцами. Дрожит. Видимо ему тут совсем холодно, и сколько он не ел? Я его медленно глажу. А потом осторожно беру на руки. Он поднимает голову. Его глаза зеленоватые. На носу небольшое пятнышко. Но та же светло-серая шерсть. Я обнимаю его —он перестал дрожать, а потом и вовсе заурчал.

Я так и стою с ним, думая, что делать. Может, себе взять? Но это такая ответственность, да и я в институте учусь. Весь день меня не будет. Тяжело вздыхаю.

Прихожу к выводу, что сейчас лучше всего взять к себе, а там посмотрим.

И по сырым улицам после дождя когда еще не все знали об окончании дождя. Я возвращалась уже не одна. Возможно этот серый комочек, который я держала в руке, еще много раз принесет мне радость и поддержку.

Валентина Бобко-Алешкевич. «Баксик»

То лето случилось знойным, горячим и без дождей. Измученные жаркими днями, вечерами мы с мужем прохаживались по деревенской улице. Вечерняя прохлада приносила некоторое облегчение. Завораживали и виды звёздного неба. И мы с удовольствием гуляли по родной деревне Радково, где у нас имеется собственный дом. В один из таких вечеров за нами увязался, невесть откуда взявшийся, небольшой пёсик, чёрненькая дворняжка. У меня сразу же выскочило: «Баксик!» Не знаю, чей это был пёсик, откуда он взялся, но то, что он выбрал нас новыми хозяевами, было очевидно. Мы его пытались отогнать, отправить, так сказать, домой, но он упорно шествовал рядом. Отбежит в сторонку на взмах руки и тут же оказывается рядом. Так и прошёл с нами километра полтора. Мало того, он бесстрашно бросался на дворовых собак и котов, оберегая и охраняя нас. У нашего двора муж предложил угостить «охранника». Я набрала еды и вынесла на улицу, где сидел Баксик. Он спокойно подошёл и, неторопливо, начал поглощать бутерброды. А мы с чистой совестью пошли отдыхать.

Утром следующего дня мы проснулись под... преданный лай. У ворот сидел ночной гость и лаял на прохожих, служил, так сказать. К слову сказать, собаку заводить мы совсем не планировали. Но еду Баксику я всё же вынесла. И воды поставила в баночку, чтоб спасти от жары. Он кушал, потом куда-то убегал. Но к вечеру неизменно появлялся у нашего двора и нёс охрану, как и подобает. Я узнала, что он уже около двух месяцев скитается в нашей деревне. Люди злыми стали: возьмут животное домой, поиграются и выбросят. У нашей деревни такое случается постоянно: подъедет легковое авто, откроется дверца, вышвырнут собаку и – по газам! Похоже, что и Баксик оказался отказником. Я начала поиски хозяев, даже просила пристроить его в собачий приют, пока отыщется новый хозяин. Всё оказалось безрезультатным. Но и забирать пёсика себе в планы наши не входило. Я его подкармливала, а он сопровождал нас на вечерних прогулках. Охранял. Больше месяца мы присматривались друг к другу.

А однажды вечером я вытянула на улицу поливочный шланг, чтобы полить клумбу. Баксик, как обычно, лежал у ворот. Увидев меня, он решительно направился в сторону соседского пса Тарзана, который приближался к моему двору. И начался бой. Баксик оказался проворнее и моложе... Но тут на помощь Тарзану выскочил его хозяин с огромным колом и ещё одна соседка с пылевыбивалкой. Я закричала, но и Баксик получил. И тогда я направила на всех струю воды и отбила храброго пса. Он куда-то побежал, не стал даже кушать. И вечером его не оказалось у моего двора.

А утром я провожала мужа в магазин. Открываю калитку, а Баксик лежит за клумбой. Когда муж ушёл, то пёсик приковывал ко мне, а я, увидев его, расплакалась. Разрыдалась. Переднюю левую и заднюю левую лапки тянет, левое ушко разодрано, в глазах – мольба. И сердце моё дрогнуло. Открыла калитку и произнесла: «Заходи!» И он заторопился во двор, боясь, что передумаю. Я его осмотрела, ощупала. Это были просто ушибы. К счастью, переломов не было. Муж, придя домой, удивился, но не прогнал со двора. И целую неделю мы его выхаживали, приглашали доктора, делали уколы, давали таблетки, мазали ушко. Носик был сухим, дыхание тяжёлым, но хороший уход и питание, как и надлежащее лечение, сотворили чудо: Баксик выздоровел. Шёрстка заблестела, носик повлажнел, глазки оживились. А как он нам служит! Малейшее движение за воротами или забором – заливаётся лаем и ведёт нас туда, показывает, что посторонние рядом. Мы уже ему купили красивый ошейник, построили будку и стали – в доску своими!

Однажды я случайно присела на корточки, а Баксик лежал поодаль и наблюдал. Тогда я развела руки навстречу, как детям, и он со всех ног бросился ко мне, поставил передние лапки на колени и вылизал руки и лицо, чем опять довёл меня до слёз. Только это уже были слёзы радости.

Баксик новую будку игнорировал и всегда ночевал около нашей машины во дворе. Днём он искал место в саду на травке, чтоб спрятаться от солнца. А однажды утром он меня рассмешил своей находчивостью.

В садовой беседке у нас стоит подвесной диван. На нём лежат рогожные и очень удобные матрасы. Я их в том году обтянула весёленьким ситцем, сшила и набила подушки. И целое лето на этом диване отдыхали и игрались мои внучата, Сашенька и Миша. Но вот внуки уехали и диван опустел. Иногда, между делами, мы с мужем отдыхали на нём.

Как-то раз я проснулась около семи часов утра и сразу вышла на улицу, чтоб оценить погоду, увидеть рассвет и вдохнуть утренней свежести. У машины Баксика не было. Я подумала, что он где-то на обходе территории. И тут... качнулся диван, с него прыгнул Баксик и весело побежал ко мне. Я от смеха смогла только проговорить: «Ну, ты и хитрец!»

У моих соседей года два живёт кот. Большой, худой и абсолютно белый. И кличка у него – Белый. Он всегда голоден, так как хозяйка кормит его очень скудно. Перевела на самообучаемость. Поэтому периодически он навещает нас на компостную свалку, куда мы выбрасываем остатки пищи и т. д. В один из дней я чистила яблоки для зимних заготовок. Баксик преданно лежал у моих ног. По окончании работы я взяла ведро с очистками и пошла к свалке. Баксик остался у дома.

На свалке сидел Белый и что-то с аппетитом уплетал. Меня он не видел, ибо сидел ко мне спиной. Я рассмеялась: «Что ты там нашёл? Я вкусностей не выбрасывала». Кот не отреагировал на мой смех никак, а продолжал что-то есть. Тогда я стала высыпать очистки у его ног. Кот рывком обернулся, увидел меня и пулей рванул со свалки. И тут откуда-то выскочил Баксик. Белый, задрав хвост трубой, рванул к своему огороду. Баксик не отставал. Они оба летели по моим грядкам, не разбирая дороги, вздымая тучи пыли. Кот секундой раньше успел прыгнуть на сетку, которой был обнесён мой участок, вскарабкался по ней, прыгнул на свою территорию и помчал за свой сарай.

А Баксик... прискакал ко мне. Именно прискакал: задняя левая лапка поднята, в движении не участвует. Он забежал в сад и рухнул на траву, а затем началлизывать ранку. Видимо чем-то поцарапался, пока мчал за Белым.

Я от смеха не могла говорить. Вся ситуация была настолько комичной, что я ещё долго не могла успокоиться и искренне хохотала. Минут через десять Баксик уже весело бежал по двору на всех четырёх лапах. А Белый упрямо навещал нас в гости, а мы с внуками его кормили. Причём внук Миша отвлекал Баксика, а внучка Сашенька кормила котика.

Татьяна Попова. «Утро на реке»

Я – речной странник. С детства полюбила теплоходы, нет для меня звука более умиротворяющего, чем плеск воды за бортом. Ранним утром я выхожу на палубу и смотрю на небо. Такого огромного не увидишь в городе. Оно обнимает берега и целуется на горизонте с рекой. Мне неважно, безоблачно ли сегодня, скрыта ли небесная синь под тяжелым одеялом туч, разбросаны ли по небосводу перья и пух облаков. Я рада встрече с небом в любую погоду.

Воздух настолько чистый и вкусный, что невозможно надышаться. Оглядываюсь. Как правило, по ориентирам на берегу почти безошибочно определяю место (многолетний круизный опыт даром не проходит). И каким-то чудом почти всегда в момент моего появления на палубе берег «дарит» мне интересную встречу. Белоснежную церквушку с голубыми куполами. Деревенку со сказочными домишками. Поле иван-чая. Куст шиповника, усеянный розовыми цветами. Красавец-мост.

Но самые желанные встречи, конечно, с природой и её обитателями. В июньском круизе, когда мы шли недалеко от берега, меня встречали песнями соловьи. А если моё утро начиналось посреди больших водохранилищ, теплоход сопровождали чайки.

Я не выхожу на палубу без бинокля. Старенький, отцовский, на потертom ремне, он мой самый надежный и верный спутник в путешествиях. Есть у меня примета: день выйдет особенно хорошим и разнообразным, если утром я увижу серую цаплю. Невооруженным глазом стройную охотницу трудно заметить: она стоит на одной ноге у камышей, и сама кажется издали то ли высоким стеблем травы, то ли сучком. И только в бинокль видно, что это – птица.

В прошлом году я видела цапель на удивление много, причем не на охоте, а в полёте. В воздухе без бинокля серую красавицу трудно отличить от чайки. Оптика помогает разглядеть роскошные крылья, длинный нос и грудь, похожую на переднюю часть большого корабля.

Цапли летают в гордом одиночестве, утки – парами, чайки рассекают воздух то по одиночке, то большими стаями. На песчаных отмелях, на поросших камышом и осокой островах или берегах чайки устраивают целые птичьи базары, разрывая утреннюю тишину сварливыми криками. А иногда весь птичий базар отправляется в путешествие, и разукрашенная белыми нарядами безбилетных пассажиров трудяга-баржа приобретает праздничный вид.

Но вот я вижу, что крупные чайки летят над рекой, вытянувшись в чёткую линию. Да чайки ли это? Смотрю в бинокль: нет, не чайки, а белоснежные гуси. На секунду кажется: на самом большом сидит маленький Нильс. А отставший слегка гусь, может, как и Мартин, был домашним? Из тех, что вчера днём купались в реке в деревне, мимо которой шёл теплоход?

Особенно завораживает меня полёт хищников. Точно не знаю, ястребы это, или беркуты, или какой другой вид – я не орнитолог. Но я радуюсь, что с каждым годом их больше становится, этих ширококрылых красавцев, парящих над берегами, над Волгой и Камой. Обычно они кружат парами, на относительно небольшом расстоянии друг от друга. Редкий взмах огромных крыльев – и долгое планирование над верхушками елей и сосен, над поросшими травой холмами, над гладью реки. Пару раз видела, как птица стремительно падает к воде, выхватывая рыбку. Иногда красавец садится на вершину ели и застывает, словно позируя скульптору. А однажды, где-то под Казанью, я разглядела, как над мелким подлеском на холмах у реки парит целый десяток хищников. Интересно, что их там привлекло?

Зверей, в отличие от птиц, мне довелось наблюдать нечасто. Даже домашних. Ну, кошки-собаки не в счёт. Стадо коров за весь двенадцатидневный круиз я лишь однажды видела, под Ярославлем. Паслись разноцветные буренки прямо у реки, точнее – по колено в воде. Наверное, прятались от оводов или мошек. И коз только раз повстречала, на подходе к Москве, на берегу канала. Пасла их не бабушка-старушка в платочке, а молодая женщина в шортах с затейливой татуировкой во всю спину. И помощник у неё был – деловой такой чёрный пёс.

Самая запоминающаяся встреча случилась однажды в первое утро круиза. За полдня и ночь мы прошли канал имени Москвы и находились тогда в Тверской области. Было примерно полвосьмого утра, на палубе я бродила уже не в одиночестве, другие туристы подтянулись. И вот вижу: две лодки с рыбаками, а за ними тянутся по воде цепочкой странные предметы. Подумала, что тянет лодка три скутера. Усомнилась – больно маленькие. Посмотрела в бинокль – и глазам своим не поверила. Лоси! Три лося! Конечно, над водой лишь их головы видны, без рогов (наверное, лоси молодые), с большими ушами.

Волга в том месте широко разлилась и делала плавный поворот. Лоси плыли медленно вдоль теплохода, от носа к корме, устремляясь к правому берегу. Сначала я подумала, что в лодках – егеря или работники лосиной фермы, коих немало в последнее время появилось. Может, лоси оттуда сбежали, а люди их хотят обратно вернуть? Но нет, не похожи те, в лодках, на профессионалов. Они лосям не столько помогают, сколько пугают и нервируют их. И без конца «селфятся» на фоне перепуганных животных. Вот два лося, решив избавиться от непрошенных назойливых попутчиков, повернули обратно. А тут как раз баржа... Заметались лоси, мне за них страшно стало. К счастью, рыбаки (думаю, это все же были рыбаки, а не егеря) одумались и оставили лосей в покое, отплыв чуть подальше от них. Лоси снова соединились и направились правому берегу, куда двигались изначально.

А рыбаки, наверное, возобновили утренний лов. Много их, рыбаков, на Волге и Каме. Иногда целая флотилия моторок собирается в особо рыбном месте. И в свой бинокль я часто вижу, как втягивают в лодку блестящую добычу. Не стерлядь, конечно, не белугу, но, судя по количеству копченой и вяленой продукции, которую продают на берегу, рыба в Волге и Каме пока еще не перевелась.

Идёт по реке теплоход. Остаются за кормой поля и леса, деревни и сёла. И вот уже не различает глаз сбежавшиеся к реке деревья, дома и избышки. Солнце заливает реку, и берег.

Катерина Ермышова. «Реинкарнация»

Меня в который раз вытаскивают из гроба моего хозяина. Он лежит там уже несколько часов. Опрятен, причесан, недвижим. Я царапаю руки другу моего хозяина, посмеявшегося вытащить меня за шкурку, и прячусь под диваном. На некоторое время я проваливаюсь в мучительный сон, состоящий из обрывков моей кошачьей жизни, а когда я прихожу в себя и осторожно выбираюсь из укрытия – квартира пуста.

Я прохожусь по всем комнатам и осматриваюсь. Останавливаюсь около брошенной на пол еще моим хозяином игрушечной мышки и поддеваю ее лапой. Она слабо пищит и падает на пол, уставившись в потолок глазками-бусинками.

Слышу звук открывающейся входной двери и бегу к ней, судорожно подергивая хвостом.

Но из гроба, как известно, выхода нет.

На пороге стоит Мардж – сестра моего хозяина.

Она опускается передо мной на одно колено и гладит по голове. У нее красные опухшие глаза и ужасно уставший вид. Не удивительно – из всех, бывающих здесь людей, искренне его любила лишь она.

– Ну что, Рыжик, будешь жить со мной? – ее теплая рука раз за разом проходится по моей голове.

Я согласен.

Уклоняюсь от очередного поглаживания и бегу на кухню. Беру в зубы свою мышку и возвращаюсь к Мардж.

– Ты моя умница, – говорит она, а по ее щеке катится слеза.

А я, вот, плакать не умею.

Уже четыре года я живу у Мардж.

Она любит меня. Вечерами она читает мне книги вслух и поглаживает по голове.

Я сворачиваюсь комочком и успокаивающе бурчу внутренним моторчиком. Несмотря на уже давно наладившуюся жизнь, вечерами я вспоминаю своего Томаса. Как жестока бывает с нами жизнь. Самый дорогой в твоей жизни человек может уйти, вот так, просто попав под машину. Мардж прекрасная девушка, добрая и чуткая хозяйка, но... она не Томас.

Лежа на теплой мягкой кровати, слушая сонное бормотание новой хозяйки, щуря глаза от тусклого света настольной лампы, я почти забываю, каково это. Каково это, – хотеть провалиться в вечную тьму вслед за своим хозяином. Винить себя в его смерти. Ни одна живая душа, кроме птички, будь она проклята, за которой я погнался в тот роковой день, не знает, что Томас мертв из-за меня.

В тот день я не вернулся домой с прогулки, задержался на пару часов, охотясь и резвясь. Хозяин волновался, пошел искать меня, заприметив, побежал через дорогу и его сбили. Какая-то красная машина с пьяным водителем, не замечавшим ничего вокруг. Багровая лужа крови растеклась под ним в считанные секунды. Я лизал его лицо, думал, что он очнется. До сих пор эта картина стоит перед моими глазами во снах. Неестественно лежащий хозяин, будто карнавальная кукла, перепачканная алой краской. Помню, как меня, всего перепачканного липкой жидкостью, схватили и откинули в сторону. Белая машина, люди, носилки, странные громкие звуки и суета. Умереть в тридцать лет из-за комочка шерсти...

Интересно, как вела бы себя Мардж, зная все это. Презирала бы рыжего пустоголового кота?... Выгнала бы... Усыпила...

Прошло, по меньшей мере, лет сорок. Все родственники прошлых хозяев, как и они сами, мертвы.

Я живу в роскошной квартире в соседнем районе. Гулять тут – сплошное удовольствие. Зеленый парк, наполненный ароматами цветущих деревьев, домашних животных, людей и еды, что они приносят для пикников. Новая семья любит заниматься подобными вещами. Девочка Джесси берет корзинку, кладет в нее фрукты и меня. Она такая милая, с двумя хвостиками. На улицах я ловлю на себе самые разные взгляды. Дети восхищаются моей яркой огненной шерстью, которая на солнце переливается всеми возможными оттенками рыжего.

Каждый выходной после прогулки вся семья собирается в большой комнате, оформленной в пастельных тонах, чтобы посмотреть фильм. Я не понимаю ни слов, ни действий, происходящих на экране, но мне уютно. От звонкого смеха хозяев внутри расплывается теплое чувство любви и добра. А я и забыл, когда чувствовал подобное...

С этими людьми я люблю ездить за город. Мышей там уйма. Сначала я не хотел, а точнее, боялся охотиться. Птички и вовсе напоминали самые ужасные моменты в моей долгой жизни. Но, со временем, меня поглотил инстинкт. О, это прекрасное чувство власти над кем-то живым, это чувство захватывает, словно впервые. Такое не объяснить. Нужно быть зверем, чтобы почувствовать.

Теплый ветерок треплет мою рыжую шерсть. Под лапами хлюпает противная грязь, забиваясь под когти, пачкая шерсть. Но думать об этом совсем не хочется. Особенно, когда непонятное чувство одержимости тянет в неизвестном направлении. Я прохожу мимо одинаковых зданий, срываюсь на бег. Наверное, я сошел с ума, если иду, следуя интуиции. Может, это особенность кошачьего организма – чувствовать что-то важное. Во всяком случае, скоро все прояснится. Останавливаюсь, чтобы отдышаться. Все-таки, бег не самый разумный способ передвижения.

Поднимаю голову, буквально в двух шагах от меня находится облезлая деревянная скамейка. Обычный парень с наушниками в ушах чертит что-то на листке бумаги. Делаю пару шагов, чтобы продолжить путь неизвестно куда, но, совершив это действие, замираю. Это странное наваждение потянуло назад. Осторожно, опасаясь неизвестности, подхожу к скамейке. Жду. Паренек, усердно перечеркнув свои творения, перевернул листок и перевел взгляд на меня. Заметил-таки.

– Хэй, дружок, прыгай сюда.

Подзывает меня, похлопывая рукой по деревянному сидению. Немного растерянный, я последовал на зов. Обычно я так не делаю, но в этом человеке было что-то особенное. Не скрывая заинтересованности, я разглядывал его, переводя взгляд с коротких черных волос на серую, потертую куртку, а потом на быстро водящую карандашом руку. Рисунок был мрачным, но красивым. Черный израненный дракон, лежащий в руинах, готовящийся принять дары смерти...

От резкого прозрения я замер, словно каменное изваяние, не в силах двинуться или подать голос. Все встало на свои места. Это был Томас. Не привычный мне, тридцатилетний мужчина, с проблемами на работе и противоположным полом. Иной Томас, подросток, лет семнадцати, очевидно, тот же меланхолик, любящий рисовать. Самое главное, что это он, мой хозяин. Наша связь, наша привязанность друг к другу влекла меня к нему. Он даже назвал меня «Дружок». Как я сразу не узнал этот взгляд, который больше нигде не видел?

Нерешительно, будто боясь спугнуть, я потерся макушкой о руку Томаса.

– Какой хороший. Может, хочешь кушать? – поглаживая мою спину, поинтересовался парень, – Выглядишь, скажем так, не ахти.

Обрадовавшись такой ласке, я лишь настойчивее стал вжиматься в его руку. Как же приятно вновь обрести родную потерянную душу. Окончательно отвлекшись от рисования, Томас нащупал на моей шее ленточку с адресом.

Внимательно прочитав, он призадумался.

– Как же тебя занесло в такую даль, дружок, неужели заблудился... Я отвезу тебя домой.

«Но вот же мой дом, рядом с тобой» – попытался сказать я, но выдал тихое «мяу», больше похожее на визг. Он взял меня на руки и пошел в сторону, откуда я, кажется, пришел. Я уже ни в чем не уверен. Вот же идиот, ему ли не знать, что коты не теряются...

Теплая ванна, вкусная еда. Я снова дома, у той семьи. Когда Томас принес меня, Джесси заплакала от радости. Мне даже стало совестно, что я хотел просто уйти от нее. Ее любовь так нежна и чиста...

Меня помыли, его напоили чаем и отвезли домой. Все встало на круги своя.

Спустя пару дней все то же наваждение вернулось с такой силой, что щемящая тоска в сердце не оставляла меня ни на секунду. Даже заразительный смех девочки не мог привести меня в чувства... Тем более подарить счастье.

Наверное, я повторяю ошибку, но опять бегу на зов сердца. Не могу я так жить, зная, что дорогой мне человек рядом, жив и здоров. Без меня. А ведь он даже не помнит... Ничего. Не важно, я же помню. Он полюбит меня, я знаю.

Вот украшает землю первый снег, покрывая мягким слоем мою шерсть, которая через мгновения становится влажной. Я люблю зиму. Снег навевает ощущение сказки, радости, чистоты.

Дошел до очередного здания и остановился. Он тут. Осталось проникнуть внутрь. Как же хорошо, что на улице светло и гуляет много людей. Добрая бабушка погладила меня и впустила в подъезд. Я бы помурлыкал в знак благодарности, но времени нет. Может, сегодня решится моя судьба. Нахожу нужную дверь, вдыхаю побольше воздуха и зову хозяина. Вспоминаю жалобное мяуканье, после которого он в прошлой жизни впускал меня в форточку. Ничего. Вдыхаю еще, собираю все силы, кричу громче, сильнее. За железной дверью послышалось копошение, потом что-то отлетело от двери в стену. Ох, вечное его разбрасывание обуви. Сам же спотыкается.

Дверь с характерным скрипучим звуком открывается. Темный силуэт человека застывает, потом медленно склоняется ко мне.

– Опять ты? – удивленно вопрошает Томас.

«Мяу» – отвечаю я все так же возвышенно и настойчиво, как прежде.

Парень, придерживаясь рукой за дверь, медленно приседает, устремив свои карие глаза прямо в мои. Смотрит растерянным, удивленным взглядом, будто перед ним не рыжий кот, а призрак. Молчит.

– ...Рыжик?... – тихо, будто боясь услышать ответ, говорит Томас.

Не описать всеми словами мира, что произошло в моей душе в тот момент. Весь мой мир будто снова обрел самые яркие краски. Эмоции переполняли мое сердце. Я, не думая, бросился к хозяину и начал активно лизать его лицо, хотя еле дотягивался. Он схватил меня на руки и обнял, не переставая шептать:

– Рыжик... Рыжик, Рыжик... Я же чуть не потерял тебя снова...

То, что любишь, всегда возвращается к тебе.

Ксения Китаева. «Кот Альбус»

Октябрьское утро выдалось солнечным и безветренным. Мы с мужем решили: отправимся-ка сегодня прогуляться за город. Поедем на автобусе сначала до одной точки (уж очень хотелось пройти по лесу, окутанному золотой листвой), а там уж доберёмся и до места, которое мы так любим. Сказано – сделано.

Мы долго не решались отправиться в любимый парк по одной причине: он был связан с нашим любимым котом, которого на тот момент уже как три месяца не было с нами... Воспоминания о его утрате были так свежи и так болезненны (особенно если учесть, что кот, который за свои 17 лет практически не болел, умер от врачебной ошибки, от неправильной постановки диагноза и полного нежелания врачей заниматься им из-за возраста), что это как-то корбило внутри.

В итоге мы решились. Поехали любоваться красотой осенних пейзажей. Вышли на положенной остановке и подумали немного пройти до места пересадки. Идём и видим... Очаровательного кота, который наверняка будет белоснежный, если его хорошенько вымыть. Мы уже успели обсудить, что он явно породистый, ему нужна помощь, пока постепенно что-то притягивало нас к нему всё ближе и ближе.

Погладив его по головке и почесав за ушком, нам как-то одновременно пришло в головы: «Мы не хотим его оставлять». Но были сомнения. Готовность заводить нового питомца у нас отсутствовала: слишком тяжела была недавняя утрата. И тут... Мы заметили, что кот обратил внимание на студента с пакетами, наполненными едой. Парень собирался переходить через дорогу. Наверное, милый пушистик рассчитывал, что его угостят, и ринулся навстречу парню. Какая-то доля секунды – и вот, откуда ни возьмись, резко и на высокой скорости выскочил на дорогу автомобиль. Он чуть не сбил белоснежное чудо. Просто каким-то образом ему удалось остановиться перед этим прекрасным котом. В эти минуты все сомнения по поводу того, брать животное с собой или нет, рассеялись. Страх потерять его быстро повлиял на наше решение. И отправились мы гулять на природе втроём.

Наш славный белый пушистик бегал вместе с нами. Стоило лишь произнести: «Иди сюда, малыш!», – как он тут же прилетал к нам навстречу.

Кстати, он действительно оказался чьим-то домашним котом (об этом свидетельствовали его стриженные когти), просто по какой-то причине его решили оставить на улице, как это нередко бывает у безответственных людей.

Мы угостили его колбаской во время прогулки и... направились домой. Котик чуть-чуть возмущался, но быстро успокоился. Дома мы его искупали, ещё раз хорошенько накормили и приняли меры по избавлению животного от блох. Муж сбегал в магазин и купил ему мисочки, игрушки, шампуни и много всего приятного. Кот был в восторге. Пару дней он просто отсыпался и отъедался. А потом превратился в довольного, счастливого кота.

Сейчас мы можем сказать наверняка: Альбус наш. Любимый белоснежный кот.

Ольга Павлова. «Капка»

Когда хозяйка одела на него маленький ошейник – он почти не удивился, много было странного в последние дни.

Уже три дня приходят к ним странные люди и забирают разную мебель. Сегодня забрали последнюю, остались стоять только чемоданы. В разговорах между ними и хозяйкой постоянно звучало странные слова – «солнечный Техас». Капка весело встречал перемены, радостно виляя хвостиком. Даже хромать стал меньше от волнения. Брит и Стинг смирно лежали на подстилках, неодобрительно созерцая происходящее. Капка не понимал, почему вся эта суматоха их так злила, ведь это так весело!

Обед был внеплановый и очень сытный, хозяйка хорошо их покормила и сонных повела гулять. Привязав их к скамейке за домом, она прикрепила к ошейникам записку. Поцеловав их, она быстро убежала к дому. Капка не волновался, может ей надо к подруге сбегать или в бассейн срочно вызвали. Он прилег рядом с друзьями и заснул.

Проснулся Капка от того, что стало холодно. Уже темнело. Брит и Стинг сидели рядом, но были беспокойны и нервничали. Капка ничего не понимал. Где хозяйка? Знакомых соседских собак уже стали выводить на выгул, но к ним никто не подходил. Да и хотелось уже есть.

Вдруг Капка увидел, как соседка тётя Даша вела мимо боксёра Петрушу. Увидев Брита и Стинга – она схватила виляющего хвостом боксёра за ошейник и отводя глаза в сторону, потащила его прочь в соседний сквер. Стало темно. Временами прогуливались парочки, но около них никто не останавливался. Капка перестал понимать, что происходит. Ему уже не было весело. Брит и Стинг временами поскуливали, что было непривычно Капке и страх постепенно заползал в его сердце.

Ночью было холодно и голодно. Собаки сбились в кучу и старались согреться. Капка заваливался между ними друзьями и грелся. Болела сломанная гостями хозяйки лапка. Сон у всех был беспокойным и коротким.

Утро было пасмурным. Просыпаться не хотелось. Не хотелось никого и ничего видеть. Но Капке стал мешать один приближающийся звук. Вдруг он прекратился. Нехотя открыв глаза, Капка увидел Ахмета, стоящего с метлой.

Ахмет стоял перед скамейкой за домом и смотрел на трёх несчастных собак. Он уже знал, что хозяйка из 16 квартиры уехала вчера в Америку, консьержка все доложила. Вздохнув, он взял записку, прочитал и снова посмотрел на них.

Через три часа Капка, Брит, Стинг и Ахмет ехали в электричке. Дальше тамбура они не пошли.

Засыпал счастливый Капка не один, рядом с ним спал Рустамчик, внук Ахмеда. Малыш обнимал Капку и сладко посапывал. Капка вспомнил про Брита и Стинга, которые сегодня справили новоселье. Ахмед за день сколотил для них большую и тёплую будку во дворе. Последнее, что увидел Капка перед тем как заснуть – картинка, внизу которой было написано – «Солнечный Узбекистан».

Светлана Чернышёва. «Чудо»

– Леночка, давай догоняй! Мы опоздаем... нужно ещё сделать причёску!.. – торопила мама. – Это будет необычный праздник, потому что ты поёшь на главной городской площади.

Я представила, как сначала мне вплетают бантики, потом напяливают ужасно жёсткое бальное платье, и я пою про снежинки, которых совсем нет. Одни сплошные лужи, превращающиеся в гололёд. И совсем стало грустно, потому что вспомнился другой Новый год, когда с нами был папа... Показалось, что это было сто лет назад. Тогда я впервые увидела живую ёлку, прямо в лесу. Её не нужно было украшать, она и так была снежно-красивая. Мы «остановились» – как говорила мама – на старой турбазе, недалеко от домика лесника. Я уже знала, что мне подарят замечательного рыжего хомяка, и было интересно кататься на лыжах и спать на одной кровати с мамой и папой. Здесь всё было похоже на сказку. Разве не чудо?..

– Леночка, хватит хандрить! – печально сказала мама. – Подумаешь, потерялся хомяк. Знаешь, маленьким зверям иногда хочется убежать. Это бывает.

– От людей?

«Как странно! – думала я. – Новый год мы давным-давно празднуем в новой квартире. Так давно, что она уже стала старой. Да и папа постоянно в командировках... Теперь ещё и Рыжик пропал. Наверно, он убежал потому, что я постоянно выступаю и редко рассказываю ему сказки. А ещё он любил гулять по квартире и спать в кукольном домике. И ему хотелось кукурузных хлопьев, которых давать нельзя...»

– Я верю в тебя! – поспешно произнесла мама на пороге парикмахерской. – Ты – самая музыкальная девочка, пять октав берут избранные. Талант есть талант!

Как сложно быть девочкой! Нельзя есть, что захочется. А ещё больно заплетают волосы, чтобы сделать непохожей на себя. Нужно носить нарядные платья и банты. И даже представить невозможно, чтобы выпросить в подарок лыжный костюм защитного цвета. Понимаешь же, что талантливой девочке вручат что-нибудь для развития таланта. Раньше я и не думала, что стану совсем одинокой. Хорошо бы убежать туда, где живут рыжие хомяки, есть лесная ёлка и папа. Мы с Рыжиком построили бы маленький дом из круглых снежных комочков... для всей семьи...

Мама была немного нервной и настроенной на причёсывание. Мне стало чуть-чуть стыдно, поэтому я отвела глаза. На железной двери, которую мы уже открывали, висело объявление: «Найден рыжий хомяк. Просьба обращаться в салон красоты «Чудо».

– Ничего себе! Рыжик нашёлся! Чудо!

– Ну, конечно! – заспорила мама. – Это не наш хомяк! Как бы он сюда прибежал, за два квартала? И вообще его больше нет...

Но сколько бы мама не рассуждала, ей всё равно захотелось тоже посмотреть на хомяка в стеклянной банке. Рыжик немного поправился, но ведь его, наверно, кормили кукурузными хлопьями. Теперь я готова была вытерпеть любое причёсывание, только бы вернуть друга. И мама всё же согласилась его забрать, хотя не могла поверить, что хомяки находятся.

«Главное – пережить выступление на площади, – мечтала я. – А дома я залезу под стол, где в самодельном кукольном домике будет дремать Рыжик. Я должна рассказать ему сказку и научить любить людей, чтобы он никуда больше не убежал. Когда я вырасту, обязательно построю ему в лесу домик. И буду жить рядом, на старой турбазе или в доме лесника».

Через несколько часов я была уже дома. Мама кому-то хвасталась по телефону, что я получила главный приз. Можно было расплести волосы, стащить тесное платье с мишурой, под которым, чтобы не замёрзнуть на площади, был шерстяной джемпер... И спрятаться под столом, чтобы рассказать рыжему другу свою мечту. А ещё очень хотелось дождаться боя курантов и загадать... Первое, что нужно сказать – попросить прощения за прошлые желания. Давно,

у лесной ёлки, я очень мечтала, чтобы мы жили в большом городе в огромной квартире. Это чудо сбылось! Наша квартира – как необитаемый остров. Ещё я хотела красиво петь, чтобы мне все аплодировали и кричали: «Браво»! Сегодня кричали так громко, что я даже вздрагивала.

Я тогда мечтала так глупо, потому что «людям свойственно ошибаться», – как говорил папа. Я видела только одно настоящее чудо. Там, в лесу... Мне захотелось обратно... в сказку, где падал снег, а потом сильный ветер сдувал его с верхушек елей. Где низко летали красногрудые птицы, и оставляли следы неизвестные звери... Там рождались звуки, а я была всего лишь стотысячной октавой, тихой-тихой...

– Леночка, ты ещё не спишь? – прошептала мама, заглядывая под стол. – Папа приехал!

– Ах, вот где моя дочка! – нежно улыбаясь, сказал он.

– Спит, устала, – вздохнула мама. – Очень ждала...

– Ничего, пусть спит... Больше никаких командировок. Я купил вам лыжи и настоящие лыжные костюмы.

Он ещё сказал, что мы поедем на старую турбазу к настоящим заснеженным ёлкам...

Светлана Чернышёва. «Ёлочный кот»

– Ёлки, пушистые ёлки, новогодние! – подпрыгивая на одной ноге, и так согреваясь, кричал продавец уличного базара. Он потирал варежкой замёрзшие щёки, бесполезно пытался отряхнуться от снежных хлопьев...

Ещё бы, весь вечер кругом свистело и мело! Вьюга старалась по-новому украсить улочки опустевшего города. В окнах празднично мигали цветные огоньки. Там, за этими светящимися окнами, казалось, было особенно тепло и уютно. И счастливые обитатели домов даже не подозревали, что на улице, где бушевала снежная вьюга, пропадал брошенный котёнок.

– Ишь ты, – прохрипел совсем уже замёрзший продавец, – тебя тут не хватало. Поди прочь, мявка! Нечего под ногами болтаться...

Котёнок послушно отошёл. В животе у него тоже урчало и ругалось, но малыш не унывал. Конечно, как все котята, он хотел бы сидеть в тёплом доме, лакать из блюдечка молоко, глазеть из окна на пролетающих птичек и нежно мурлыкать. Но дома у него никогда не было. И что толку мечтать, когда вокруг холод и вьюга, и нужно спасаться...

А ветер задувал всё громче, и котёнок, перебирая озябшими лапками, попытался уцепиться за еловую ветку, скрываясь от снежного вихря, но что-то не очень получалось... а потом он услышал:

– Чудесная ель, очень красивая!..

...И произошло чудо. Вьюга, подталкивая снегом, перекинула котёнка прямо на ёлочку. И, вероятно во сне, он почувствовал, как стал согреваться, окружённый ароматом хвои.

– Ай! – воскликнул детский голосок. – Какая она снежная!

– Ничего, – отозвался солидный голос, – она скоро оттаяет.

Котёнок осторожно выглянул из-за ветки. Он шурился, оказавшись в таком светлом месте. Нерасторопные лапы разъехались, и он плюхнулся с ёлки прямиком на яркий ковёр.

– Какой огромный снежный комок...

– Смотрите, живой... белый котёнок!..

Не так просто выдержать столько внимания, когда желают заглянуть в глаза, погладить по головке и даже осторожно потянуть за хвост. Главное, он согрелся. Много раз ему приносили всякие вкусности. Давали сосиску. Угощали кусочком тёплого пирога. И прямо на еловую ветку, где он нашёл укрытие, ставили тарелочку с парным молоком. От удовольствия он закрыл глаза, а вот этого не нужно было делать. Лапки сами собой начинали двигаться по зелёной ветке, и пушистый гость мгновенно, вместе с тарелкой, полетел вниз.

– Ничего страшного, – сказала самая маленькая хозяйка тёплого дома. – Ну, прямо какой-то ёлочный кот. Снежок и вправду может жить только на ёлке. Мы должны смастерить ему домик, вроде скворечника...

Почти сутки вся семья мастерила ёлочный дом. Папа отмерял и распиливал доски, вкручивал и забивал гвозди. Дочка Маша шила тёплую подстилку, чтобы Снежку было уютно. Наконец-то, в канун Нового года, всё было готово. Оставалось только украсить ёлку, накрыть на стол, поставив в центре праздничный торт, и включить музыку.

– Смотрите, он спит, – прошептала Маша. – Ему понравился ёлочный домик.

– Ещё бы... – тихо ответил папа. – Я бы и сам не отказался от такого жилища.

Конечно, котёнок не спал. Он тихо-тихо перебирал лапками на перинке. И любовался разноцветными ёлочными огоньками, которые оказались так близко. Самое удивительное, что необыкновенные птицы на ветках стеклянно позвякивали, красочно сверкали и никуда не улетали. А кому захочется улететь из Новогодней сказки?!

И, знаете, в том доме каждый Новый год появляется маленький домик на ёлке. Снежок подрос, но, всё равно, пытается туда забраться. И папа, и мама, и Маша всегда очень рады этому событию.

Евгения Соловьёва (Ерёмина). «Большая удача»

В этой жизни мне очень повезло. Благодаря моей семье рядом со мной с раннего моего детства всегда были домашние животные, собаки и кошки, эти удивительные бескорыстные и искренние создания, за какие-то заслуги посланные Богом человеку.

Первой в нашем доме появилась Альфа. Французский бульдог.

Своя собака – детская мечта моего отца. Французский бульдог – голубая мечта... На эту мечту отец спустил деньги, отложенные на строительство дома. Он уехал в дальнюю командировку, а вернулся с собакой. Нашему счастью (моего брата и моему) не было предела. Помню, как мы, совсем еще мелкие, бежали по улице навстречу отцу, который гордо нёс на руках свою мечту. Маминому «счастью» предела тоже не было. Собака стоила денег баснословных по тем временам, деньги были целевыми и потраченными на нецелевые нужды, да и окромя заботы о двух отпрысках теперь на неё возлагалась еще и забота о щенке. Тогда мы познакомились с тем, что такое энтерит. И победили его. Вместе.

Альфа – кожаный нос, смешная храпелка, семечко-вымогательница. Дома мы звали её – Бася. Почему-то...

Из первого помёта Альфы было решено оставить еще одного щенка. У неё было породистое имя – Молли. Так полагалось – высокородные щенки высокородных собак с дипломами и родословными должны именоваться в одном помёте на общую первую букву. Магда, Марго, Матильда, Молли... Но для нас она всегда была Моськой. И характер у неё был такой же. Как у той собачки из басни, для которой слон – мелкая дичь. Всю жизнь Моську строжили, чтобы никого не цапнула. Милейшая собака, а вот других животных на дух не переносила.

Мосенька – она была мамина девочка, не слезила с маминых рук и любила её беззаветно.

С Альфой мы прошли паралич задних лап, с Моськой – эпилепсию. До последнего часа. Приспособились и подстроились, и это не казалось чем-то запредельным. Было время, когда в ветклиниках не было всевозможных аппаратов для диагностики, и родители по договорённости тайком протаскивали собаку в человеческую больницу (в сумке! через окно!), чтобы «человечий дохтур» сделал ей УЗИ.

Они провели с нами свой отведённый коротким собачьим веком жизненный срок. Когда «ушла» Альфа, Моська сильно затосковала. Мы даже поставили для неё кресло на кухне, чтобы она всегда была рядом с людьми. Но этого было недостаточно. Так в доме появилась Кыся. Крохотулечный чёрный котёнок, рождённый в садах от условно домашней кошки.

И это было рискованное решение. Как познакомить котёнка и «зловную кровожадину»? На улице Моська без сомнений порвала бы любую кошку, если б смогла догнать.

Кто-то одолжил нам хомячью клетку, и знакомились Кыся с Моськой именно так – Кыся сидела в клетке, а Моська, как тигр, молча ходила кругами. Несколько недель, месяц, два месяца. Когда состоялась встреча вживую, без клеток и намордников, Моська уже не могла обидеть котёнка, и постепенно позволила наглой котятчей морде безнаказанно есть из своей миски, выскакивать из-за угла, размахивать лапами.

Эта наглая котятчая морда, моя любимая котеища, мой кот-антрекот, разбойнице, живёт с нами уже 16 лет.

Моська «ушла» ровно через год после Альфы. И родители сказали – больше никаких собак. А я и не просила. Тяжело. А потом как-то привыкаешь без них. Не надо вставать в несветлую рань, чтобы идти на прогулку. Можно заниматься только своими делами и не спешить домой. Кошка дожётся в любом случае.

Спустя некоторое время (года так через два) мама притащила с рынка облезлого котёнка. Тощего – ужас. Но с большим круглым животом. Когда его занесли домой, мы (все кроме

мамы) уставились на него с подозрением и недоумением – как так? без спросу? а как же общественное мнение? а как же зона комфорта?

Мама сказала, что котёнок сидел на картонке прямо посреди дороги, мимо него нёсся поток суетливой рыночной толпы, а он не прятался, не убегал, смирился. Она его из этой толпы выхватила и принесла. Глядя на наши смурные физиономии, пообещала, что мы его пристроим. И я целые три дня героически ходила по округе, расклеивая на подъездах объявления. Ну да, ну да, свежо предание..

За тонкие ножки и круглое пузо котёнок был обозван Чупа-Чупсом. Вот так в нашем доме появилась миниатюрная изящная кошечка Чупа. Мамина кошка... Она всегда выделяла свою благодетельницу.

Прошло еще несколько лет, и в лютые февральские метели на пороге магазина мама увидела щенка, запорошенного снегом. Рядом, также запорошенная снегом, лежала еда, которую околевший щенок есть уже не мог... И были забыты данные себе давным давно обещания – больше никаких собак.

Впоследствии этого щенка называли Вилкой...

Вилка.. Моя недопетая песня..

Эта собака вернула меня домой.

Года три мы с ней притирались друг к другу. Я считала, что воспитываю её. Могу сказать, что в моё воспитание она вложила гораздо больше.

Я давно так не спешила домой с работы.. Как на свидание. Наверное, нельзя так сильно любить собаку. Говорят, что собаки приходят в этот мир, чтобы научить людей любить. А потом уходят.

Наверное, я хорошо училась. Быстро. И Вилка ушла раньше срока. Ей было четыре года.

Решение о той операции, без которой, пожалуй, можно было обойтись и во время которой погибла Вилка, приняла я. Я была уже достаточно большой девочкой, чтобы принимать такие решения. Последствия этого решения обрушили мой мир.

Отец сказал – больше никаких собак. Мне кажется, он до сих пор не простил моего решения. Я и сама себя не простила. Вилки нет больше четырёх лет. И не отпускает, и не легче. Боль притупляется, да, но никуда не исчезает. Время не лечит.

Какое-то время казалось, что я могу дышать только в полвздоха.

Многие говорили банальное – чтобы стало легче, надо подарить своё нерастратченное тому, кто нуждается. Мол, есть те, кому ты нужен. Дай ему кров, дай дом, полюби, обогрей – и будешь чувствовать, что ты живой.

И это правда.

Лопухую трусишку Динку я увидела на фотографиях в интернете. С них на меня посмотрела Вилка. И сомнений больше не было. Вопреки вялому сопротивлению семьи, с формулировкой «Тогда это будет твоя собака», Динка стала моей собакой.. Надо ли говорить, что этой трусливой таракашке было разрешено сразу всё – и в постельку, и на диванчик, и покушать с ладошки. Удивительно похожая и внешне и характером на Вилку, она будто продолжила её жизнь. И лет ей было ровно столько же, то есть в моём доме она появилась уже достаточно зрелой собакой. А для меня это был хороший опыт и открытие – брать сразу взрослую собаку в дом проще, чем щенка.

Очень быстро кокетка Динка завоевала сердца всей семьи. Мы, как подснежники, стали оттаивать и улыбаться, обнимая собаку. А трусливая таракашка превратилась в наглую хитрую колбасу.

Потом «ушла» Чупа. На двенадцатом году жизни. Еще одна операция, которая закончилась именно так. Здесь нельзя было без операции. И мы были предупреждены. Но подготовиться к этому не получается..

Потом я встретила Ласку. И мне было её нельзя. Категорически. Веское семейное табу. И Ласка два года моталась по передержкам, а я пыталась найти ей дом, пока не поняла, что не смогу её отдать. И я стала искать дом уже для себя, чтобы в нём нашлось место всем моим любимым. И тогда меня услышали, и вот – Ласка наш член семьи, Динкина подружка, главная баловница и любимица всей семьи, и, в первую очередь, любимица всех возражавших.

И мой муж с усмешкой ловит завистливые взгляды местной детворы, когда мы идём с собаками на прогулку. Собака – детская мечта большинства детей. «Маммммм, у них ДВЕ собаки!»

Решение завести котёнка для Кыси (не для себя, а ради загрустившей кошки) было уже вполне логичным и естественным. А когда есть такое решение, найти котёнка не составит труда. Очень скоро мама подобрала на улице очередного голодранца, который стремительно вырос в наглую разбойничью рожу, разгромившую полквартиры. Шурик, Шаурман, Шаурмадил. О, это папин любимчик. Папа говорил – нам не нужен котёнок, вот ещё! А теперь они милуются беспрерывно, и папа по первому «мявку» спешит на кухню чем-нибудь угостить своего воспитанника.

А еще папа говорит, что ему тоже нужна собака... И, кажется, стены нашей квартиры готовы раздвинуться и вместить всех.

Все, кто был и кто есть, остаются с нами навсегда. Даже когда «уходят». И ты умираешь вместе с ними, но они же тебя и воскрешают. Ты болеешь вместе с ними, но они же тебя и исцеляют. Ты живёшь. И ты любим.

Знали бы вы, как весело стало в нашем доме. Ты приходишь домой, а тебе не дают войти, не дают разуться, снять куртку, скачут, как сумасшедшие, пытаются лизнуть тебя в нос, вертятся волчком, бросаются под ноги. «О боги!! Ты вернулся!! Мы ждали-ждали-ждали!!»

Пишу и улыбаюсь, ведь я сейчас пойду домой и всё это ждёт меня там. Есть только одна проблема – не хватает рук, чтобы погладить всех разом!

Альберт Восканян. «Джеки»

Он лежал на верхней ступеньке лестницы, ведущей в дом, положив голову на свои передние лапы. Иногда ему приходилось шевелить длинными ушами, чтобы отогнать от себя назойливых мух...

Было тихое летнее утро. Солнце довольно высоко стояло на голубом чистом небе. Джеки, так звали немецкую овчарку, знал, что вот-вот во двор должны прийти люди. Как звать их, он не знал, ему были непривычны человеческие имена. Но для себя он их выделил, в зависимости от отношения последних к нему.

Ему было шесть месяцев, когда он попал в руки Хозяину. Последний его любил, но любил по-своему. Джеки помнил, как Хозяин злился, когда громко подавал ему какие-то команды, на которые он не реагировал. Человеческого языка овчарка не понимала и поэтому не знала, чего от неё хотят. Хозяин же злился, кричал, грубо брал рукой за его морду и... В такое время Джеки съёживался, не знал, что делать, но у него и в мыслях не было убежать – ведь это был его Хозяин, который кормил, поил, купал, выводил на прогулку.

Кстати, только через несколько месяцев собака поняла, что зовут её Джеки, а не «Подлец»...

Мимо ворот проходили дети. Они на секунду остановились, чтобы подразнить его. Джеки, не вставая с места, скосил на них глаза, грозно зарычал, и детей как ветром сдуло.

Послышался шум двигателя автомобиля. К воротам подъехала серая легковушка. Вышел Хозяин, открыл ворота и загнал автомобиль внутрь. Джеки знал, что Хозяин любил, когда он лаем встречал его и поэтому решил не испытывать судьбу и три раза, для вида, гавкнул, виляя хвостом, подошёл к нему и обнюхал его туфли. Тут из машины вышла девушка. Джеки её любил, потому что каждый раз, когда эта девушка появлялась, его ждали разные лакомства: торты, печенья, конфеты, специальный корм для собак. Но Джеки также знал, что иногда девушка надолго пропадала, и в такое время он сильно скучал по ней.

Джеки, продолжая вилять хвостом, подошёл к девушке, обнюхал её ноги и подумал: «Сейчас она скажет: «Джеки, джаниик, ты мой хороший, ты мой хороший! Смотри, что я тебе принесла!»

Только он успел это подумать, как раздался радостный возглас девушки:

– Джеки, джаниик, ты мой хороший, ты мой хороший! Смотри, что я тебе принесла!

Тут она достала из сумки кусок пирога. «Сейчас скажет – садись, дай лапу!» – грустно подумал Джек.

– Садись, дай лапу! – словно прочитав его мысли, мило улыбаясь и держа в руках кусок пирога, произнесла девушка.

Джеки знал наизусть, что будет потом. Поэтому он безропотно сел на задние лапы и, не ожидая команды, через секунду протянул ей правую лапу, что привело девушку в неописуемый восторг.

Хозяин, широко расставив ноги, внимательно следил за происходящим и гордо пробасил:

– Умная... Моё воспитание!

Девушка и хозяин вошли в помещение. Джеки, лёжа на асфальте, взялся за пирог...

Тут вновь отворились ворота, и вошёл мужчина. Джеки уважал его. Этот мужчина часто приносил ему кости, куски мяса, иногда гладил по голове, и, что очень нравилось Джеки, чесал его за ухом. Джеки, не вставая с земли, приветливо вильнул хвостом, тем самым показывая своё доброе расположение к нему.

«Интересно, как на этот раз он меня назовёт – Черноухий, Англомазик?» – подумала собака, глядя в лицо мужчине.

– Ну что, Черноухий, как ты, как настроение? – весело проговорил мужчина, присев на корточки и чеша ему за ухом...

Джеки доел пирог и улёгся у своей конуры. Его домик ему нравился – летом в нём было прохладно, зимой – тепло.

Джеки, положив голову на передние лапы, разлёгся так, чтобы видеть весь двор. Над головой надоедливо жужжали мухи, и он ушами отгонял их, иногда используя для этого свой чёрный пушистый хвост...

Уже больше года, как Джеки жил во дворе этого офиса. Собаке было здесь неплохо: уютная конура, сытно кормили, любили, игрались. Только было скучновато, и Джеки чувствовал себя как в золотой клетке. Иногда ему хотелось перемахнуть через забор и побегать вместе с дворовыми собаками по улицам, подраться с другими собаками, ползать по помойкам, но он сильно боялся гнева Хозяина...

Джеки вспомнил вчерашний вечер, когда его взяли на прогулку. Выйдя за черту города, Хозяин отвязал ему ошейник и выпустил на волю. Джеки от счастья не знал, куда себя девать. Галопом пробежав метров 50, он остановился, посмотрел в лицо Хозяину, потом резко подбежал к нему обратно. Вдруг Джеки почувствовал, что в кустах кто-то есть. Зарычав, он, долго не думая, бросился туда и секунд через двадцать вылез, держа в окровавленной морде ежа. Хозяин похвалил его за это...

Когда возвращались с прогулки, Джеки увидел мужчину, рядом с которым была собака-сучка, очень похожая на него. Она Джеки сразу понравилась и, пока хозяева собак переговаривались, Джеки успел обнюхать сучку и понять, что та была бы не прочь и познакомиться с ним поближе.

И вот теперь, лежа во дворе дома, он вспомнил свою подругу Эву – так звал её хозяин. И Джеки снова захотелось увидеть её, пообщаться с ней...

В это время на улице послышался лай пробегающих мимо дворовых собак. Джеки, лёжа у конуры, лениво потянулся, широко разинув пасть, зевнул и философски подумал: «У каждого своя судьба: у этих бездомных псов – своя, у меня – своя... Так устроена наша жизнь...»

Ольга Черниенко в соавторстве с Анной Филатовой. «Бася»

Щенок был совсем крохой, меньше ладони. Казалось, мама торжественно извлекла его на свет Божий из собственной варежки.

– Знакомься, Леночка! Я назвала её Басей! Малышка попала в след от сапога в снегу и не могла выбраться! Пришлось помочь!

Мама поставила щенка на пол, и на ковровой дорожке сразу образовалась лужица.

– Пометила! Значит, будет жить с нами! Смотри, какая прелестная!

Природа одарила Басю черным шерстяным фрачным костюмчиком, белой манишкой, и белыми носочками. Мордочкой, с блестящими среди густой шерсти глазками-пуговками, и аккуратным кожаным носиком она напоминала игрушечного плюшевого медвежонка, что сидел много лет на диване в гостиной.

Щенок, приветливо виляя хвостиком, встал на задние лапки, потянулся к девочке, и Лене очень захотелось взять его на руки, прижать к себе, погладить, но, она вдруг резко развернулась в своем инвалидном кресле:

– Не будет Бася жить с нами! Отец не позволит – выбросит! Ты же знаешь, какой он! Даже на руки брать не буду – привыкать не хочу! Бася на Шарика похожа! Ты помнишь его, мама?

Плотно притворив дверь, так, чтобы щенок не смог пробраться к ней в комнату, Лена взялась за вязание. Рукоделье всегда её успокаивало, помогало собраться с мыслями, но не в этот раз. Появление Баси в доме взбудоражило. Что будет с малышкой, если её опять выкинут на мороз? Если никто больше не сжалится – просто замерзнет! В том что отец не оставит собаку дома – не сомневалась, душевных травм, связанных с домашними животными, было много.

Ещё в раннем детстве она мечтала стать... нет! не принцессой, не Золушкой, не волшебницей... Робин Гудом!

И не только потому, что лук, стрелы, лошади и жизнь в лесу... Нет! Робин Гуд – защитник слабых! Есть же такая профессия – помогать справедливости восстанавливать!

Лена не испытывала особых переживаний по поводу собственной болезни (фактически, медленном умирании) – все будет так, как Бог даст!

А вот собаки, кошки, голуби, даже насекомые вызывали массу переживаний...

Как-то с мамой из леса принесли домой ежика с поломанной лапкой, наложили шину – косточки вскоре срослись, и колючий комочек стал вести активный образ жизни: по ночам – бегал, топал, что-то постоянно искал... Передние лапы у ежа небольшие, зато задние – здоровые! Шлепают, как ласты! Забавный, милый и бесконечно благодарный: узнавал своих – опускал иголки, позволял гладить и чесать пузико!

Но однажды утром Лена нашла его на улице – мертвым, в луже. Ночью отец попросту выбросил его в окно – спать помешал.

В другой раз приболудился кот – толстое, рыжее, ласковое, мурчащее, теплое Солнышко...

Но и он был выставлен за дверь... Золотое свое Солнышко Лена более не увидела... А ведь был тогда лютый февраль – морозный, трескучий, вьюжный!

Вот и сейчас – зима! И щенок этот – Бася... копия её черного Шарика с белой грудкой из далекого, раннего детства. Первый настоящий друг!

Но соседи по коммунальной квартире были против собаки, и Шарика, по легенде, пришлось подарить знакомым – дачу охранять.

И лишь спустя несколько лет бывшая соседка проговорила – на самом деле, вывез отец Шарика в лес, бросил там, и щенок ещё долго бежал за уезжавшей машиной...

Как мог так поступать её отец, её кумир... когда-то веселый, щедрый, благородный, с золотыми руками?

Отчаянным был он и смелым – в электричке заступался за слабых, получал травмы, переломы, но все равно лез в драку! Однажды в парке Горького ему нож всадили в сердечную сумку, за то, что женщину с ребенком защитил! И он, молча, зажав рану рукой, пошел... и шел, пока сознание не потерял!

А после операции, сбежал из больницы – надо было срочно нарубить дров на зиму любимому дедушке!

И топором работал до тех пор, пока кровь не пошла из-под рубашки!

Как же непохож был тот человек на нынешнего!

И как ей не хватало того – далёкого, доброго и сильного, способного защитить свою дочь от любых издевательств, насмешек! Быть может, потому она и мечтала стать Робин Гудом?

Что с тобой случилось, папа? Неужто, тогда, вместе с кровью вытекло из сердца милосердие?

Ведь карманы твои всегда были полны угощениями для хвостатых охранников на стоянке машин...

И хвалился ты, что ни одну собаку не задавил, несмотря на аварийные ситуации!

И машины чинил всем, кто попросит, и денег ни с кого не брал... но, после ремонта тебе бутылки с водкой ставили!

А после выпивки лицо твое человеческое исчезало вдруг под маской злобного зверя...

И теперь душа твоя словно небо, затянутое плотными, густыми облаками. Сверкнет на миг, как луч солнца, и внезапно погаснет...

А может, околдовал тебя кто, папа? Приворотным зельем на водке опоил? Или порчу навели завистники?

Как же хочется порой подойти, потрясти за плечи, и крикнуть: – Проснись, Робин Гуд! Гибнет семья твоя! Беги на помощь!

Господи, отбери у него стакан, сделай так, чтобы горе из дома ушло!

Хлопнула входная дверь – отец вернулся с работы. Не в силах слушать, что сейчас произойдет, Лена легла в постель, накрыла голову одеялом. Сердце сжалось. Бедная Бася, сытая, согревшаяся в своей коробочке, сладко причмокивающая во сне, на мягком одеяле! Неужели он не оставит малышку в доме хотя бы до утра?! Сможет ли мама ему противостоять? Или не справится, как не могла справиться с его алкоголизмом?

От бессилья катились слёзы.

– Доченька, ты легла? – вдруг скрипнула дверь.

Увидав Лену в постели, мама прошептала:

– Извини, потревожила, но я же знаю – не спишь! Не переживай, папа согласен, Бася будет жить с нами. Оказывается этот щенок с их стоянки. Её матери он еду-то и носил!

– Мама! – Лена резко села на кровати, – сейчас он трезвый – потому и согласился! А напьется, не понравится что-нибудь, и выкинет собаку из дома!

Зима не может длиться вечно – однажды бесконечная ночь сменится весенним рассветом. Майские ливни умоют городские дома, тротуары, деревья. И освежающий запах распускающихся берёзовых почек – символ обновления природы – взбудоражит сердца, породит надежду на новую жизнь, словно дождевая вода вместе с уличной грязью унесет все мелкие человеческие неприятности и огорчения.

Ласковые солнечные лучи развеют мрачную атмосферу городских кварталов, согреют пташек, четвероногих хвостатых бродяг, чудом умудрившихся пережить лютую зиму, выманят тощих подвальных кошек с плодами их мартовской любви на ещё редкую молодую травку...

Светлой радостью дивная красота природы наполнит души тех, кто сумеет убежать от городской духоты и пыли за город. Дача! Вот, где можно вздохнуть свободно!

На участок ездили втроем – мама, Лена, Бася. Отец не приезжал – все лето пил в городе с «друзьями» -собутельниками.

Они же сажали, возделывали огород, собирали урожай, консервировал на зиму овощи, ягоды, варили варенья...

Дача (всего-то шесть соток!) – собственная земля, на которой чувствуешь себя настоящим Творцом!

Какое удивительное, почти родительское чувство испытываешь, когда посаженный тобой, казалось бы, хиленький, хрупкий саженец обрывает первыми, почти прозрачными, похожими на детские ручки, веточками, раскрывает тонкие, нежные листочки-пальчики, тянется к Солнцу! Дерево-малыш, которое так и хочется покровительственно гладить по головке – крошечной кроне; как за собственного ребёнка, переживать его болезни, травмы...

А через год-два оно уже напомнит настоящее дерево, обещающее быть сильным, плодоносным. И вот уже появляются на нем первые цветочки, наполняют воздух тонким ароматом, привлекающим гудящих пчел, шмелей...

Наверное, в каждом дачнике, стремящемся создать на собственной земле свой райский уголок, проявляются созидательные гены древних прародителей, возделывавших когда-то на заре Человечества Эдемский сад.

И, как в Эдемском саду, рядом с человеком на дачном участке должны чувствовать себя счастливыми домашние животные!

Подпрыгивает, твякает черный, с белой грудкой щенок, пытаясь поймать неожиданно ожившие цветы – нарядных бабочек, танцующих над благоухающими соцветиями многолетних кустарников – сирени, жасмина, шиповника, ирги...

– Бася! – Лена бросает подальше в траву игрушку, – Апорт! Щенок отвлекается от бабочек, бросается в кусты.

– Бася! Принеси тарелочку! – команды хозяйки каждый раз становятся все сложнее, – Бася! Принеси тапочки.

Девушка учит собаку запоминать названия предметов.

– Бася! Принеси книгу! Бася! Открой дверь!

Собака оказалось весьма сообразительной: играючи усвоила названия самых необходимых вещей, научилась приносить их Лене, открывать двери перед инвалидным креслом, и даже закрывать их; помогать забираться хозяйке вместе с коляской на бордюр, пандус...

Постепенно собака становилась не просто домашним любимцем, другом, с которым можно поделиться сокровенным, но и «руками», и «ногами» своей, ограниченной в движениях юной хозяйки.

Даже во время совместных походов в лес, на речку Бася, с удовольствием носившаяся по полянкам и опушкам леса, выискивая мышек, или догоняя вспархивающие из-под её лап воробьиные стайки, никогда не забывала про Лену – мгновенно появлялась перед ней при первом же показавшемся подозрительном звуке, готовая защитить от любой опасности.

Вечера проводили по-старинному уютно – у самовара с друзьями и соседями. Мама была хлебосольной – готовила пироги, пельмени, блины...

Лене всегда казалось, что мамыны руки – это руки доброй волшебницы, а их магические, завораживающие движения сродни игре на музыкальном инструменте, кухня – мастерская волшебницы, а все её блюда – высочайшие произведения кулинарного искусства.

– Ты можешь не любить готовить, но уметь обязана! – часто говорила она дочери и цитировала любимого Хайяма:

«Чтоб мудро жизнь прожить, знать надобно немало,

Два важных правила запомни для начала:

Ты лучше голодай, чем что попало есть,

И лучше будь один, чем вместе с кем попало»

На всю жизнь запомнила Лена все секреты её особой кулинарии...

Разбудите среди ночи, спросите: «Сколько компонентов в настоящем украинском борще?» Ответит!

Как же легко и просто, наблюдая за мамой, научиться всему, что она умеет! Сажать цветы и овощи, готовить борщи и выпекать изысканное печенье, вязать и вышивать!

Сколько интересных художественных идей воплощены в Лениных оригинальных шالях и теплых шарфах, кружевных накидках и скатертях! На выставках за свои работы она получала дипломы и грамоты, была признана «Юным талантом Московии»! Мама гордилась и мечтала увидеть дочку известным художником или искусствоведем.

Однажды слышала, как соседка с оттенком зависти сказала своей дочери, Лениной подруге: – Бог дал Лене слабые ноги, зато вознаградил талантливыми руками и светлой головой!

Мамины руки доброй волшебницы творили не только вкусную пищу. Словно крылья Ангела, они всегда успевали подхватить падающего в бездну. Оказывали материальную помощь пострадавшим в катастрофах, многодетным семьям, помогали по хозяйству беспомощным соседям (дача у них была от общества инвалидов), и, конечно же, подкармливали всех встречаемых бездомных животных! Мама жила не для себя – для людей!

Два дивных лета провели они втроем на даче. И это были их самые счастливые дни...

Мир рухнул внезапно. Однажды летом мама упала. Боль в колене не отпускала, и диагноз, объявленный доктором после рентгена, не предвещал ничего хорошего:

– Вторичные раковые опухоли костной ткани, образовавшиеся в результате переноса атипичных клеток из основного очага с кровотоком и лимфотоком, – равнодушно и вяло, глядя на снимок, бубнил он, словно читал учебник, – подобная картина появляется на последних этапах онкопатологии...

– Доктор, я не поняла, что с мамой, нужна повторная операция? – робко переспросила Лена.

– Какая операция? Вы о чем? Что вы хотите?! Ей жить осталось 4 месяца!, – раздраженно крикнул эскулап, – злокачественная опухоль, удаленная у вашей матери три года назад, вновь заявила о себе – метастазы проникли в кости! Мы ничем не можем помочь!

Оглушенная ужасным известием, Лена удалилась в коридор.

В одну секунду все окружающее перестало для неё существовать, померкли краски мира, и теперь интересовало одно – как спасти маму?

Нельзя опускать руки, надо бороться, лечить, не давать падать духом! Мы обязательно победим!

Наступило то самое время, когда уже Лене необходимо было стать маминым ангелом-хранителем.

– Мамочка, ничего страшного, тебя пролечат, выпишут из больницы, мы вернемся на дачу!

Надо повторять это все время, постоянно, снова и снова, чтобы самой в это верить! Ведь мысли и слова реальны, имеют свойство сбываться!

И ещё! Принести ей икону Николая Чудотворца – святой быстро откликается, приходит на помощь нуждающимся!

И лишь отец, никогда не просыхающий от водки, портил все...

Присев к маме на кровать, повторял:– Когда же ты, наконец, умрёшь? Ты нас замучила... В эти минуты Лена готова была его убить...

Почему отец так цинично себя вел? Наверное, в среде той нравственной грязи, которой он постоянно касался, заразился бактериями хронической душевной усталости – безразличием, бесчувственностью, бессердечием, апатией и бесстрастностью, когда живет человек по инерции, не зная для чего и зачем...

Лена осталась одна со своим горем. Удивительно, но все знакомые, которых ранее считала близкими друзьями, как-то резко исчезли из её жизни. Вокруг образовалась пустота. Впрочем, Лена и не желала жалости ни от родственников, ни от бывших друзей. Понимала, никому из них просто не хочется вваливать на себя чужие заботы, а тем более, мыть, убирать, ухаживать за неходячим инвалидом в доме, где постоянно бесчинствует алкоголик!

На подвиг способен не каждый, самоотверженных людей, как Ленина мама, на всем белом свете по пальцам перечесть.

Впрочем, люди никогда не задумываются о том, что однажды и сами могут попасть в подобное положение...

С домашними заботами – стиркой, готовкой, уборкой Лена приноровилась справляться сама. Трудности представляли походы в магазин, за продуктами. И не только из-за спуска и выхода из подъезда. Раздражали чересчур пристальные взгляды, но, если у простых обывателей любопытство вызывало лишь необычность средства передвижения девушки – инвалидное кресло на колесах, то пьяные и хулиганы могли и покуражиться над человеком беспомощным, незащищенным.

О, эти наглые, ухмыляющиеся рожи, упивающиеся своей безнаказанностью! Вот где вылезает на свет Божий вся человеческая низость! Каких только оскорблений не приходится слышать инвалиду! И нет никакой защиты от подонков...

В такие минуты на помощь бросалась Бася! Звонким отчаянным лаем – своеобразным собачьим «СОС!» – пыталась она привлечь внимание прохожих. И хотя те в большинстве своем равнодушно проходили мимо, шум, поднимаемый собакой, заставлял недобрых людей уйти.

Выгуливать Басю ежедневно, два раза в день, было некому. Лена могла лишь выпустить собаку из квартиры. Возвращаясь с прогулки, она тихо гавкала под дверью – «я вернулась, пустите!» В то время Бася стала единственным существом на свете, которому девушка была небезразлична. Чувствуя напряженную, даже опасную обстановку в семье, она постоянно находилась рядом. И даже ночью, лежа в постели, Лена спиной ощущала тепло тесно прижавшейся к ней собаки.

После химиотерапии маму привезли домой. Она была совсем слабой – даже с постели встать не могла.

Тогда-то и выяснилось – Бася беременна! Недоглядели!

В день, когда Бася родила, отец был пьян. Водка всегда делала его буйным...

После того что он сделал с новорожденными щенками, несмотря на женский плач, просьбы и уговоры, Лена никогда более не смогла с ним нормально говорить и называть его «папой». Это существо окончательно превратилось для неё в зверя.

Ухаживать за мамой приехала тётя из Украины. Она-то и убедила Лену хоть ненадолго отправиться в санаторий, в Крым, дабы восстановить подорванную нервную систему.

– Всё будет хорошо! Вот увидишь! Вернешься – а маме лучше!

– Доченька, мне действительно станет лучше, если ты поедешь отдохнуть!, – просила её и мама, – Нельзя жить на постоянном стрессе! У тебя даже руки все время дрожат! А за меня не волнуйся, – мама улыбнулась, – кроме сестры, со мной останется Бася – самый замечательный на свете охранник!

Только потом, спустя некоторое время, Лена поняла – мама предчувствовала скорую смерть и не хотела, чтобы дочь стала свидетелем агонии. Она должна была остаться в её памяти живой, бодрой и улыбающейся.

Отдых был недолгим. Тревожные думы не давали расслабиться.

Спустя пару дней после приезда Лене приснился сон: большой человек с белой бородой наклонился над ней и прошептал: твоей мамы больше нет!

Утром, вся в слезах, она срочно выехала в Москву. На вокзале встретил тетин друг, подвез к подъезду, и тут же, в открытую дверь машины прыгнула Бася – единственное, что у неё осталось. Ни мамы, ни друзей, ни дома!

После похорон отец стал пить ещё больше, хотя, казалось, больше некуда. В квартире постоянно толпились местные алкаши, возглавляла компанию дородная, густо размалеванная, и резко пахнущая парфюмерией, продавщица местного винного магазина. Недостатка в спиртном не было. Попойки длились круглосуточно. Даже входная дверь не запиралась. Вся нечисть мира поселилась здесь!

Понимая, что оставлять в подобной обстановке молодую девушку нельзя, тётя забрала Лену с Басей к себе.

Первые три недели после смерти матери Лена провела, как во сне – ей постоянно кололи транквилизаторы...

Но даже в состоянии прострации, расслабленности и оцепенения мысль о том, что она может стать кому-то обузой, не давала покоя, и заставляла постоянно переезжать: Лена гостила то у бабушки, то у тётки, то спешила домой...

Ведь крохотная надежда, что отец все же опомнится, придет в себя, «сбросит колдовские чары», никогда не покидала её.

Сколько километров проехала она по железной дороге?! Сотни? Нет! Тысячи! В памяти остались нескончаемые рельсы, мосты, вокзальные перроны; стук колес, да проводники – вежливые и хамоватые, соседи по купе – редко внимательные, в большинстве же своем, безразличные...

Но всегда и везде рядом с ней была Бася! Пробегая между ног проводников, она подносила вещи, открывала и закрывала двери, грозно рычала на пьяных и внимательно следила за каждым движением хозяйки, стараясь предугадать, чем она сможет помочь ей в следующую секунду. Собака словно приняла на себя всё, что ранее делала её мама.

А может, у Баси и была связь на астральном уровне с ушедшей мамой? И с помощью собаки-телохранительницы добрая волшебница оттуда, с небес, старалась оградить Лену от земных невзгод?

Басе не нужен был поводок, только команды – стой, вперед! Не было страха, что она потеряется или не успеет прыгнуть в поезд...

Связаны они были между собой не поводком, не командами, совершенно другим – телепатическими узами!

Всю дорогу собака сидела у Лены на коленях. Так и ехали, в обнимку, и каждой своей клеточкой Бася старалась передать хозяйке импульс тепла, здоровья, любви. Чувствуя ладонями биение маленького сердечка, поглаживая густую, шелковистую собачью шкурку, девушка успокаивалась, и постепенно приходила умиротворенность, уверенность в себе. Несмотря на все неприятности, появлялось желание жить, любить, творить, радоваться солнцу, небу, дождю...

Вот оно какое – «собачье сердце»! Настоящее сокровище, крохотное, но полное бесконечной, чистой, вселенской любви!

В одну из таких минут Лена решила вернуться домой – попытаться «найти ключ» к затуманенной душе отца, и, возможно, начать «новую жизнь». Наивная!

В квартире уже давно поселилась та самая продавщица, на которой теперь собирался жениться постоянно пьяный отец. Ленины вещи были упакованы, выставлены в коридор.

Вид отца был ужасен: одутловатое лицо землистого оттенка, темные круги под глазами, опухшие веки... но больше всего поражало искаженное злобой и ненавистью лицо.

Дочку он встретил бессвязными ругательствами. А когда Лена попыталась попасть в свою комнату, замахнулся топором...

И только отчаянный визг Баси, да его трясущиеся руки запойного пьяницы спасли Лену от неизбежной гибели. Лезвие топора опустилось совсем рядом...

Выскочив стремительно на улицу, девушка долго не могла успокоиться...

Что делать? Куда идти? Кого звать на помощь?

Была глухая ночь, вокруг ни души...

Неужели нет никого, к кому она могла бы обратиться?

А ведь сколько знакомых, называвшихся друзьями, приходили на дачные чаепития!

Вспомни, Лена, у тебя же голова светлая!

Да... «голова светлая, руки талантливые»! Вот кому можно позвонить! Близкой подруге!

Лена набрала номер. Извинившись за поздний звонок, кратко описав ситуацию, попросилась переночевать...

Ответ прозвучал так, словно отец все же опустил ей на голову топор:

– У нас не дом терпимости!

Оказывается, легче всего человека убить словами...

Ранним утром Лена с собакой были на вокзале. Ближайшим же рейсом они отправились на Украину, где жила семья маминого младшего брата.

Дядя давно уже звал Лену погостить, и теперь она решила воспользоваться его приглашением.

Дядя – мягкий, вежливый, интеллигентный, постоянно пропадал на работе. Семья же его оказалась скандальной. Ссоры между женой брата и старшими детьми не утихали. Родственницу свою – бездомного, нищего инвалида Лену – они совершенно не стеснялись.

Девушка сразу почувствовала – несмотря на постоянные уговоры приехать в гости, на деле, она оказалась никому не нужной...

Забывали даже накормить. А если и вспоминали, то давали тарелку супа в день, и кормовую свеклу, Басе – ничего...

Иногда голод бывал настолько мучителен, что приходилось питаться картофельными очистками. Обе исхудали и ослабли...

– Её надо оформить в интернат! – однажды Лена услышала, как две бойкие соседки под окном судачили об её будущем, – государство заботится о своих недееспособных гражданах. Будет и помощь, будет и уход!

– Интернат? – думала Лена в ужасе, – но ведь там действительно всех оформляют как недееспособных. А это значит, что надо будет распрощаться с мечтами об учебе, профессии, творчестве... Я же с детства мечтала стать юристом! В интернате никто не будет с этим считаться! Никаких прав! Ни работы, ни семьи! Даже в город выйти – только под присмотром! Попасть в интернат – заживо себя похоронить, стать социальным трупом...

Вечером Бася торжественно преподнесла Лене подарок – протухшую телячью ногу!

Вид у собаки был гордый, самодовольный. Добычу надо делить с хозяйкой!

Как оказалось, у соседей умер теленок. Его-то тушу собака и выкопала из-под земли...

Все, дошли до ручки... Пададь едим. Тупик!

Как же ты права была, мама!

«Ты лучше голодай, чем, что попало есть,

И лучше будь один, чем вместе с кем попало»...

Наверное, действительно, лучше жить в одиночестве, ни от кого не зависеть, стать хозяйкой своей судьбы!

И снова поезд, снова рельсы, вокзалы, проводники...

Мчится Лена навстречу будущему! Её ждут экзамены, поступление в университет, встреча с отцом. Придется вернуться домой, чтобы забрать вещи...

И с гордостью сказать: папа, я поступила! Буду жить в общежитии!

Быть может, в его душе что-то повернется? Может, и ему приятно будет знать, что дочь на что-то способна?

Но в её комнате уже живут совершенно незнакомые женщины, а невменяемый от водки отец неспособен что-либо соображать...

– Да пошла ты... – услышала она грязное ругательство в ответ на свое сообщение о поступлении в ВУЗ.

До начала учебного года ещё оставалось время, и Лена решила провести его на даче с Басей. Скоро их ждет расставание: в общежитие с собакой не пустят, а это значит, что ей нужно искать зоогостиницу или передержку.

Ровно год прошел с тех пор, как они были на дачном участке последний раз – ещё при жизни мамы...

Лена открыла дверь, и ей показалось, что дом с облегчением вздохнул – ну, наконец-то! давно тебя жду, соскучился...

Говорят, что дом, сад, огород тоже чувствуют одиночество, и когда хозяин долгое время не приезжает, жилище начинает рушиться, земля запустевает. Бывшие когда-то частью семьи, они теряют энергетическую связь с человеком, уходит из них душа...

Участок, который с такой любовью возделывала мамой, зарос высокой крапивой, а деревья, ставшие совсем взрослыми, порадовали яблоками, сливами.

Надо собрать урожай, привести в порядок сад, и даже, может, сварить варенье, как когда-то они делали с мамой. Вещи, оставленные ею и сохранившие едва уловимый, родной запах, лежат на привычных местах. Как будто она где-то рядом, вышла ненадолго. Вот сейчас скрипнет калитка, появится мама – молодая, весёлая, энергичная. Сколько же любви и счастья принесет она с собой! Дом, где живет волшебница...

Вечером, по традиции, Лена пила чай на веранде, любовалась закатом, дремала, слушая, как яблоки, падая, стучат о землю.

Вечерняя прохлада коснулась ног, зазнобило, и сквозь сон она почувствовала, как вошла мама, заботливо укутала её озябшие лодыжки мягким, пушистым пледом, поцеловала.

– Долго не сиди, доченька, простудишься!

Лена резко проснулась. Пледа не было – её ноги согревала верная Бася.

Ночью их разбудил настойчивый стук в дверь. Соседи.

– Леночка, нам только что звонили из города. Тебя разыскивают. Надо срочно ехать в Москву! Папа умер!

В квартире было пусто, на столе лежали ампулы, шприцы и записка – в какой морг увезли труп. Как оказалось, молодая подруга отца подмешала в стакан нечто, несовместимое с алкоголем. Собутельники вызвали скорую, врачи пытались реанимировать, кололи адреналин в сердце, но ничего не помогло...

На похороны съехались многочисленные отцовские сестры, братья с семьями. Вот какая, оказывается, у отца большая, дружная семья!

Однако, к удивлению Лены, сестры так шумно и неприлично ругались из-за цвета гроба и надписей на венках, что даже похоронный агент предпочел на время удалиться.

А после поминок в их доме Лена вдруг с удивлением узнала, что она им больше не родственница, и фамилии своей недостойна, ибо за отцом не ухаживала! не присматривала! на «болезнь» внимания не обращала! Хорошие дети так не поступают! Опозорила род!

Но они – люди милосердные – в интернат не сдадут, на квартиру претендовать не станут! Просто видеть ее не хотят!

Слегка подвыпившие, говорили хором, на повышенных тонах, перебивали друг друга, галдели как гуси, возмущались, каждый старался больно ущипнуть. Казалось, самих себя стремились убедить в Лениных «преступлениях», дабы найти оправдание их общему нежеланию выйти из «зоны комфорта» и помочь племяннице, оставшейся без средств к существованию.

Терпеть оскорбления больше не было сил, и Лена, наконец, не выдержала:

– Стоп! А вы то, все, где были? Нам помогали? К маме приезжали? Брата своего от алкоголизма лечили? Кто вы такие, чтобы ещё и на мамину квартиру претендовать? Да я вообще многих из вас впервые в жизни вижу!

– Вот и прекрасно! И более не увидишь! И не пытайся!

– А мне и не нужен никто! Прощайте!

– Ну, куда же ты поедешь на ночь глядя? – вдруг всполошилась одна из теток, – оставайся ночевать!

– Не, я домой! Прощайте!

И про себя добавила: – У меня есть друг! Настоящий! Бася! Все вы, вместе взятые, одной единственной шерстинки её не стоите! Бася будет рядом всегда, даже если весь мир против меня ополчится!

Уже в подъезде, у выхода её нагнал двоюродный брат: – Леночка! Прости и помни – я с тобой, всегда! Давай провожу!

Вскоре, с собакой пришлось временно расстаться – Лена поселилась в общежитии, Бася – в зоогостинице.

Жить в квартире, где ни один год гуляли пьяные компании, без предварительного ремонта и дезинфекции, нельзя. Необходимо было привести её в порядок, развеять «колдовские чары» – выгнать всю нечисть, всех бесов, которые, казалось, притаились по углам, а самое главное, найти человека – компаньона, который бы согласился в этой квартире жить и гулять с собакой.

Лена с увлечением училась на юридическом, получала стипендию, приобрела новых друзей, с собакой же ей удавалось видеться лишь по выходным.

Бася прыгала хозяйке на колени, обнимала передними лапками за шею, облизывала лицо, скулила, пытаясь что-то рассказать, пожаловаться на свою жизнь в разлуке.

А когда приходило время очередного расставания, впадала в истерику – отчаянно лаяла, скулила, рыдала и плакала, совсем как ребёнок, недоумевая, зачем разлучают её с любимым человеком и ради чего ей теперь жить?

Каждый раз Лена уезжала со встреч с разбитым сердцем. Из рассказов хозяйки гостиницы, знала: Бася отказывается от еды, воеет по ночам...

Необходимо как можно скорее вернуть собаку домой.

В конце концов, удалось найти компаньона и возвращение Баси приурочили к Лениному дню рождения. Хозяйка гостиницы пообещала лично доставить собаку в квартиру.

Для неё были приготовлены новые миски, лежанка, игрушки. Как же обрадуется Бася своему дому! Ведь все плохое когда-нибудь кончается, и Лена твердо верила – впереди их ждет прекрасное будущее!

Друзья-сокурсники суеились на кухне: звенели тарелками, стаканами, готовили закуски, и уже собирались садиться за стол, когда раздался звонок.

– Это из гостиницы, мы с вами договаривались! – раздался голос в домофоне

– Басю привезли! Ну, наконец-то, мы заждались!

Лена отправилась встречать собаку на лестничную клетку. Вот сейчас взлетит по ступенькам лохматый шар, прыгнет на колени, прижмется, оближет, зацелует, собачью песенку споет...

Никогда больше не будут они расставаться!

Но, вместо Баси, по лестнице поднималась хозяйка гостиницы. В руках огромный букет роз:

– С днем рождения!

– Спасибо. А где Бася?

– Извините, – замялась женщина, – мы готовы купить вам щенка любой породы!

– ...?

– Ваша собака погибла, попала под машину...

– ЧТО?

– вашу собаку задавила машина, извините... я не видела, рассказали, что не закрыли дверь, она выбежала, там неслась машина... в общем задавили её... простите.

Лена не могла произнести ни слова, машинально взяла протянутый букет и сжала розы так, что шипы вошли в кожу. Боли не почувствовала, вся боль её сосредоточилась в сердце, из которого, казалось, вырвали кусок живой плоти!

Баси больше нет... Лена смотрела на новенькие миски, игрушки и не могла понять, как это Баси больше нет? и никогда уже не будет!?

Куда уходит собачья душа? Неужели, с физической смертью, кончается ВСЁ?

Бася, Басенька! Зачем ты выбежала на улицу? Меня искать, встречать? И машину ту, ты, наверное, приняла за такси...

На столе стояла открытая бутылка вина, Лена выпила её залпом, и более уже ничего в тот вечер не помнила...

Защиту дипломов Лена и её будущий муж Леша отмечали в Петербурге, с друзьями.

Гуляя по городу, на Аничковом мосту встретили подвыпившего, бомжеватого вида, мужчину с плакатом «Подайте на корм животным!». Рядом, в картонной коробке копошились толстолапые, неуклюжие, похожие на медвежат, месячные щенки.

Лена положила немного денег и двинулась дальше.

– Забавные малыши! – подумала она, – как будто в черных фраках с белой манишкой...

Это мысль вдруг заставила её оглянуться назад.

– Леша! Давай вернемся, хочу ещё раз посмотреть.

Мужчина протянул ей щенка, и Лена почувствовала давно знакомый, приятный аромат свежеевыпеченного печенья – так пахнут все собачьи детки! Так пахла Бася! И шкурка у щенка была такая же, мягкая, шелковистая... Бася!

– Леша! Её будут звать Бася! Ты согласен?

Так, купленный за 70 рублей у бомжа, щенок стал членом молодой Лениной семьи.

С тех пор прошло 14 лет. Лена – успешный юрист. В их большом, гостеприимном доме, помимо Баси-2, нашли себе кров, спасенные от холода, голода, человеческой жестокости, бездомыши – котята, щенки, кошки, собаки, кролики, и даже шиншиллы!

Став волонтером-спасателем, Лена осуществила свою детскую мечту – «защищать слабых, восстанавливать справедливость, как Робин Гуд»!

И сад их похож на Эдем, где в широких, густых кронах могучих яблонь, гомонят разноголосые птицы, где благоухают многолетние кустарники, цветут цветы, жужжат пчелы, шмели,

порхают бабочки, а по его тропинкам бегают, резвится хвостатая команда под предводительством любопытного, озорного малыша – её двухлетнего сына...

Пожилая, страдающая артритом, Бася-2 дремлет на солнышке, прикрыв глаза, но уши её, подобно чутким локаторам, молниеносно замечают малейшую опасность, угрожающую маленькому человечку, и собака, несмотря на всю свою старческую немощь, стремительно бросится на его защиту, как когда-то делала это её предшественница – Бася-1.

Мир, любовь, счастье, покой...

Могло ли быть все это в Лениной жизни, если бы в самые трудные минуты, рядом с ней не присутствовал верный друг – Бася?

Наши лохматые ангелы-хранители, никогда, даже после смерти, вы не покидаете нас!

Незримо, иль в ином воплощении, спасая от всех несчастий, идете вы рядом, до самых последних дней земной жизни, чтобы однажды радостно встретить нас за её порогом.

Нина Волегова. «Жорка»

*По территории, у офиса
Японский кот гуляет.
И, встряхивая, лапки он
Красиво в снег втыкает!*

Поздней осенью в пасмурный и ветреный день от берегов Японии отошёл русский пароход с закреплёнными на палубе тридцатью пятью легковыми машинами. Штормило. Высокие волны били и шуршали по обшивке парохода, который скрипел, то поднимаясь вверх, избегая на высокую волну, то падал вниз, казалось, в самую пучину океана, и тогда по днищу ударило так, что пароход, содрогнувшись и затихая, вновь вырывался на высокий гребень следующей волны.

Ни сам капитан, ни его экипаж, не могли знать, что на их пароходе путешествует незарегистрированный пассажир. Дело в том, что в одной из машин был кот. Как он попал туда, остаётся загадкой, но, учитывая трепетное отношение японцев к домашним питомцам, оказался закрытым в машине по воле случайной.

Я представляю, как он смотрит из окна машины своими жёлто-оранжевыми глазками на серое бушующее море, голодный, одинокий и забытый, пугаясь незнакомых звуков, торопливо прячась под сиденье автомобиля. Я могу знать, как его, беднягу качало и толкало целых два дня.

И вот, наконец, на горизонте появилась Славянка и вскоре пароход причалил к пирсу, находящемуся на территории нашего Лесного Терминала. Поднялась суeta, началась разгрузка автомобилей. Когда открыли дверцу машины, кот, рассказывали, выскочил, как стрела, и побежал прочь не оглядываясь.

Впервые я увидела его в холодный и дождливый вечер. Кот стоял за мусорным баком. Увидев меня, бросился бежать. Я оставила ему горстку корма и позвала, назвав его Жорой. Георгием, значит.

Постепенно он стал подходить ближе. Переживала за него, думала, как же он, бедолага, переживёт холодную зиму. Дома у меня уже есть кошка Тучка, а в офис нельзя. Приютить его было некуда.

Наши истопники, добрые люди, взяли его к себе в кочегарку. Теперь ему тепло и хорошо. Кочегары приносят ему молоко и вкусненькое из дома. Его все любят, не обижают и называют Жоркой. Он, чувствуя себя хозяином, важно прохаживается и не подпускает на свою территорию Ваську, кота, живущего на проходной.

С наступлением весны Жорка уходит ненадолго в посёлок. К кошкам. Уверена, что пользуется у них невероятным успехом, рассказывая о своём удивительном приключении. Прививает, конечно. Немножко.

Ольга Черниенко. «Пёс, который любил смотреть в окно»

Его приход в этот мир ознаменовался слабым щенячьим писком. Шершавый язычок мамы нежно облизал глазки, ушки, мордочку, и он впервые почувствовала вкус теплого грудного молочка. Мама для щенка, как и для всех живых существ на Земле – тепло, нежность, уют и безопасность.

А ещё, возможность после сытного обеда беззаботно спать, уткнувшись носиком в её шерстяной бок, ощущая рядом сопение, причмокивание родных братишек-сестренек.

И не страшен пронизывающий ветер, проливной дождь, крепкий мороз...

Лохматая, теплая мама не появлялась уже несколько дней. Мучительный голод заставил щенка покинуть теплое убежище под продуктовым киоском.

– Замерз, малыш? Иди сюда, согрею, – руки незнакомца осторожно подхватили плачущего собачьего карапуза, сунули за ворот пальто и щенок почувствовал удары человеческого сердца:

– Откуда ты, прекрасное дитя?

От человека пахло табаком и ещё чем-то вкусным – белым хлебом, как узнал позже. Такие крошки малыш находил рядом со скамейкой, в мусоре.

– Где твоя мамка? Бросила? Вряд ли... собаки не бросают свое потомство... наверное, погибла... И теперь тебе – маленькому, беспомощному, одинокому, очень страшно!

– Знаешь, я тоже одинок – мне тоже страшно, – и, прижав щенка к шершавой щеке, предложил:

– Давай вместе бояться?

Каждое утро они гуляли возле дома. Хозяин садился на лавочку, а щенок, с веселым тьяканьем, носился за яркими, желто-красными листьями, взлетающими в воздух под напором осеннего ветра. Человек счастливо улыбался – есть с кем перемолвить слово, разделить ужин, скоротать вечерок у телевизора, уютно устроившись в обнимку на диване – малыш стал отрадой для истрадавшей за долгую жизнь, одинокой души.

Щенок же больше не мучился от голода, не мерз, перестал бояться всего на свете, узнал настоящую любовь.

Но в момент наивысшего веселья, песик вдруг резко останавливал игру, бросался к хозяину, подпрыгивал, ставил лапы на грудь, неистово лизал любимые лицо и руки, заглядывал в глаза. Как будто чувствовал – счастье будет недолгим.

Иногда хозяин засиживался на лавочке допоздна. Утомленный малыш засыпал у него на руках, и сквозь усталую дрему слышал печальный голос:

– Ну вот, опять сын не пришел, хоть и обещал...

В холодные дни гуляли мало: хозяин сажал щенка на подоконник, и они все время проводили у окна. Пёсик с любопытством разглядывал суетящиеся фигурки людей, потоки машин, настораживал ушки при виде собак, кошек, тьякал на ворон, ловил полусонных мух.

Он смутно ощущал тоскливую тревогу, снедающую любимого человека.

Стараясь успокоить, щенок жался к груди, искал носом руку, пытался лизнуть в лицо. Ради своего хозяина, за их общее счастье малыш готов был сразиться с самой страшной и зубастой на свете собакой! Порвал бы на кусочки любого...

В конце октября хозяина увезла машина скорой помощи, и вскоре в квартире появился долгожданный сын. Снял ошейник с пса, вытолкнул из дома, и вот щенок на улице, бездомный и очень одинокий, посреди огромного, страшного города, где его преследуют с рычанием

и визгом ужасные железные коробки на колесах, и ноги в туфлях, сапогах, кроссовках спотыкаются, пинают...

От удара ботинка с железной подковой пёсик долго не мог вздохнуть, и, перевернувшись на спину, бессильно болтал лапками в воздухе.

Сколько может прожить голодный щенок на морозе? Шесть, восемь, десять часов? Испуганный малыш жался к стене, рядом с подъездом многоэтажного дома. Пёсику удалось провести прошлую ночь в тепле, под дверью квартиры, несмотря на то, что где-то там, в глубине, угрожающе порывивала незнакомая собака. Утром проходящий мимо мужчина вытолкнул несчастного на мороз.

Леденящий ветер давно уже пробил насквозь щенячью шкурку – казалось, все косточки собачьего скелета стонут под его напором.

Закоченели лапки, нос, а кончик хвостика, спрятанный под впалым животом, уже потерял чувствительность.

Когда совсем стемнело, и несчастный стал превращаться в ледяную сосульку, когда смертельная дрема уже овладевала всеми его членами, мягкая варежка коснулась носа:

– Бедный малыш! Проснись, милый! Пойдем со мной! – кто-то нежно гладил его по спине. Пёс приоткрыл глаза, ожидая увидеть хозяина, но неожиданно очутился в объятиях теплого, доброго существа – ангела, посланного Богом во спасение.

Вихрем налетела мохнатая, упитанная собака. Тщательно обнюхала, фыркнула:

– Фи, плохо пахнет... бродяга!

– А мы его постираем, накормим, будет как новенький! Посмотри, Маня, малыш похож на медвежонка. Назовем его Орик!

Девушка, которую щенок принял сначала за ангела, оказалась такой же уютной, как и первый хозяин, правда, пахло от неё вкуснее – чем-то сладким и ароматным.

– Какой же ты красивый, душистый мальчик! – приговаривала спасительница, насухо вытирая его полотенцем после купания. И даже брезгливая Маня лизнула малыша в нос – признала!

Так щенок поселился в маленькой, уютной, но бедной квартирке, где было много добра и очень много любви.

Утром девушка уходила на работу, а собаки ждали её весь день у окна.

Под подоконником стоял диван, и, если на него забраться, можно весело провести время, наблюдая за людьми, машинами, животными. Окно для собак было чем-то вроде телевизора для людей. Ближе к вечеру знакомая фигурка девушки выпрыгивала из маршрутного такси. Раздавался топот каблучков в подъезде, и собаки с нетерпением скулили, толкались у входной двери. Наконец, поворот ключа в замочной скважине, и любимый человек на пороге! Радостная возня, игры, прогулки...

Иногда, посреди веселья, Орик чувствовал на себе тревожный взгляд девушки, пытался понять её слова:

– Надо искать Орику хорошие ручки... Мы не можем его здесь оставить – двух собак на съемной квартире держать не разрешат.

И однажды за щенком пришли незнакомцы.

– Они добрые, будут любить тебя, малыш! Я обязательно приеду навестить, прости! – обнимала его на прощание девушка.

Как же она ошиблась! Новые хозяева оказались совсем не добрыми.

И щенка не любили. Похоже, они вообще не знали, что такое любовь. И зачем им понадобился пёс? Ради удовлетворения жажды безграничной власти над слабым и беззащитным созданием?

Мужчина и женщина постоянно ругались, кричали друг на друга...

От страха Орик дрожал, даже иногда писался. Его не баловали регулярными прогулками, но за подобные «преступления» немилосердно били.

У малыша менялись молочные зубы, постоянно хотелось что-то грызть, но игрушек в доме не было и приходилось чесать зубы о мебель, стулья, обувь...

Жестокие наказания за попорченные вещи следовали незамедлительно: били поводом по спине, морде, лапам – иногда несчастный хромал несколько дней.

Чувствуя свою никчемность в этой семье, малыш совсем перестал слушаться: не выполнял команды, не хотел возвращаться с прогулки.

И мечтал вернуться домой, туда, где его любили и переживали за его судьбу. Он всегда знал об этом, даже на расстоянии.

И однажды летом ему повезло – новые хозяева просто «забыли» пёсика на улице...

Теперь он был свободен и мог пуститься на поиски своего настоящего дома.

Жарко! Днем Орик страдал от жажды, ночью не мог уснуть от голода.

Где найти пищу бездомному псу? По запаху пришел к магазину, откуда люди всё время выносили сумки с едой.

Если добрый человек заметит твой жалобный взгляд, обязательно бросит кусочек булочки, пирожок или даже сосиску...

Более щедры на угощение дети – всегда дадут конфетку, пряник, кусочек колбаски. А если нечем угостить, погладят, пожалеют – ведь от малейшей ласки у любой бездомной собаки становится на душе теплее.

Вскоре пёс подружился с постоянными покупателями, знал, кого и когда ждать у входа, кого опасаться. Большая гематома на лапе ещё долго напоминала ему злобную бабку, дышнущую над ним как-то водочным перегаром :

– Что разлегся, скотина?

И сильный удар костылем.

С тех пор пёс опасался пьяных и старался держаться подальше от подобных «творений» Бога.

Место для ночлега нашел в окрестном парке, неподалеку от павильонов с шашлыками, где всегда много объедков.

И в первый же вечер познакомился с двумя хвостатыми бедолагами.

Большая старая овчарка когда-то служила в полиции, но с возрастом потеряла рабочие качества. Тратиться на корм и лечение ветерана начальству не хотелось, и повелели её застрелить. Приказ выполнен не был – некто «сжалился» над хвостатым напарником и выбросил слепую, беспомощную лохматую старушку с изувеченной в боевой операции лапой на произвол судьбы у городского парка. Хромая, с прогнувшейся спиной, без зубов, собака мучилась от голода – найти пищу себе не могла.

Большую часть времени она лежала в тени под деревом, дремала на солнце. При ней всегда находился друг – пес-инвалид: бывший хозяин в пьяном угаре отрубил ему заднюю лапу. Пёс шустро бегал на трех, но уставал быстро. Кормился на помойках, рылся в урнах – просить, как Орик, не мог – испытывал дикий ужас перед людьми.

– Нет существа, страшнее человека! Найти бы место, где людей нет вообще... – мечтал инвалид.

– Не повезло тебе! На свете много добрых и ласковых! Ты обязательно найдешь такого!

Но инвалид не верил, люди в его представлении – это злые, пьяные рожи, мат и побои...

Орик же, хоть не раз получал тумаки, продолжал верить в человечество.

Друзья каждый вечер с нетерпением ждали его возвращения. Никогда не забывал Орик принести им что-нибудь съестное – кусочек булочки, косточку, или даже рыбий хвост.

– Спасибо, друг мой, – урчала довольно старушка-овчарка, – ты добрый малый...

Промчалось жаркое лето, наступила осень. Орик не терял надежду найти девушку.

Помнил: каждое утро она садилась в маршрутку. Пёс видел это собственными глазами – из окна.

И однажды, учуяв знакомый аромат духов, побежал по следу, покрутился на остановке, залез в маршрутку, притаился, спрятавшись за большой сумкой на задней площадке.

А когда народу стало меньше, и места освободились, прыгнул на сидение, устремил свой взор в окно: а там – люди куда-то бегут, дома уплывают, машины проносятся...

Если долго смотреть, рано или поздно, девушка обязательно появится – так было всегда, когда собаки ждали её возвращения.

Маршрутка затормозила, и в открытую дверь вновь повеяло знакомыми духами. Пёс выскочил из машины, помчался по следу. Ещё немного, чуть-чуть, и он догонит, обнимет лапами, оближет родное лицо!

Вот и худенькая фигурка в знакомом пальто, Орик бросается на грудь:

– Здравствуй! Я вернулся!

– Пошел отсюда! Брысь! Напугал, поганый пёс! – визжит и топает ногами незнакомая женщина.

– Обознался! – поджав хвост, пёс испуганно кидается в сторону.

Навстречу бегут ребятишки:

– Собачка! можно тебя погладить? Здорово ты напугал нашу училку!!!

– Дети! Гладить бродячих собак нельзя! – взвизгивает возмущенный педагог, – он больной, заразный, бешеный! Да, да, бешеный!!!

– Нет, не заразный, не бешеный! Добрый! – кричат ребята, – беги за нами, дружок!

И пёс устремляется за стайкой ребят:

– Есть хочешь? Возьми бутерброд!

Орик жадно хватает хлеб, сыр, колбасу, и даже кусочки яблока.

– Да ты настоящий обжора! Жорик! Обжорик!

Пёс прыгает от радости: дети знают его кличку – он же Орик!

– Опять с собаками возишься! – раздается женский голос, – вдруг укусит!

– Не укусит, мама! Давай возьмем его домой? – просит девчушка, – пусть с нами живет! Жалко его!

– Заработает, тогда и заводи. А мне дармоеды не нужны! Денег и на тебя-то не особо хватает! Марш домой! И руки помой! С мылом!

Каждый день Орик ждал ребятишек у школы. Рядом с ними он вновь ощущал себя щенком – хотелось резвиться, радоваться жизни!

А когда ребята разбегались по домам, пёсик понуро брел на остановку маршрутки. Вместе с другими пассажирами садился в машину, занимал заднюю скамейку и смотрел в окно.

– Водитель! Собака зайцем едет!

– Развели псин, даже в общественном транспорте некуда деться, гоните собаку!

– Пса не обижать! – раздался голос водителя, – он же хозяина разыскивает! Друг верный!

Орик не знал, что шофер маршрутки взял над ним «шефство», и теперь он, хотя бы на время поездки, находится в полной безопасности.

Опасаясь проехать нужную остановку, пёс подходит к кабине водителя, становится на задние лапы, внимательно смотрит вперед.

– Боишься заблудиться? Тебе, вроде, здесь! Выходи!

Пёс благодарно вильнул хвостом, выскочил.

– Приходи ещё – покатаю!

С тех пор каждое утро Орик неизменно ждал маршрутку на остановке, садился в машину дяди Миши, и, удивляя пассажиров, разъезжал по городу, внимательно разглядывал все, происходящее за окном. Вечером, с благодарностью уминал лакомый кусок, приготовленный заботливым шофером на ужин.

– Взял бы тебя домой, – дядя Миша гладил Орика по спине, – да не могу – жена собак не любит... видать, ты верный друг. Счастлив, должно быть, человек, у которого такая собака.

– Колбаску-то куда понес, Жорик!? – но пёс уже бежал к друзьям, на ночлег, под теплый бок овчарки.

Зима в тот год была суровой. В убежище под павильоном, прижавшиеся друг к другу хвостатые друзья согревались, спасаясь от жестоких морозов и сквозного ветра. Порой морозы бывали настолько сильными, что не хотелось вылезать на улицу. Зарывшись носом в шерстяной бок друга, пёс чувствовал себя комфортно, как когда-то в далеком детстве.

Но голод побеждал, и Орик, поджимая мерзнущие лапки, спешил на остановку. Киоски в парке закрылись – старым собакам найти еду было нелегко, и он стал единственным источником пропитания для своих друзей, ведь его подкармливали все – водитель, пассажиры, школьники...

Овчарка за зиму совсем сдала: шерсть висела клочьями, глаза гноились. Она с нетерпением ждала прихода весны: вылезет травка – витамины и лекарство, можно будет подлечиться и прожить ещё хотя бы лето.

А когда вокруг зазеленело и запели птицы, старушка выползала на солнце, прогреть старые косточки. Скоро в парке откроются киоски, и безлапый сможет находить в помойках остатки мяса.

Вот и пережили зиму!

Прошло девять месяцев, как Алла начала искать Орика.

Однажды, решив навестить щенка в новой семье, она с ужасом узнала – малыш «потерян»... И хозяева даже не думают его искать.

Плакаты с приметами собаки девушка разместила в газетах, расклеила на столбах, в зоомагазинах, и даже остановках транспорта. Но поиски результата не дали – надежда найти Орика постепенно слабела.

Надвигались холода. Сможет ли пережить домашний когда-то пёс суровую зиму?

Уберегут ли его её молитвы от равнодушия и человеческой жестокости?

А когда уже казалось, что пёс потерян навсегда, увидела фотографию в газете и заметку: «Сегодня такой пассажир катался на 123-м маршруте!

Ехала сегодня в маршрутке с улицы Композиторов до Озерков. На улице Асафьева залезает этот пассажир. С деловым видом выбрал себе место и совершенно без зазрения совести или доли смущения доехал до Озерков и там вышел».

На фото был Орик, сомнений не было. Алла тут же выехала на поиски.

Водители маршрутных такси посоветовали ей обратиться к дяде Мише, но вести его оказались неутешительными – Орик не появлялся несколько дней...

– Не нравится мне этот пёс, все время здесь вертится. Укусит кого из детей, а нам отвечать! – жаловалась директору школы учительница, так невзлюбившая Орика, – надо бы отлов вызвать!

Близились майские праздники, и для муниципальных властей они всегда были поводом для «зачистки» города от бродячих животных. Уже в начале апреля началась традиционная жестокая и кровавая бойня.

В тот вечер, как всегда, с куском булки в зубах, Орик возвращался в парк, к друзьям. Не доходя убежища, почуял неладное – тишина, собак не слышно. Друзей под павильоном не оказалось, зато везде – на земле, асфальте, траве, пятна свежей крови... Её запах привел пса к дороге – здесь тела собак погрузили в машину, далее лишь следы колес...

Воздух пропитан страданием и болью. Надо бежать отсюда – убийцы могут вернуться!

Несколько дней Орик прятался на территории заброшенной базы.

И не мог свыкнуться с мыслью: никогда более не увидит он, как радуется старая овчарка теплому солнышку, никогда не убедит он калеку в том, что мир не так уж плох, а люди не все злые...

Не довелось встретить инвалиду доброго человека. Прожил жизнь в ужасе и принял смерть мученическую.

Нет существа, страшнее человека! Найти бы место, где нет их вообще...

А как же его первый хозяин, добрая девушка, дядя Миша? Дети, которые его так любили? Вот кто защитит его! Надо бежать к ним!

Алла сразу заметила припаркованный у школы светлый микроавтобус. Многие владельцы собак в Петербурге знали, какому страшному и безжалостному извергу принадлежит эта машина. А вот и он, рядом, высокий, костлявый живоде́р – символ ужаса и боли...

Неужели отлов вызван на Орика? Господи, спаси и сохрани малыша!

Садист всегда ездит с напарником, значит он где-то рядом, высматривает жертву...

– Жорик вернулся! – раздались детские возгласы.

– Жорик, иди к нам!

Навстречу бежал Орик, улыбался, вилял хвостом, сиял от счастья.

И вдруг, движение в кустах, ствол ружья и человек, прицелившейся в бегущую собаку...

– Малыш! Орик! Ко мне! – в отчаянии Алла бросилась наперерез – закрыть собой от ядовитого дротика!

Пёс развернулся, кинулся в объятия. Девушка! Его любимая! Не зря он так долго смотрел в окно!

– Тетя, это ваша собака? – окружили дети.

– Ребята! Жорик нашелся!!! – толпа школьников росла.

Крепко обхватив руками пса, Алла видела, как удалялся светлый фургон.

А Орик был счастлив: скулил, подпрыгивал, пытаясь облизать, расцеловать, обнять... Он знал, он чувствовал – здесь его спасение, ведь на свете добрых людей больше, чем злых!

P.S.

Орик наконец нашел свой постоянный дом: вместе с Аллой и Маней он и сейчас живет в Петербурге, и все так же любит смотреть в окно...

Ольга Черниенко. «Богом стать совсем не трудно!» (новогодняя сказка)

– Пред сказкой Рождественской ёлки я вечную свечку зажгу...

Про кролика, волка и мишку истории расскажу.

Волков разбежится стая и сгинет крысиный отряд...

Любовь верной Герды и Кая стряхнет королевский наряд,

Растает ледяная хламида, мрачный покров упадет,

Вылезет солнце из тучки и новое утро придёт!

– И новое утро придет, – повторил отец.

Борис Петрович сам сочинял стихи для своего семилетнего сына, которые, как ему казалось, должны были снять у ребёнка стресс.

– Ты знаешь, что будет утром, малыш? Я приду с работы, и мы вместе посмотрим, что подарил тебе Дед Мороз. – А подарки твои где?

Малыш махнул рукой в сторону полочки с игрушками, где лежали нераспечатанные праздничные коробки.

– С новым годом, сынок! Хочу пожелать тебе спокойной ночи!

Мальчик молча повернулся к стене и накрыл голову одеялом.

– Не бойся ничего, в комнате рядом – бабушка, и ёлка нарядная, огоньки гирлянды горят, красиво и светло...

Не дождавшись от сына ответа, Борис Петрович удрученно вздохнул. Пора ехать на работу.

– Я на дежурство в больницу, мам, с Новым Годом тебя!

– Опять бежишь из дома! И так каждый праздник... – вздохнула женщина.

– Дай Бог, будущий год принесет хоть какие-то изменения в нашей жизни.

До работы было недалеко, и Борис Петрович решил не торопиться, ехал не спеша – хотелось полюбоваться празднично украшенным городом.

Короткий зимний день уже сменился вечерними сумерками, крупные снежинки медленно кружились в воздухе, наполненном ароматом хвои, апельсинов, конфет, свежеспеченных пирожков.

– С Новым Годом! С Новым Счастьем! – приветствовали друг друга, спешащие в толпе, люди.

– С Новым Годом, С Новым счастьем! – повторяли огни праздничной иллюминации.

Казалось, весь город нетерпеливо ждал сказочного, волшебного чуда. «Чуда не будет!», – вспомнил он приговор психиатра. – «Сожалею, но ваш малыш серьезно болен... аутизм!»

Его сын рос замкнутым, нелюдимым, почти не разговаривал. Игры со сверстниками не только не привлекали ребёнка, но даже вызывали ужас и приступы истерики. Большую часть времени он проводил в своей комнате, сидел на кровати, зажав уши ладонями, и раскачивался в такт своей собственной внутренней музыки.

Отец всеми способами пытался вывести ребёнка из замкнутого внутреннего мира: покупал развивающие игры, читал добрые сказки, сочинял для него стихи... Мальчик подарки не разворачивал, молча ставил коробочки на полку для игрушек, и более не прикасался к ним никогда.

Молодая жена Бориса Петровича ушла из семьи сразу, как только доктора поставили неутешительный диагноз их ребёнку.

По её мнению, виновным в болезни сына был муж: «Ты неудачник, ни денег, ни карьеры нормальной, НИЧТОЖЕСТВО, ребёнок твой урод! Вот и живи с ним! А я ещё здоровых детей кому-нибудь рожу!»

Эти фразы, как суровый приговор, ещё долго звучали в голове – хотелось, как сын, зажать уши ладонями, и от полного бессилия биться головой о стенку...

Все праздники, спасаясь от одиночества, он старался проводить в больнице. Семья развалилась, и если бы не мать Бориса Петровича, жизнь была бы полной катастрофой.

«Мама... добрая, милая, все тяготы жизни переносишь молча. Как же ты мечтала о внуках, и так не повезло нам!»

Он вспомнил, как она любила возиться с цветами на даче, кормила зимой птичек на подоконнике, обожала кошек. Когда-то у неё был большой и очень любимый черный кот – Уголёк. Вопреки всеобщему мнению, его мама считала – черные кошки, как и все животные, приносят в дом только счастье...

До здания клиники оставалось всего сотня метров, когда неожиданно, наперерез, прямо под колёса машины бросилась кошка. Что за наваждение? Это была черная кошка!!!

– Неужели задавил? Только этого несчастья не хватает в Новый Год!

Но кошка, как оказалось, не пострадала. Она прыгнула на капот и, сверкая в темноте ярко-оранжевыми глазищами, громко, призывно замыкала, явно приглашая человека пойти за собой. Словно под гипнозом, доктор вышел из машины и двинулся за животным. Кошка остановилась у снежного бугорка, в метре от дороги, жалобно заплакала, потом подбежала к человеку и стала тереться о его ноги. Под небольшим слоем снега проглядывал чей-то силуэт. Собака!

– Кош, ты меня к другу своему привела? Пёс-то ещё живой! Может, успею спасти? Надо спешить!

А за три часа до этого...

Крупные хлопья снежинок, словно волшебные феи-балерины на фоне бархатного занавеса вечерних сумерек медленно кружились в такт дивной мелодии Беллини «Casta Diva». Сильный, чистый голос великой певицы доносился из квартиры на первом этаже, где совсем недавно жила бывшая театральная актриса, страстно любившая оперную музыку и своих животных – большого рыжего пса, похожего на лабрадора, по кличке Шаляпин, и маленькую изящную черную кошечку – Машеньку, названную в честь любимой певицы – Марии Каллас.

Шаляпин носил своё имя заслуженно – обладал мощным громким басом, а когда хозяйка в порыве вдохновения, пыталась подпевать великой певице – голос её часто подводил, и тогда пёс, не выдерживая фальши, громко возмущенно выл. Женщина смеялась, трепала собаку по голове: «Ну, прости, мой строгий цензор... ты – действительно, Шаляпин!»

Месяц назад женщину увезла машина «скорой помощи». Домой она более не вернулась, а спустя три дня в квартиру пришли незнакомые люди и выставили бедных животных на улицу.

В подъезд дома, где они прожили вместе много лет, более не пустили, пёс и кошка страдали от голода и жестоких морозов. Особенно тяжело приходилось изнеженной домашней кошечке и, если бы не заботливое покровительство Шаляпина, Машенька давно бы замерзла или стала жертвой голодной стаи бездомных собак. Последние недели они провели рядом с мусорными контейнерами, куда новые хозяева квартиры вынесли вещи, ещё сохранившие запах их родного человека. Друзья не уходили в надежде, что хозяйка всё же вернется и заберет с собой в другую, новую жизнь...

Услышав хорошо знакомую мелодию, Шаляпин и Машка в нетерпении уселись под окном своего бывшего дома – вот сейчас, в кульминационный момент, голос хозяйки, как всегда, подхватит мелодию, и тогда пёс ей ответит, залает: «Мы здесь, не уходили никуда, мы ждали и любили!»

– Да выключи же ты эту занудную лабуду – давно пора выбросить диски покойницы! Свои есть! – раздался мужской голос. Великая музыка неожиданно резко прервалась и под грохот пляшущих каблучков ужасом взорвалось:

«Ты такая страшная, страшная, страшная... не накрашенная!!! НЕ- НА-КРА-ШЕН-НА-ЯЯЯЯ!!!».

В ответ на это безобразие по всей улице громко разнесся возмущенный вой Шалапина.

– Проклятая псина! Ну, сейчас я тебя достану! – отворилась форточка и через секунду под ногами собаки начали взрываться петарды. Пёс с душераздирающим воем бросился бежать, выскочил на проезжую часть, удар грузовика отбросил его на обочину... Закружилась голова, Шалапин стремительно понесся вверх над домами, мимо окон празднично убранных квартир, выше крыш многоэтажек, над облаками, к звездам...

Яркий свет озарил божественной красоты лес с хрустальными вершинами деревьев, где в серебристой траве прятались грибы-гномы, а под ослепительными лучами солнца порхали хрупкие эльфы...

– Куда это я попал? – удивился Шалапин.

– На Радугу, на Радугу! – зазвенели хрустальные голоса. И вдруг вокруг него закружились собаки, щенки, кошки, котят:

– На Радугу! На Радугу! Все мы покинули тот мир – страха, боли, жестокости и злобы... здесь нет страдания и нет смерти, мы – счастливы, и ты теперь будешь счастливым вместе с нами!

– Но это же не правда, счастливым можно быть только рядом с любимым человеком! – ответил пёс.

И вдруг волна нежности обволокла собаку:

– Милый друг, мой! Вот, и встретились! – это хозяйка поцеловала Шалапина в нос.

Пёс крепко прижался к её ногам, слёзы текли по собачьей морде.

– Мы тебя так долго ждали! Узнали, насколько жесток мир, как много страданий и горя! А здесь – солнце, счастье и любовь! Теперь вместе и навсегда?

– Милый Шалапин, к сожалению, мы вынуждены на время расстаться... Тебе ещё рано покидать тот мир. Ты должен выполнить свой долг!

– Но я не хочу возвращаться туда, где много злобы!

– Все собаки – ангелы, посланные на Землю! Большинство людей мечтают о счастье – богатстве, известности, деньгах, карьере, – но всё это лишь обман, тлен, быстро проходящая иллюзия. Ты же призван оберегать, защищать человека, и, самое главное, доказать, что истинная ценность в этом мире – бескорыстная преданность и вечная любовь! И чем больше людей узнают эту любовь, тем меньше будет злых, жестоких и несчастных. Вернешься сюда, когда миссия твоя будет закончена!

Пора, мой друг, тебя уже ждут!

Операцию Борис Петрович провел успешно: кровотечение остановил, раны почистил, наложил швы – переломов у собаки, к счастью, не оказалось.

Остаток ночи забинтованный Шалапин пролежал в ординаторской, а утром, Борис Петрович отвез животных к себе домой.

– Мам, я посплю немного, устал после дежурства, накорми, пожалуйста, кошку!

– Господи! Откуда это чудо? Какая красавица! У меня такая была когда-то... И собака? Ты уверен? Малышу не повредит?

Шалапина уложили на диван – пёс ещё не приходил в сознание после наркоза. Борис Петрович долго стоял над беднягой – ночью он даже не успел его как следует разглядеть. И только сейчас понял, насколько красив и статен пёс. Мощные лапы, широкая грудь, рыжая шевелюра. Когда-то в детстве ему очень хотелось иметь собаку. Вот и сейчас он думал о том, что с удо-

вольствием оставил бы пса себе, но, видимо, придется искать бедняге новый дом – неизвестно, как его присутствие подействует на психику больного ребёнка.

Пока Борис Петрович осматривал пса, дверь тихонько отворилась, и в комнату вошел мальчик. Увидев Шаляпина, решительно подошел к дивану, протянул руку, погладил его рыжую шевелюру, затем опустился на колени, и, обняв пса, сбивчиво, скороговоркой зашептал:

– Я так ждал тебя, так ждал! Теперь вместе! И нечего бояться!

Борис Петрович изумленно смотрел на сына. Рядом с большим, крупным псом мальчик казался совсем маленьким, хрупким и беззащитным.

– Что ты шепчешь, милый?

– Я просил Деда Мороза прислать мне настоящего друга, но он присылал только эти коробочки, – ребёнок кивнул на полку с не распакованными подарками.

– Вчера бабушка сказала: «Помоги ему, Бог!», и я тоже... попросил Бога мне помочь. А утром здесь появился он – мой друг! – мальчик умолк, и, словно неожиданно узнавший великую истину, воскликнул:

– Значит, БОГ – это ты, папа? – малыш крепко прижался к собаке. Шаляпин приоткрыл глаз, осторожно лизнул ребёнка в щеку.

Вечером, Борис Петрович долго смотрел на сына, самостоятельно устроившего себе постель рядом с диванчиком больного пса, на мать, дремлющую в кресле с кошкой на коленях, и думал о том, что Богом стать не так уж трудно – просто открыть свою душу навстречу добру, любви, милосердию, и тогда любое чудо в этом мире возможно!

Ольга Черниенко. «С любовью ко всему живому»

Жил на свете Человек. Одни называли его святым, другие отшельником и чудаком, третьи просто крутили пальцем у виска...

Каждое утро к подъезду его дома на Арбате прилетала большая стая голубей.

И бежали навстречу бездомные собаки, радостно виляя хвостиками, и бомжи, коими богата была Москва в девяностые, поджидали в сторонке, стараясь не остаться незамеченными очень скромным и неприметным пожилым человеком в потертой куртке, кепке, почти надвинутой на глаза...

Не любил, когда его узнавали!

И для каждого находилось у него не только доброе слово, но и угощение: птицам – пшено, собакам – колбаска и косточки, бомжам – хлеб, сосиски, мелкие деньги...

Впрочем, люди ценили не столько дары, сколько искреннюю заботу знаменитого артиста о тех, кто пал на самое «дно» в силу жизненных обстоятельств:

Ибо побеседовать о жизни, пожать руку великому человеку, вновь почувствовать себя уважаемыми – дорогого стоит...

«Идите с миром», – отвечал им на слова благодарности.

Сам же шел кормить бомжей четвероногих – бывших «друзей человека», от которых массово избавлялись россияне, ставшие внезапно нищими после грабительских экономических реформ девяностых.

Сколько породистых и метисов, лохматых и короткошерстных, маленьких и больших было обречено на холодную и голодную смерть, если, конечно, «повезет» им избежать лап живодеров!

И он выбрал для себя миссию – помогать этим несчастным, брошенным созданиям, хотя сам едва сводил концы с концами: жил на мизерную пенсию в маленькой квартирке, с кухней в четыре квадратных метра, куда и друзей было неловко пригласить...

Черно-белый телевизор, неработающий душ и кран холодной воды, вместо занавесок на окнах – мешки из-под сахара... комнаты, нуждающиеся в ремонте... и больная, лежащая жена.

«Почему только вы ходите, а где ваша супруга?» – спрашивали местные продавцы.

«Да вот, шляпу подходящую в гардеробе не нашла» – отшучивался, покупая лапшу «Доширак» для себя и пшено – для голубей...

Мясные обрезки и косточки для животных ему оставляли продавцы соседнего Смоленского гастронома.

Он же мясо не потреблял – был вегетарианцем, занимался йогой, врачей не посещал – даже карточки медицинской не имел в поликлинике. Возможно, именно поэтому дожил до преклонного возраста без хронических болячек.

На девятом десятке изношенный организм уже давал о себе знать...

Это удручало, впрочем, как и все, происходившее в России в девяностые. «Новую эпоху» – криминального разграбления страны – не мог принять и приспособиться...

Но в любую погоду – дождь, снег, мороз и гололед, несмотря на настроение и сердечные боли, он находил в себе силы встать с постели, чтобы идти к тем, кто нуждался в его заботе, любви, ласке.

«Я должен кормить голубей» – твердил сам себе каждое утро.

Птицы садились на плечи, голову, клевали корм с ладони, собаки жались к ногам, ласкались.

И чувствовал он, как необходим этим беззащитным созданиям в мире холодном, равнодушном, жестоким...

Птицы и собаки следовали за ним повсюду, так же, как в далекие времена животные сопровождали православных святых – Сергия Радонежского, Серафима Саровского, Евфросинию Вяземскую...

И бродил он с этой свитой по арбатским дворикам, кормил собак, кошек. Беспризорных котят, щенков относил в зоомагазин, где затем их бесплатно отдавали в добрые руки.

Страстную любовь к животным, природе, пронес через всю жизнь, с тех детских лет, когда его – болезненного ребёнка – мать устроила в школу, располагавшуюся в заповеднике.

Застенчивый, погруженный в себя, мальчик часами гулял в лесу, подружился с птицами, насекомыми и даже деревьями. Беседовал с ними, нежно разглаживал пожухшие листочки, физически ощущая страдания срубленных, случайно покалеченных, варварски поломанных...

Лес воспринимал как огромное чудо, как храм, и боялся причинить вред любому, даже муравью...

Вот ползет невесомая букашка по ладони, едва касаясь лапками, нежно щекочет кожу: хрупкие ножки, ломкие крылышки, изящное тельце – ювелирная работа божественного мастера!

А может быть, и люди для кого-то там, наверху, всего лишь ничтожные насекомые?

Даже став взрослым, никогда не убивал он тараканов, мух, пауков, потому что все живое создано самим Творцом, и человек не вправе уничтожать его творения.

Как-то зимой, в жестокий мороз, он заметил на люке теплоцентрали умирающего пса.

«Надо взять собачку, а то за ночь замерзнет» – и восьмидесятилетний человек поднял несчастного, отнес домой...

Так в квартире поселился Мальчик – обычный «дворик», с вылезшей шерстью, выпирающими под кожей ребрами, злобный и недоверчивый...

Но, если есть в человеческом сердце настоящая любовь – любую дворнягу можно отогреть. Пёс поправился, оброс шелковистой шкуркой, стал лучшим другом своему спасителю. И, когда они в обнимку отдыхали на диване, на телефонные звонки отвечала супруга:

«Не тревожьте Гошу, на нем спит собака. Он очень боится её побеспокоить. Она же дворняга. Столько перенесла. Пусть поспит...»

Бывало, Мальчик занимал диван раньше хозяина, и приходилось тому укладываться рядом – на полу...

«Собаки – они как лекарство: лечат, спасают людей, укрепляют нервную систему. После восьмидесяти всем надо иметь собаку. Она спасёт вас, поможет с режимом дня лучше всяких докторов» – советовал он друзьям, и мечтал о том, чтобы все люди подкармливали животных! Человек должен жить в доброте и любви к живым существам, иначе он даже не животное по Дарвину, а резиновый манекен, набитый трухой под названием внутренние органы.

Кроме Мальчика, в семье жили два попугая и, спасенная из лужи, божья коровка.

Благодаря неустанной заботе, ей выпало счастье прожить на свете целых ТРИ года, вопреки двухлетнему жизненному сроку в природе.

Одного из попугаев нарекли Борисом – он был куплен в день, когда президентом страны стал Ельцин. Попугай умел говорить, и часто, с интонациями супруги хозяина, кричал в след: «Что ты всё бегаешь? Пойди, поспи!»

По вечерам Человек выходил на балкон, рассматривал в телескоп звездное небо, и верный Мальчик ложился у ног, согревая своим теплом.

Как же манили далекие галактики, инопланетные цивилизации!

Но, – беседовал он с собакой, – человечество слишком агрессивно, не захотят инопланетяне с нами общаться, вряд ли мы будем приняты во вселенское высокоразвитое созидательное братство...

Вся история человечества – бесконечные войны, разрушения, насилие, горе и слёзы народные. Наши технические достижения направлены не на благо человечества – на уничтожение друг друга. И, с техническим прогрессом, деградирует человеческая мораль...

Где гарантия, что новые знания не будут повернуты против соседей по галактике?

Возможно, пройдет не одно столетие, прежде чем люди поймут, зачем они на Земле...

И, прежде чем рваться к звездам, стоило бы навести порядок в собственном доме, где столько нуждающихся, больных, неимущих, а для этого нужно всего лишь жить по законам ЛЮБВИ!

Именно этой любовью – к жене, дочери, собаке... любовью ко всему живому он и жил, и был счастлив, хоть пенсии не хватало, и сантехнику починить было не на что, и жена тяжело болела, и дочь – художница, скульптор, мало зарабатывала.

От предлагаемой материальной помощи всегда отказывался: «другим сейчас тяжелее... есть люди беднее. Я же могу жить и в бочке, как Диоген».

Ни деньги, ни машины, ни дорогая обстановка – ничто материальное не интересовало – любил лишь страстно книги, заполонившие всю квартиру.

Пифагор, Сократ, Гомер, Овидий, Гораций, Петрарка...

Как же созвучны были их взгляды его собственным мыслям, миропониманию! Ведь ещё две тысячи лет назад любимый поэт Овидий писал:

Бросьте силки и капканы! Не трогайте птишек небесных;

Уст человеческих кровью созданий живых не скверните;

Смертные – смертных шадите!

Часто поступали приглашения принять участие в спектаклях-юморинах в Театре киноактера. Несмотря на плохое самочувствие всегда соглашался, шутил, что зарабатывает на корм бездомным животным.

Вот и 6 сентября 2001 года, когда за два часа до начала спектакля, его попросили заменить заболевшего артиста – согласился...

В тот день чувствовал себя неважно, болело, щемило сердце, и поэтому попросил, чтобы его выступление было первым. Перед отъездом в театр вышел прогуляться вместе с дочерью и Мальчиком. Голова кружилась, ноги подкашивались, но ему страстно хотелось пройтись по любимому Арбату, попрощаться с друзьями – птицами, собаками, поскольку было предчувствие: видит их в последний раз...

Сердечный приступ случился прямо на сцене – «скорая» отвезла в больницу, где ещё полтора месяца врачи боролись за его жизнь. Он умер 22 октября 2001 года...

Знаменитого актера и великого Человека в последний путь провожали не только люди – бездомные собаки тянулись за гробом, в небе кружили птицы...

Год спустя на его могиле, на Ваганьковском кладбище, был установлен созданный на народные средства памятник с очень скромной надписью:

ГЕОРГИЙ ВИЦИН

1917 – 2001

Жил на свете Человек. Одни называли его святым, другие отшельником и чудаком, третьи просто крутили пальцем у виска, но вместе с ним ушел навсегда целый мир, с его героями, юмором, традициями.

P.S. Прошло полтора десятка лет...

Многое изменилось с тех пор. Далеко шагнул технический прогресс. И уж не в диковинку, как в девяностые, компьютеры, интернет, сотовые телефоны, и обладателем автомобиля может стать любой желающий.

Но страна наша на грани нравственной катастрофы.

Никогда ранее так преступно не возвещалась непристойность, разнузданность, обнаженность пороков, никогда не нагнали так взяточники, мошенники и казнокрады, никогда не тащили, расхищали, и обогащались в столь чудовищных масштабах.

И нет в сердцах сострадания, доброты ни к бедным, ни к «братьям нашим меньшим».

Каждый день приходят страшные вести о дикой жестокости, чудовищных расправах с животными, творимых существами, которых и людьми назвать язык не повернется.

Милосердие же возводится в разряд преступления: в России штрафуют людей, подкармливающих животных!

Где наша многовековая культура, нравственность? Где православные традиции и заповеди святых старцев – Сергия Радонежского, Серафима Саровского, призывавших делиться последним куском и со зверем голодным, и с человеком нуждающимся?

Вместо проповедей, доносящих слово Божье о животных, телевидение и прочие СМИ стряпают негативные передачи о бездомных, и людей сострадающих нарекли цинично – «зоошиза».

Убийство провозглашено добродетелью: догхантеры – живодеры и садисты, ныне в почете!

И толпа алчет крови – убивать, убивать, убивать!

Льются злоба и ненависть с голубого экрана – новоявленный лжепророк сзывает рать сатанинскую на последнюю битву меж злом и добром! И все же хочется верить, что не перевелись на земле русской люди милосердные, что доброта и любовь всегда победят зло!

Ольга Черниенко. «Когда мы увидимся в вечности...» (сказка)

– Давно это было, много веков прошло.

С тех пор, как заселил Бог Землю, бьется он с Дьяволом за сердца человеческие, за любовь, добро, милосердие, – мама-кошка свернулась клубком, укрыла котят пушистым хвостом, и продолжила сказку:

– И послал Бог на помощь ангелам своим собак из созвездия Гончих Псов, да кошек с Сириуса – представителей древнейших цивилизаций, давно живущих по законам Любви, где нет места ненависти, злобе, зависти. Где невозможна ложь, фальшь, обман и мошенничество – ведь мы общаемся на уровне чувств, и мир наш идеален, как идеален, может быть, лишь сам Создатель...

Мелодичный голос мамы убаюкивает: грезится котяткам бесконечное пространство Космоса, мириады звезд, неведомые галактики...

И вот уже бегут навстречу Гончие Псы, и сияет, притягивает к себе самая яркая звезда ночного неба – Сириус, родной дом – так поет мама в колыбельной, наполненной блаженством небес.

– На нас возложена великая миссия – спасти Землю от темных сущностей, стремящихся овладеть людскими душами. Мы – тайные агенты Высших сил – чувствуем, слышим то, что недоступно уху и разуму человеческому. Словно камеры видеонаблюдения, собираем, анализируем, передаем информацию «наверх».

Вот уже тысячи лет кошки и собаки наполняют души человеческие любовью, нежностью, лечат и защищают от опасности...

Люди всегда были благодарны животным – в честь нас возводили города и храмы, нам поклонялись, обожествляли! Убийство кошек, собак каралось смертной казнью!

Но зло не дремлет, и, с помощью своего оружия – ненависти, жестокости, стяжательства, ненасытного стремления к обогащению – убивает в людях доброту, милосердие и любовь.

Нечисть, овладевшая человеческими оболочками, стремится уничтожить и нас – «немых» свидетелей их преступлений.

Но тьма овладела не всеми! Много на свете добрых, сильных своею любовью людей, но есть и очень слабые, нерешительные – им всем предназначил Бог ангела-хранителя в облике кошки или собаки. И задача каждого из вас, дети мои, найти своего человека!

Лето – лучшая пора для бездомных!

Тепло, сытно: мышки, кроты, мухи, комары, бабочки...

А ещё – зелёная травка и солнце!

Но всё хорошее быстро заканчивается: ушла на ночную охоту мама-кошка, да так и не вернулась.

Наступила осень с дождями, холодными ветрами, насквозь пронизывающими мокрую шкурку.

И уже не спасает привычное убежище – старая коробка на помойке, и при первых же заморозках можно намертво примёрзнуть к мокрому картону.

А когда застынет вода в лужах, и в подвалах замуруют вентиляционные продухи, совсем плохо станет бездомным.

Часто, с тоской, кошечка поглядывала на небосвод – где та яркая звезда, про которую рассказывала мама? Там, наверное, светло, тепло, и в помойках много еды...

Но тяжелые, мрачные тучи носились по свинцовому небу, звезд не было видно, и чувствовала себя кошечка на этой планете бесконечно одинокой.

Наступал ещё один день, скучный, однообразный.

– Скажи мне, Бог, зачем я в этом мире? – спросила киска, и тут же увидела, как тяжело переставляя ноги, пошатываясь и спотыкаясь, движется в её сторону женщина. Она явно страдала от похмелья.

– Это и есть тот человек, о котором говорила мама? Ей нужна моя помощь! – кошка, сочувственно мяукая, бросилась в ноги страдальцы. Неожиданно, женщина отозвалась – нагнулась, погладила:

– Замерзла, киска? И мне не хорошо – холодно! Пойдем со мной! Вдвоем будет теплее.

Хозяйка оказалась растерянной, неуверенной в себе, одинокой женщиной. Часто потребляла дурно пахнущую жидкость, орала песни неприятным, пронзительным голосом, наутро жестоко страдала от похмелья. Кошка нежно прижималась к её больной голове – мурчала лечебные заклинания, и тогда успокаивалось трепещущее человеческое сердце, и разрывались невидимые обручи, стягивающие голову пронзительной болью, и дрожь покидала конечности.

– Ты – самая красивая, замечательная на свете! Я – люблю тебя! – мурлыкала кошка часами.

С тех пор женщину с нетерпением ожидала дома уютная, мохнатая Любовь.

И она повеселела, похорошела, всё чаще после работы возвращалась трезвой.

А потом влюбилась – в доме появился «добрый молодец» – высокий, толстый, шумный.

Хозяином прогулялся по комнате, грубо спихнул кошку с дивана:

– На хрена она нам? Грязи много... и самим жрать нечего!

– Мало ест, и головные боли снимает, – робко пыталась вступить хозяйка за хвостатую подружку.

– Ну, раз головные... пусть живет, пока! Но, чтобы перед глазами не маячила!

Вместе с появлением нового хозяина в доме возобновились попойки.

Опасаясь пьяного гнева, кошка пряталась под диван, в пыльную коробку из-под обуви.

Хозяйка все менее обращала на неё внимания, и киска скучала по ласке, общению, а с недавних пор, у неё появилось тоскливое предчувствие неотвратимо надвигающейся трагедии.

И когда раздался первый взрыв, кошка пулей влетела под диван. Чуткие уши ломило от непрекращающейся стрельбы, свиста, грохота. Люди же радовались шуму, кричали:

– С Новым Годом! С новым счастьем!

Вопли и стрельба не прекращались всю ночь. Лишь когда хозяин, утомленный праздничным пиршеством, уснул богатырским сном, мир, наконец, вернулся в этот дом. Хозяйка, уронив голову на стол, уснула, бросив тлеющую сигарету на скатерть. Комната быстро наполнилась дымом...

– Пожар! – с пронзительным воплем, пытаясь разбудить, животное вцепилась в волосы хозяина, глубоко царапнула когтем щеку. Пьяный, взыв от боли, очухался, и кашляя, ругаясь, вышвырнул кошку в открытую форточку.

А огонь, между тем, уже лизал диван...

Приземлившись в мягкий в сугроб, кошка сразу попыталась вернуться в подъезд – спасти непутевых хозяев. Но уже подъехала пожарная машина, и спасатели разворачивали рукава шлангов – тянули их по лестничной клетке, и редела сирена скорой помощи...

Несколько недель кошка провела у подъезда – ждала: вернутся хозяева из больницы, заберут домой. Соседка, скармливая ей объедки, сочувственно вздыхала:

– Ждешь? Не вернуться они – новую квартиру получили, про тебя давно забыли!

А кошка не могла поверить в предательство – хозяйка была единственным человеком на свете, которого она беззаветно любила. Несколько раз она пыталась прорываться к своей квартире, но... её грубо, за шкуру, вышвыривали вон.

И кошка вернулась на помойку. Там, среди груды мусора, она встретила нового друга – щенка, выброшенного за ненадобностью – неудачного «новогоднего подарка». Малыш голодал, плакал, скулил от холода. Он был трогательно лопоух, и на его тоненькой шейке грязной тряпкой болтался когда-то роскошный подарочный бант. Теперь, возвращаясь с охоты на грызунов, киска делила добычу со своим новым другом.

Февраль в том году был морозным. Обнимая лапками, укрывая хвостом, как когда-то делала мама, кошка пыталась согреть несчастного песика.

Тесно прижавшись друг к другу, они проводили вместе длинные, холодные ночи. Глядя в чистое, морозное небо, кошка пела малышу колыбельные о его родном доме, где-то там, в созвездии Гончих Псов...

Однажды, когда мороз был особенно сильным, а звезды необыкновенно яркими, блестящими, раздался хрустальный звон колокольчиков – прилетела с небес карета в упряжке гончих собак:

– Где наш малыш? покатаем!

Щенок весело прыгнул в повозку, махнул на прощание хвостиком: я буду помнить тебя! – и унесся на небо, к сверкающим звездам, навстречу Вечности.

Застывшее тело малыша кошечка обнаружила утром, проснувшись – снежинки на его ресницах уже давно не таяли...

Наступившая в мае жара и отсутствие воды изматывали. Кошка перебралась на автостоянку: здесь можно было после мойки машин лизать мокрый асфальт, прятаться под днищами.

Но ей прищемили дверцей хвост, и, несмотря на отчаянные вопли пострадавшей, злобно отшвырнули ногой. Стало совсем плохо: ни еды, ни воды, и гниющие, травмированные хвостовые позвонки...

Кошка жалобно заглядывала людям в глаза, но не находила в них сострадания. Каменные, пустые, темные души – нежить...

Быть может, тьма окончательно завоевала этот мир? Быть может, Бог и Ангелы давно покинули Землю? Тогда зачем страдаем, мучаемся здесь мы – их верные помощники? Бежать из проклятого мира!

– Киса! Кис! Кис! – маленькие пальчики накрошили перед её носом печенье.

– Хочешь, ещё? Возьми конфетку! – белокурая малышка была похожа на ангела, спустившегося с небес.

– Мам! Давай заберём кошку домой!

– Кошка грязная и больная! У неё лишай и блохи! Кыш! Кыш! – затопала ногами злая тетка, и потащила ребёнка прочь.

С каждым днем кошка всё больше слабела: болел позвоночник, слезились глаза, мучила лихорадка.

Совсем немного оставалось жить ей на этом свете, и кошка с покорностью ожидала конца...

Хлопнула дверца припарковавшегося автомобиля. Давешняя девочка, увидев кису, сделала шаг в её сторону.

И вдруг, перед глазами кошки возникло видение, как большой тяжелый джип, уже вырвавшийся со стоянки, не может затормозить, как заходится истеричным криком злая тетка, кровь на асфальте и малышка под колёсами, с нелепо раскинутыми руками, словно сломанная целлулоидная кукла...

Успею ли?

Собрав последние силы, кошка выскочила из убежища, и оттолкнувшись задними лапами, прыгнула...

От резкого удара в грудь, девочка шлепнулась на асфальт. Взвизгнули тормоза джипа.

Дальнейшего кошка уже не слышала. В голове звенело, словно небесные колокола, набатом отсчитывали последние минуты её пребывания на этом свете. Перед глазами стремительным хороводом кружились лица – побелевшей от испуга девочки, её матери, застывшее в немом крике, растерянное – водителя джипа...

Постепенно они становились все меньше – отдалялись.

И душа её, расправив крылья, птицей уносилась в небесную высь, оставив грязной тряпкой на асфальте, ставшую ненужной, земную оболочку.

А впереди уже сияла самая яркая на небе звезда – Сириус, и летели навстречу Гончие Псы, запряженные в колесницу, и малыш Щенок приветственно помахивал хвостиком.

– Прощай, жестокий мир! Здравствуй, дом родной!

– Хвост придется ампутировать! Гангрена началась! – словно сквозь вату вдруг услышала кошечка.

– Лечение будет длительным и дорогостоящим. Вы готовы понести расходы за лечение бездомного животного? – ветеринар вопросительно глядел на взволнованного мужчину.

– Она не просто бездомное животное! Она – маленькая героиня с огромным, добрым и любящим сердцем! Такое нельзя купить ни за какие деньги! – водитель джипа нежно гладил грязную шкурку кошечки. В его прикосновениях она почувствовала вдруг тепло и огромную, неведомую ранее, любовь – ту самую Любовь, ради которой рождаются все живые существа на Земле.

И она вернулась, выжила, чтобы прожить долго и счастливо рядом с человеком, нашедшим своего ангела-хранителя.

Задумайтесь, как часто вы встречаете на улицах несчастных, брошенных животных! А может, эти встречи не случайны? И Бог испытывает душу вашу, совесть? Ведь все наши поступки в этом мире, будут оцениваться в том – когда мы однажды увидимся в Вечности!

А может, помогая им, вы обретете счастье?

Марат Валеев. «Пушок»

Возвратившись однажды с работы, мы с женой обнаружили на лестничной площадке лохматого крупного кота дымчатой расцветки (мы его сразу окрестили Пушком). Кот жалобно мяукал, обратив к нам круглую желтоглазую физиономию, а его вертикально поднятый и пушистый как у лисы хвост нетерпеливо подрагивал. Бедное животное было явно голодным.

Дома у нас уже жили два кота, Митяй и Тема. Мы с женой переглянулись: ну да где двое, там и трое! Уж больно хорош был Пушок. Впустили его в дом, и он сразу же прошел на кухню, с достоинством и неспешно переставляя свои толстые лапы в необъятных «галифе».

И тут же в прихожей «нарисовались» хозяева квартиры: Тёмка сходу стал каким-то горбатым и взъерошенным и шел к Пушку боком с утробным мяуканьем. А Митяй, как более пожилой (по человеческим меркам ему было далеко за полста) и выдержанный кот, какое-то время молчал. Однако и у него жесткие усы стали торчком и глаза зажглись недобрым светом. Тем не менее, он не помешал Пушку поесть, наблюдая за ним из дверного проема на кухню. Тёмка же скоро вообще потерял всякий интерес к Пушку и взобрался спать на телевизор (излюбленное место его отдыха). А Митяй тщательно обнюхал Пушка и сел рядом с ним.

Мы решили, что лучше оставить их для дальнейшего знакомства и привыкания друг к другу наедине, и ушли в гостиную. Но уже через пару минут с кухни донеслись отчаянное шипенье, фыркание, нечеловеческий рев и стук катающихся по полу тел. Опытный драчун Митяй загнал Пушка в тесный закуток за холодильником, опрокинул его на спину и обмочил с ног до головы (есть у него такой подлый прием). Мы с трудом растащили их, неистово вопящих друг на друга, в разные стороны.

В тот вечер Митяй еще несколько раз покушался на Пушка – он находил его везде, куда мы ни пытались его спрятать, и снова с боевым и хриплым «мя-я-у!» бросался в драку. Ключья шерсти валялись по всей квартире, соседи стали стучать нам в стены. Перепуганный Темка вообще свалился за телевизор и весь вечер не вылезал оттуда. Даже на ужин не пришел. Наверное, до него только сейчас дошло, какому же он риску ежедневно подвергает себя, легкомысленно задирая Митяя.

Но Тёмка был свой, вырос на глазах у Митяя, а Пушок – чужой, и Митяй не хотел его принимать. С этим ничего нельзя было поделать. Поскольку ни к кому из соседей приبلудного кота устроить не удалось, пришлось увезти его на следующий день на работу.

В редакции газеты, где мы работаем, все женщины тут же влюбились в очаровательного Пушка. Он это понял и беспрепятственно гулял по всем столам, величественно раскачивая роскошным хвостом и бесцеремонно наступая своими толстыми мохнатыми лапами на клавиатуры компьютеров, бумаги. Его искупали. Вода стала черной, а Пушок как будто стал намного светлей и еще красивей.

Но надо было решать его дальнейшую судьбу. Решили поместить в газете его снимок и текст следующего содержания: «Отдадим в надежные руки или вернем хозяину». Отправили вместе с другими материалами на верстку в Красноярск, где печатается наша газета. История повторилась: и в Красноярском бюро газеты Пушок пришелся по душе всем женщинам (надо же, какой сердцеед оказался!), и они попросили его передать с кем-нибудь в город, что мы и сделали: с хорошим человеком отправили кота самолетом за 1000 километров в краевой центр.

Кот остался жить у одной из сотрудниц бюро. А нам потом сообщили: сизого Пушка отмыли в трех водах с разными шампунями, и он, в конце концов, оказался белоснежным ангорским котом...

Марат Валеев. «Светка и собаки»

Жена у меня маленькая, миниатюрная, можно сказать. И веса в ней было, когда мы только приехали жить в столицу Эвенкии Туру, около пятидесяти килограммов.

Буквально на второй или третий день она прибежала в редакцию окружной газеты, куда нас и пригласили работать, мокрая и вся в слезах. Оказалось, Светка шла себе по тротуару, когда мимо неспешно протрусил огромный лохматый кобель. Ему показалось, что женщина, хоть и маленькая, мешает ему пройти куда-то по его собачьим делам. И он взял и просто спихнул ее на обочину, полную после дождей грязной воды.

Кое-как успокоил жену. Тут же Север, говорил я ей, край охотничий, потому собак полно, и они чувствуют себя в поселке хозяевами, так что надо принимать это как данное.

Прошло несколько дней, и снова жена возвращается домой в расстроенных чувствах. И опять ее обидела собака. Светка купила в магазине несколько килограммов рубленой оленины, и несла ее домой в целлофановом пакете.

Пакет был не очень большой, и мясо торчало наружу. К Светке подошел какой-то лохматый рэкети́р, сказал ей негромко «Р-р-р!». Светка так и обмерла, и пес спокойно вытащил из пакета самый большой кусок мяса и также неспешно удалился.

Еще как-то другая собака прокусила ей подол дубленки.

Казалось бы – всё, Светка и туринские собаки – враги навек. Но наступила зима, грянули жестокие эвенкийские морозы (а они бывают там даже за 60), и бродячим собакам стало очень туго.

Светка однажды увидела, как дрожащие от холода псы буквально насмерть бьются на помойке за нашим домом за отбросы в мусорных ящиках, и сердце ее облилось кровью.

Она завела отдельную кастрюлю и стала варить и выносить во двор каждый день мясокостные супчики для собак, «прописанных» в нашем дворе (все дворы в Туре разделены между бродячими собаками).

С тех пор Светка обзавелась собственной гвардией – куда бы ни выходила со двора, ее сопровождали два-три пса, и уже никто другой не смел и тявкнуть в ее сторону...

Какая тут мораль? Да очень простая. Как ты к собакам, так и они к тебе.

Марат Валеев. «Пират и Лиска»

Пират был обычный, беспородный, но очень милый и добродушный черно-белый пес. Он исправно нес свою службу по охране общественного порядка и коллективной безопасности в нашей усадьбе, сидя на цепи у входа во двор. Хотя, что там и от кого было караулить – в деревне у нас всегда было спокойно, никто ничего друг у друга не таскал. Но вот полагалось иметь собаку на цепи, ну и держали. Так, на всякий случай.

То, что Пират обладает если не интеллектом, то определенной сообразительностью, я понял еще с той поры, когда увидел, как он подгребает к себе миску с варевом (мама специально для него готовила макаронные супы с мясными обрезками и мозговыми косточками).

Вот так она однажды наложила ему полную миску собачьего харча и тут же ушла дальше хлопотать по хозяйству. И не обратила внимания на то, что Пиратова цепь зацепилась за торчащий из будки гвоздь, и он никак не может дотянуться до своей плошки. Пират и так и этак, уже и язык у него с обильно капающей слюной чуть ли не по самой земле метет, а натянутая цепь никак не дает подобраться к исходящему аппетитным парком обеду. До миски оставалось сантиметров десять-пятнадцать, не больше.

Я уже было поспешил псу на помощь, но замер на месте при виде необычной картины: Пират снова до отказа натянул цепь, развернулся задом и, вытянув хвост, аккуратно подгреб им миску к себе под морду! Я не поверил своим глазам и снова вернул миску с макаронами на место. Пират даже взвыл от обиды, но тут же повторил манипуляцию с хвостом. Я захохотал на весь двор, и крепко взяв Пирата за уши, поцеловал его в мокрый нос. А когда он вылизал миску, принес ему добавки.

Как-то отец привез из степи изловленного им малюсенького корсачка – оставшегося по какой-то причине без мамкиной опеки рыжего степного лисенка с большими треугольными ушами. Он был совсем дикий, как-то по-особенному – сейчас бы сказали пикантно, – пах, часто ощерял мелкие и острые, как щильца, зубы и смешно тявкал, отпугивая от себя всех любопытствующих.

Но уже через неделю Лиска – так мы не особенно изобретательно называли корсачонка, – спокойно давал себя погладить, с удовольствием лакал молоко из миски и, что выглядело особенно странным, подружился с Пиратом. С другой стороны – что же тут странного, оба ведь были из семейства псовых.

Лиска первое время жил у нас дома в картонной коробке, а во дворе, куда мы с моим младшим братом выносили его поиграть, боязливо жался к нашим ногам, опасаясь всякой домашней живности. А вот в Пирате Лиска нашел родственную душу, и мы подолгу с удовольствием могли наблюдать, как корсачонок терзал пса за хвост, хватал его своими острыми зубками за морду, с фырчаньем топтался по его широкой спине. А Пират лишь блаженно шурился, да иногда для острастки мог гулко гавкнуть на заигравшегося лисенка и легонько потрепать его за холку. Что, впрочем, не умаляло пыл его маленького друга.

Всю зиму Лиска провел у нас в доме, заметно подрос за это время и казался ласковым и практически ручным зверьком. Но однажды в нем все-таки проснулся зверь. Ну, или звереныш. Мама подращивала дома, в специально обустроенной отцом загородке, несколько десятков высиденных курами-наседками совсем еще крохотных, все время пищущих цыплят. И Лиска, с любопытством посматривающий в сторону этой загородки, все-таки разглядел там «дичь». Пока кто-то из домашних опомнился, пока сумел поймать озверевшего Лиску за его шикарный хвост, в загородке остались лежать бездыханными несколько желтых комочков.

Что тут было! Мама плакала над цыплятами и требовала, чтобы корсачонок был безвозвратно изгнан не только из дома, но и вообще со двора, мы с братом тоже голосили, протестуя против такого жестокого решения. Но отец согласился не с нами, а с мамой, и пошел в кла-

довку за мешком, чтобы унести в нем Лиску в степь. Мы же с братом, очень полюбившие этого хитроглазого и веселого звереныша, едва ли не в ногах валялись у родителей, умоляя простить несмышленного корсачонка и оставить его в качестве если уж не домашнего, то хотя бы дворового животного.

И Лиску оставили – под нашу ответственность. Но мама сказала, чтобы в доме больше и духу его не было. В самом деле, острый дух исходил из Лискиной коробки всегда. А когда корсчанок подрос, это специфическое мускусное амбре стало особенно густым и уже перебивало все иные уютные домашние запахи.

И мы с братом построили для Лиски домик рядом с Пиратовой конурой. Нашли деревянный щелястый ящик и положили его на бок, а дверку в эту лисью избушку оборудовали на манер шлюзовой заслонки. То есть она открывалась не простым, всем известным манером, а ходила вверх-вниз между входом в ящик и двумя вертикально вбитыми в землю колышками. Чтобы выпустить Лиску погулять, надо было приподнять заслонку кверху. Понятное дело, что это обычно делали мы с братом. Дав друзьям позабавляться вволю и сами наигравшись с ними, мы водворяли Лиску обратно в его избушку и запирали вход дверцей-шлюзом.

Но однажды, выйдя рано утром во двор по известной надобности, я увидел, что Лиска уже на свободе и, радостно потягивая, вовсю кувыркается с Пиратом. При этом дверка его ящика была заперта. Я подумал, что это, может быть отец, собираясь на работу, пожалел Лиску и сам выпустил его погулять. Но когда отец приехал на обед, то сказал, что никого никуда не выпускал, будет он еще всякой ерундой заниматься!

На следующее утро я застал ту же картину: Лиска жизнерадостно таскает за хвост терпеливого Пирата, а будка его заперта. Но кто-то же выпускает корсачонка! Я внимательно осмотрел будку и заметил небольшой подкоп под дверцей снаружи. Черт, неужели Пират? Решил проверить. Затолкал возмущенно царапающегося и всем своим видом показывавшего, что, мол, еще рано, Ласку в его будку, опустил за ним дверцу-шлюз и носком башмака разровнял и утоптал подкоп. Сам отошел в сторонку и стал наблюдать.

Вскоре Лиска стал призывно потягивать из своей будки и к ней, гремя цепью, тут же подбежал Пират. Он быстро-быстро заскреб лапами под дверцей, проделал небольшой подкоп и, просунув в него нос, поддел им дверцу и приподнял кверху. В образовавшуюся щель тут же протиснулся хитромордый, как мне даже показалось – улыбающийся Лиска. Пират выдернул морду из-под дверцы, и она хлопнулась на место. Это был высший пилотаж – ничего подобного я еще не видел ни до, ни после. Ай да Пират, ай да шельма!

Лиска же вскоре стал совсем взрослым, нередко на нас рычал совсем уже по-звериному и не по-детски кусался; все чаще от его скверного нрава страдал и Пират, тем не менее, продолжавший беззаветно его любить.

Как-то Лиска хищно бросился на одну из бродящих по двору куриц, да не тут-то было – за суматошливо кудахчущую и беспорядочно хлопающую крыльями птицу заступился петух и так отделал наглого корсака, что тот со страху забился в Пиратову конуру и долго оттуда не вылезал. Но вскоре Лиска повторил попытку, и на это раз удачно. И хотя я в тот же день соорудил для вновь одичавшего корсака веревочную привязь, папа вынес из кладовки мешок и без слов бросил его к моим ногам. Понятно было, что дальше держать корсака, в котором проснулся охотник, было бессмысленно и опасно. И мы с братом, под завывания Пирата и его отважные попытки помешать нам, посадили Лиску в мешок, унесли его подальше в степь и выпустили там на волю.

Лиска недоуменно покрутился еще с пару минут около нас, и вдруг бросился куда-то в сторону. И мы с братом увидели сидящего метрах в тридцати, на небольшом холмике, еще одного корсака. Надо полагать, совсем дикого! Лиска подбежал к непонятно откуда взявшемуся собрату, они обнюхали друг друга и, став ноздря в ноздю и подруливая своими роскошными рыжими хвостами, неспешно потрусили вглубь степи. Обидно было, что Лиска при этом

даже ни разу на нас не оглянулся. Но мы простили ему это его «предательство», для нас главным было знать, что теперь-то уж Лиска не пропадет на необъятных степных просторах.

Пират же еще несколько дней повыл, оплакивая потерю своего друга, но затем успокоился...

Марат Валеев. «Серко»

Вижу иногда, как мимо нашего дома по тротуару верхом на лошади, негромко цокающей подковами, проезжает молоденькая наездница, лет, наверное, пятнадцати-шестнадцати. По тому, как она держится в седле, видно, что они давно уже единое целое – эта девчонка и пегая лошадка с вплетенными в гриву легкомысленными бантиками.

Откуда и зачем здесь лошадь, среди тесно, впритык стоящих друг к дружке десятиэтажных панельных и кирпичных домов, с закатанными в асфальт и бетон дворами? Могу только догадываться, что живет лошадка в каком-нибудь гараже, приспособленном под конюшню. А используется для катания горожан за небольшую плату – недалеко от нашего дома есть площадь, вот там лошадка, видимо, и трудится.

Вообще более трудолюбивой скотинки, чем лошадь, на земле нет. Вон даже в каменных джунглях ей дело нашлось. А в деревне на ней держалось (да кое-где и сегодня держится) если не все, то многое. И работать на лошадях сельские дети приучались с еще более раннего возраста, чем упомянутая мной девчонка. Что и понятно – лошадь не трактор, специального обучения не требует.

Я не могу наверняка сказать, когда впервые взял в руки бразды управления лошастью. Но рано, очень рано. А если быть точнее, то уже где-то лет в десять-двенадцать, когда отец счел возможным доверить мне это ответственное дело.

У отца моего определенной специальности не было, и потому он трудился на разных работах. Помню, что был он и сеяльщиком, и молотобойцем, кузнецом. Меня эта его, несомненно, полезная для общества трудовая деятельность никоим образом не касалась. И я рос себе потихоньку, бегал со своими сверстниками на рыбалку на Иртыш, купаться в теплых пойменных озерах.

Но к тому времени, когда отец ушел работать гуртоправом (а проще – коровьим пастухом), я уже заметно подрос, учился в местной восьмилетке, и он решил, что хватит мне без толку топтать пыльные сельские улицы и торчать с удочкой на берегу реки. Настала пора помогать и ему.

В принципе, все было правильно. Нас у родителей было уже трое сыновей, из коих я был старшим, и чтобы прокормить всех, обуль-одеть, отец с матерью тянули жилы не только в совхозе (там платили тогда очень мало), но и на собственном подворье.

Бате выделили лошадь, верхом на которой он пас совхозных коров. Эта же лошадь запрягалась им в телегу или сани при необходимости что-нибудь перевезти. И чаще – не по работе, а дома, на что руководство отделения смотрело сквозь пальцы. Если бы у тружеников села отобрали этот «бонус», трудно сказать, кто бы остался работать в совхозе с его вшивыми зарплатами в начале 60-х годов.

Отец сначала брал меня с собой в поездки за водой на Иртыш, за дровами в пойменные леса, а потом уже стал доверять и самому совершать эти поездки. Я, в свою очередь, брал с собой подросшего среднего братишку. И мы лихо гоняли в громыхающей телеге или в визжащих полозьями по снегу санях по сельским улицам и проселочным дорогам.

Кого-то, может быть, смутило бы такое незаурядное зрелище: едущий в несусветную жару на телеге пацан с озабоченным видом зачем-то ковыряется хворостинкой у лошади меж ног. И лошадь, а если быть точнее, жеребец, воспринимает это спокойно, и на его обычно бесстрастной морде как бы даже можно прочитать выражение благодарности. Еще бы – таким образом я сковыриваю и смахиваю палкой впившихся в конскую мошонку оводов и слепней.

Это у Серко (а дальше речь пойдет только о нем) самая нежная часть организма, кровососы причиняют ему нестерпимую боль. Конь крайне раздражен и гневно фыркает, пытается сам сбить их своим длинным и густым, как метла, хвостом или достать копытом, но у него

это плохо получается. Хвост то и дело со свистом пролетает рядом с моим лицом, а копыто бьет в передок телеги. Серко может взбеситься и понести, поэтому я и скovyрываю вампиров прямо по ходу езды.

Вспоминается также, как я однажды чуть не угодил под конские копыта. Это случилось уже в ту пору, когда отец доверял мне заменить его на пастбище на пару-тройку часов, когда он приезжал домой пообедать и немного отдохнуть.

Не сказать, чтобы я с большим удовольствием шел ему навстречу, потому что, откровенно говоря, и лошади побаивался (вы когда-нибудь видели вблизи это, без сомнения, красивое, но очень сильное, исключительно мускулистое животное с тяжелыми копытами на мощных ногах и двух-трехсантиметровыми зубами, прячущимися за бархатными губами?), и ковбоем быть совсем не хотел.

И я еще не забыл, как в прошлом году отца отвозили в районную больницу, зашивать большую рваную рану на предплечье. Это он повздорил с Серко, когда тот вдруг заупряился во время запрягания его в телегу и не хотел пятиться назад, хотя никогда ранее с этим проблем не было.

Отец взял и с досады треснул ему кулаком по морде. А Серко обиделся, и недолго думая, ухватил его своими зубищами, как собака, за руку, и еще помотал башкой... Рёву было тогда, ругани на весь двор! Батя пару недель потом отдыхал по больничному листу.

А когда снова вышел на работу, то хотел отказаться от Серко. И уже попросил было у конюха дяди Тимоши подобрать ему другого коня. Но когда Серко увидел отца, то подошел к краю загона у конюшни и радостно заржал, скаля те самые зубищи, которыми совсем недавно так здорово покусал его. Он явно приглашал хозяина помириться с ним и возобновить трудовые отношения. И батя растрогался и сказал дяде Тимоше, что никого другого ему не надо.

Ну, так вот, когда отец приехал пообедать домой на том самом Серко и попросил меня подменить его на пару часов (я знал, где обычно пасется табун, всего километрах в трех от деревни), я вздохнул и поплелся во двор.

Серко стоял в тени раскидистого клена, привязанный к изгороди палисадника, и лениво отмахивался хвостом от вездесущих паутов. Открыв входную калитку, я отвязал Серко и вскарабкался в седло, вставил ноги в стремяна, заранее подвязанные отцом повыше, потому что росточком я пока еще не вышел. И, сказав: «Н-но!», тронул бока коня пятками, и мы поехали со двора.

И хотя мал-то я был мал, но по селу должен был проехаться как заправский всадник – если на галопе, то хотя бы рысью. Вдруг меня увидит объект моих тайных воздыханий, одноклассница-красавица Любочка? Так пусть увидит осанистым и бравым, мчащимся во весь опор.

Я уже знал, как надо вести себя в седле при том или ином аллюре: при езде рысью, чтобы не отбить себе попу, особенно худую мальчишескую, надо, уловив ритм бега лошади и, приподняв на стремянах, слегка отрываться от седла и вновь опускаться в него, и все будет «тип-топ».

А при галопе, напротив, угнездиться в седле плотно, держась одной рукой за луку, и тогда будешь чувствовать себя как на мягко вздымающейся и опускающейся волне. В общем, как-то вот так мне это запомнилось (с тех-то пор я в седло больше и не садился).

Я пристукнул стремянами по бокам Серко, понуждая его ускорить ленивый шаг, и он перешел на рысь. И я, гордо не смотря по сторонам, поскакал по главной сельской улице, распугивая кур и оставляя за спиной облачка пыли, вздымаемой копытами жеребца.

Но далеко не уехал – седло вместе со мной вдруг сначала медленно, а потом все быстрее стало крениться набок, и я, ничего не понимающий, с застрявшим в глотке криком ужаса, внезапно очутился под брюхом у Серко, вместе с провернувшимся седлом.

Ноги мои застряли в стремях, и потому я не вывалился из седла, а остался висеть вниз головой, между двумя парами конских копыт, во время скачки почти встречающихся между собой. А сейчас, в месте их встречи, болталась моя голова, и копыта эти должны были по ней непременно настучать. А если жеребец еще и напугается и понесет галопом, то мне точно будет хана.

Но умница Серко, как только почуял неладное, тут же встал как вкопанный посреди улицы. И подбежавшие ко мне мужики (уже не помню, кто это был), высвободили мои ноги из стремян и выволокли меня из-под конского брюха.

Оказалось, что отец, когда приехал домой, на несколько дырок ослабил подпругу (широкий такой кожаный ремень, фиксирующий седло), чтобы дать передохнуть коню, и забыл сказать мне об этом.

Седло сразу не поползло набок, когда я в него взбирался, только из-за моего небольшого веса. Ну, а во время скачки ослабленная подпруга съехала по брюху коня назад, вот тогда-то седло и провернулось вместе со мной по оси, и я повис вниз головой. Как хорошо, что Любочки в этот момент рядом не оказалось, и она не увидела моего позора!

А я тогда, подтянув при помощи тех же мужиков подпругу (там нужна немалая физическая сила, которой у меня тогда еще не было), снова взобрался на покорно ожидающего меня Серко, и мы с ним продолжили путь к месту выпаса коров.

Я практически и не управлял жеребцом – он сам знал, куда ему скакать. И уже на месте, в знак благодарности за свое спасение от увечья или чего похуже, я скормил Серко всю прихваченную с собой и посыпанную сахаром горбушку хлеба – обычный пацанский «бутерброд» в деревне в те годы.

Потом Серко исчез, а вместо него у отца появилась другая лошадь – Карька. Я тогда спросил отца:

– А где же наш Серко?

Отец немного замялся, потом сказал, что Серко заболел и его отправили в ветлечебницу, в райцентр. И как же я горько плакал, когда узнал правду, выболтанную мне нашим пьяным ветеринаром.

– На колбасу отправили. Но... ногу он сломал, ик!... – почти добродушно ответил мне небритый и воняющий перегаром и креозотом (в нем купали овец после стрижки) дядя Витя на мой вопрос – когда Серко вернут обратно из ветлечебницы.

Конечно, я тогда был уже тогда не настолько маленьким, чтобы не знать предназначения всех животных, разводимых как в нашем отделении совхоза, так и у себя во дворах трудолюбивыми моими односельчанами.

Но Серко-то был не глупой коровой или жирной свиньей, чтобы просто так вот отправить его на заклание, лишь потому, что он сломал ногу, на полном ходу угодив ею в суслицью норку.

Ведь он же был трудяга и очень сообразительный, и отношения к себе заслуживал совсем иного, чем прочие животные (которых, впрочем, мне тоже всех и всегда было жалко). Ведь можно же было его вылечить и вернуть домой!

Все это я со слезами на глазах выпалил в лицо пьяному нашему ветеринару, сидящему на бревне под стеной конюшни с папиросой в зубах рядом с конюхом дядей Тимошей.

Дядя Тимоша конфузливо отводил глаза в сторону, а ветеринар разозлился и, выплюнув измочаленный окурочек, сказал мне сиплым своим голосом:

– Иди-ка ты отсюдова, сопляк, если ничего не понимаешь в нашем деле...

Нет, я все понимал, но жалость к Серко продолжала душить меня еще долго, и отец, видя это, несколько дней ходил с виноватым видом. Хотя, оказывается, он и сам чудом не пострадал в тот день, когда в степи упал вместе с оступившимся Серко на землю.

Потом он, оставив тоскливо ржавшего и время от времени пытавшегося встать на ноги Серко, ушел в деревню за помощью. Хотя, что это была за помощь – мне наш вечно пьяный ветеринар уже разъяснил в доступной ему форме.

Вот что я вспомнил, провожая взглядом удаляющуюся по городскому тротуару неожиданную пару – цокающего копытами коня и ладно сидящую в седле молоденькую девушку. Ну, удачи вам, ребята! И смотрите, пожалуйста, под ноги...

Марат Валеев. «Эфиоп»

Через дорогу от нашего дома в трехэтажном кирпичном здании с зеленой крышей разместился ресторан (он же отель) «Модерн». У этого заведения немалая огороженная территория: благоустроенная, с внутренней парковкой для машин и летней пристройкой-кафе, и через забор – неблагоустроенная, представляющая собой заброшенный котлован для фундамента какого-то объекта, так и не начатого.

«Модерн» явно процветает: поток желающих просто вкусно поесть или отметить какое-нибудь семейное или корпоративное торжество не иссякает (это в будни дни), а каждые выходные играют свадьбы и ближе к ночи с территории ресторана, под ликующие вопли гуляющих, с ужасным грохотом запускаются праздничные фейерверки, к которым мы уже привыкли и практически не обращаем на них внимания, или же светящиеся китайские бумажные фонарики.

В обычные дни ресторан работает до полуночи, в свадебные – до двух-трех утра. Когда злочасное заведение покидают гости и персонал, на объекте остается охранник-пенсионер, мужского или женского полу. Платят им, похоже, не очень, поскольку они часто меняются.

Охранники поначалу сидели в старом строительном вагончике, приткнутом к воротам территории ресторана. Стеречь объект им помогала собака, причем – довольно условно, поскольку совершенно свободно передвигалась по прилегающей территории «Модерна», а иногда шлялась у соседних домов.

Где она ночевала, я даже понятия не имел: на цепь ее никто не сажал, будки у нее не было. Наверное, где-нибудь в остатках строительного материала в котловане. Впрочем, мне это было и не интересно. Просто порой смотря вниз на улицу из окна, я мимоходом отмечал, что на территории ресторана иногда видна одна и та же собака. Такая, знаете, неопределенного, скорее рыжевато-белого цвета, и неопределенной же породы. Хотя, где там неопределенной – дворняга, конечно.

И вот в конце прошлого года я обратил внимание на то, что собака исчезла. «Ну, сбежала куда-нибудь, – почти равнодушно подумал я. – А то, не дай Бог, попала под машину или ее отловили коммунальные службы, периодические открывающие охоту на бездомных собак...»

И почти забыл про собаку. Но однажды, уже ближе к весне, увидел, как из-под торца того самого караульного вагончика, где обычно сидят сторожа, высыпала целая куча щенят. Пригляделся и заметил там что-то вроде норы. Стало ясно, что собака все же нагуляла себе потомство, устроила под вагончиком лежбище и там-то и оценилась.

А сейчас, когда щенки окрепли, стала выводить их на прогулку. Но совсем ненадолго – на минуту-другую, а потом тут же загоняла кутят обратно, и мне все никак не удавалось их подсчитать со своего десятого этажа, даже при помощи бинокля: одни выскочат из-под вагончика, и тут же юркнув обратно, на их место вылезают другие и так же почти мгновенно прячутся обратно.

Рядом пролегал оживленная улица, и шум бесконечного потока машин, вероятно, пугал их. Я смог установить лишь приблизительное число щенков: в пределах шести-семи, и все разномастные: и рыжеватые, и пятнистые, и черненькие.

Я не сомневался, что сторожа подкармливали новоявленную мамашу и ее потомство: возможно, что-то приносили из дому, что-то добывали на кухне ресторана. Но все равно решил принять участие в судьбе щенят и тоже почти ежедневно что-нибудь приносил поесть собачьей семье. Правда, мне там не особенно доверяли: как только подходил поближе к вагончику, из-под него слышалось забавное щенячье рычание и потягивание: мне явно угрожали!

А я и не подходил особенно близко: разворачивал пакет и бросал свои гостинцы к входу в собачье жилище. И ведь никто не высовывался, пока я не уходил! Похоже, мамаша приучила своих щенков к осторожности.

Увы, это не помогло. Однажды, вернувшись домой после двухнедельного отсутствия, я посмотрел на территорию ресторана из окна и обнаружил, что вагончика нет, а на его месте стоит аккуратная такая, застекленная будка.

«А куда ж собачья мамаша со своими детишками подевалась?» – обеспокоенно подумал я. Но, присмотревшись, все же увидел, что один, уже явно подросший кутенок, все же крутится за забором неподалеку от будки.

Я обрадовался и быстренько собрал для щенка, что нашел в холодильнике, перекусить, сложил в пакет и спустился на улицу. Привычно направился на территорию ресторана и уже собрался зайти за будку, чтобы попробовать приманить к себе песика или хотя бы просто оставить на тропинке, соединяющей основную территорию ресторана с будкой охранников, пакет с «передачей» – щенок сам потом найдет, – и тут меня окликнули:

– Мужчина, вы куда?

На меня с подозрением смотрел немолодой уже мужичок с метлой в руках (сторожа еще и убирали территорию). Дело было к вечеру, и охранник уже заступил на свой пост. Днем-то обычно будка пустовала, и сторожа меня не видели, когда я приходил с кормом для собак. А тут попался на глаза.

– Да я вот, собачек покормить, – сказал я и показал бдительному охраннику пакет с мясными, колбасными обрезками. – Через дорогу живу, вон в этом доме. Уезжал на пару недель, смотрю, уже ни вагончика, ни собак, одна только осталась...

– Один, – поправил меня сторож. – Эфиоп. А остальных забрали.

Мужик закурил и вновь неспешно зашаркал метлой по асфальту.

– А куда увезли и зачем? – растерянно переспросил я. – И почему – Эфиоп?

– Куда – не знаю, – досадливо пожал плечами сторож. – Не в мою смену это было. Я вообще второй раз как вышел, недавно устроился. Может, по рукам раздали, я как-то не интересовался. А кобелек вот остался. Никак, говорят, поймать не могли. Очень быстро бегают. Как чемпион мира из Эфиопии. Вот за это его и называли Эфиопом.

Ну, Эфиоп так Эфиоп. Песик никуда не уходил и продолжал жить на территории ресторана в свободном режиме, по-прежнему считая ее своим домом. Обычно он держался неподалеку от будки сторожей, где когда-то стоял вагончик с вырытой под ним его мамой отчей норой. Кормили его, надо думать, так же сторожа и работники кухни, потому что я видел за забором в бинокль вылизанную Эфиопом кастрюлю, какие-то пустые пластиковые коробки.

Однако кормили собачьего подростка, похоже, все же не густо – Эфиоп оставался поджарым, и потому я тоже продолжал носить ему специально прикупаемые косточки, обрезки мяса. При этом Эфиоп оставался на редкость очень осторожным и ко мне никогда не выходил, а прятался где-то в зарослях бурьяна или среди строительного хлама в котловане.

Но голод не тетка, и я, специально задержавшись у ворот, нередко видел, как песик украдкой пробирался к оставленному мной на тропинке, по которой он выходил из-за забора в «свет», пакету с продовольственной «передачей», аккуратно брал его в зубы и утаскивал в глубь своих владений.

Светка, наблюдающая за нами сверху из окна, потом сообщала мне:

– А твой-то запасливый какой! Немного поел из пакета, а потом стал зарывать косточки в землю по разным углам. Вот забудет, куда спрятал, и пропадет его еда...

– Это у них «нычки» называется, – авторитетно пояснял я жене. – Все псовые такие, делают запасы на черный день. И никогда не забывают, куда заныкали!

Потом Эфиоп пропал на целую неделю. Была глубокая осень, пробрасывало первым снежком, а в это время, я знаю, случаются «собачьи свадьбы». Когда жил в Эвенкии, по Туре

в такую пору носились целые вереницы кобелей – в десять и более особей, с высунутыми языками преследуя единственную, «пришедшую в охоту даму», и свирепо грызаясь между собой за право быть удостоенными ее внимания.

Видимо, и наш созревший Эфиоп прибил где-то к такой вот свадьбе и носился с ней по городу несколько дней кряду. Это если так. А на самом деле с ним произойти могло что угодно – жизнь бродячего пса всегда висит на тоненькой ниточке, и оборвать ее может всякая случайность.

Но, к своему облечению, через неделю я снова увидел Эфиопа. Выглянул утром в окно, а он вот, голубчик, пятится задом, пытаясь порвать тянущуюся от его шеи к дощатой конуре цепь и возмущенно гавкая при этом. Все понятно: Эфиопа приняли на «штатную» службу, и даже будку ему сколотили!

Правда, первые несколько дней «собакен» отказывался признавать тесный ящик за своё жилище, но затем, когда, видимо, ему надоело испытывать прочность шкуры на ветро-влагно-снегопроницаемость, все же стал время от времени в будку залезать. А сейчас его плутоватая мордаха торчит из конуры с таким видом, как будто он в ней родился и живет всю свою пока еще небольшую собачью жизнь.

Вот теперь можно быть спокойным за судьбу Эфиопа – она у него конкретно определилась. Ну да, он не на воле, и про собачьи свадьбы ему, увы, придется забыть, разве что к нему забредет какая приبلудная «невеста» или сторож сжалится и отпустит его погулять. Но зато пес точно будет жив и всегда сыт, и даже с крышей над головой!

Я по старой памяти все же время от времени навещаю к Эфиопу – конечно же, не с пустыми руками, – и он встречает меня, как своего старого знакомого, приветливо машет пушистым хвостом и даже улыбается!

Ну и живи себе, мой четвероногий приятель Эфиоп!

Марат Валеев. «Братец Стёпка»

Я привез в Туру (кто не знает – этот посёлок является административным центром Эвенкии) из омской деревни белоснежного крольчонка с темненькими ушками, которого мне подарил брат. Жена и сын тут же влюбились в это очаровательное создание. Назвали его Стёпкой.

Он ел все: хлеб, яблоки, капусту, хрупал сеном. Мало того, оказалось, что это кроткое существо с удовольствием уплетает сыр и колбаску!

Клетку для кролика построили большую, с решетчатым полом, обтянутую металлической сеткой. Стёпка дисциплинированно делал все свои отхожие дела только в одном углу клетки. Под этот угол поставили корытце – вот туда Стёпка и журчал тихонько, когда подходило время. Я был страшно горд за своего любимца.

– Смотрите, мерзавцы, и учитесь! – внушал я живущим у нас двум ленивым и вредным котам – Митьке и Тёмке. – Вот кто у нас настоящий чистюля. А вы дуετε, куда ни попадая!

Коты в ответ лишь презрительно шурились.

Стёпка не выносил долгого сидения в клетке. Кролик вставал на задние лапки и начинал быстро-быстро скрести передними по сетчатой стенке или крышке клетки и был похож в такие моменты на рассерженного гномика в белых штанишках. Или начинал привлекать к себе внимание тем, что хватал зубами и швырял по всей клетке блюдце для воды. Причём все это проделывал молча.

Он вообще оказался молчаливым зверьком. А голос свой – отчаянный, пронзительный визг, больше похожий на свист, – Стёпка обозначил лишь дважды. Кто-то из домочадцев нечаянно наступил ему на лапку. От Стёпкиного вопля у всех тут же заложило уши. А другой раз крольчонок издал точно такой же вопль, но только ликующий, когда разогнался и покатился на лапках по линолеуму – как на коньках. Он стремительно скользил по полу, прижав ушки к спине, и восторженно свистел! Это надо было видеть.

Шкодил Стёпка не хуже котов, правда, по-своему. Во время прогулок по квартире ему понравилось обгрызать обои. Только его турнут от одной стенки – он улепетывает, смешно вскидывая куцехвостый зад, к другой. И опять за своё. Однажды, во время важного разговора, телефон у меня неожиданно замолчал. Я поклацал по рычагу, дунул в трубку. Телефон не работал. И тут из-под стола выкатился Стёпка. Я нагнулся, заглянул под крышку стола. Точно! Свисающий телефонный шнур был перерезан кроличьими зубами как ножницами.

Таким же образом Стёпка расправился с проводом зарядного устройства радиотелефона, обгрыз, где мог достать, оплётку шнуров к холодильникам, утюгу, проделал две внушительные дырки на жёстких джинсах сына, неосмотрительно оставленных им на кресле, продырявил практически все домашние тапочки...

– Я не могу больше, что же он, гадёныш, делает! – чуть не плакала Светлана, выметая из зала веником (тоже обгрызенным!) ошмётки от обоев, газетные клочья, штопая дырки в простынях, наволочках, футболках – Стёпка «брал на зуб» все, что ему подворачивалось и куда он мог запрыгнуть.

– Да его же когда-нибудь током убьёт! Вы куда смотрите? Или не выпускайте его вообще или привязывайте.

Но Стёпке все эти проказы прощались. Сама же Светлана и выпускала его погулять. Стёпку в доме полюбили все – за его живой нрав, за чудесную, ослепительно белую шубку, кокетливо «подведенные» тёмной краской глаза, очаровательный куцый пушистый хвостик... Да просто за то, что он есть.

Иногда я возвращался с работы раздражённый, усталый. И грозился в пространство:

– Брошу все к чёртовой матери, надоело!

Но понаблюдав, как Стёпка носится кругами по квартире, совершая при этом немисли-мые прыжки вверх или вбок, вокруг своей оси или даже назад, как он радуется жизни, как замирает под рукой, давая себя какое-то время погладить по спинке, и особенно – за ушками, оттаивал.

– Ничего, Стёпка, – говорил я. – Выживем! А ты знай себе, прыгай, зайчишка этакий...

В общем, мы уже не представляли свою жизнь без этого очаровательного, жизнелюбивого и озорного существа.

Беда пришла, откуда её не ждали. В один из праздничных новогодних дней сын озабо-ченно сказал:

– Стёпку ноги не держат...

Все бросились к клетке. Кролик пытался встать и валился на голову, подворачивая её.

– Ой, он же так шею сломает! – закричала Светлана.

Я вытащил Стёпку из клетки. Ладонью ощутил, что сердце у крольчонка стучит с удеса-терённой силой, он старался вырваться, царапался. Все ломали голову: что могло произойти? Обзвонили знакомых ветеринаров. Те сходились на том, что крольчонок чем-то отравился. Но чем?

И тут вспомнили, что ещё до появления Стёпки на кухне травили тараканов. Отраву наносили на клочки бумаги и раскладывали в тех местах, где обитали эти наглые насекомые. И хотя кухню затем тщательно промыли, видимо, какие-то из клочков бумаги с отравой оста-лись за холодильником. А маленький Стёпка туда иногда пролазил. Вот, вероятно, и съел отравленный бумажный клочок.

Когда я поделился этими соображениями с ветеринаром, на том конце провода помол-чали, покашливали и сказали:

– Может, умрёт, а может, и выживет. Всё зависит от того, сколько яда попало в организм вашего кролика.

– А помочь ему чем-то можно? – нервно спросил я.

– Ну, антибиотики дайте, ампициллин там, но-шпу, отвар череды...

А Стёпка все чаще и с натугой запрокидывал голову назад, раздвоенная верхняя губа его при этом открывала плотно стиснутые резцы. Крольчонок страдал молча, и поэтому его было невыносимо жалко.

– Стёпушка, милый, не умирай, прошу тебя! Я тебе разрешу все обои обгрызать, переку-сывать все шнуры – только живи, маленький! – вдруг взмолился сын, поглаживая крольчонка по мелко дрожащей спинке.

Глядя на него, завсхлипывала жена, стал кусать губы и я. Сердца наши в тот момент про-сто разрывались от жалости к жестоко страдающему безвинному и бессловесному существу, так же, как и мы, имеющему право на жизнь. Но смятение наше длилось недолго. Народ бро-сился спасать жизнь своего любимца.

Необходимые лекарства нашлись, таблетки растворили в тёплой воде и вспрыснули с помощью шприца (без иглы) в маленький розовый ротик. Потом туда же закачали раство-рённый активированный уголь, отвар череды. Стёпка стал похож на чертенка – белоснежная шерстка на его мордочке вымокла, почернела от угля, а на грудке и лапках стала розовой от пролитого отвара череды.

Но уже через час-другой Стёпке стало лучше. Правда, передние лапки по-прежнему ему не подчинялись и, укладываясь спать, я взял крольчонка к себе. Стёпка уткнулся подрагива-ющим носиком под мышку и засопел.

Боясь нечаянно придавить зверька во сне, я бодрствовал до самого утра. Под утро кроль-чонка пригрела уже Светлана. Вот так с ним нянчились еще сутки. А к исходу второго дня Стёпка смог устоять на еще дрожащих лапках. Затем он с жадностью съел половинку сочного помидора, спустя ещё какое-то время аппетитно захрупул и морковкой.

И когда на третий день, выкупанный и высушенный, крольчонок уверенно припрыгал к обоям и мгновенно вырвал из них своими неутомимыми зубами приличный кусок, ни у кого не оставалось сомнений: жить будет!

И он продолжал жить у нас припеваючи, в холе и неге. Стёпку обожали не только мы, но и соседи, приходившие навещать его время от времени. Причём старались придти не с пустыми руками, а кто с морковкой, кто с капустным листом, хотя у Стёпки этого добра было полным-полно (это кроме засушенных нами для него на долгую северную зиму нескольких мешков травы – преимущественно мышиного горошка и обычных гороховых плетей со стручками).

Когда ему исполнилось четыре года и его, круглого и раскормленного, взвесили, он потянул на пять килограммов! Так что, гуляя по квартире, Стёпка трусил уже не так резво. Но если хозяева в это время трапезничали, кролик с топотом нёсся на кухню и замирал около холодильника ушастым столбиком – выпрашивая таким образом колбасу или сыр.

– Извращенец! – ворчал я, но колбаской своего любимчика обязательно угощал. – Ты хоть знаешь, что ешь?

Стёпка тыкался чутким носом мне в ладонь и покаянно лизал её узким горячим языком.

– Ну, ешь, если нравится, – растроганно говорил я, поглаживая шёлковую кроличью спинку.

Так бы мы и жили, радуя друг друга. Но оказалось, что у кроликов, как и большинство грызунов, век недолог. Нашему любимцу не было и шести лет (по человеческим меркам – лет 60—65), когда его сразил инфаркт – до сих пор терзаю себя подозрениями, что это я виноват в его преждевременной смерти, так как просто закармлил ушастика. Мы с женой (сын-студент в это время жил в Красноярске), не стесняясь, в голос оплакивали безвременно усопшего и затем захороненного в укромном уголке эвенкийской тайги ушастого жизнелюбивого братца Степана.

Ну и что, скажете вы, дочитав эту историю, мало ли у кого были и есть такие же любимые и трогательные существа, как ваш Стёпка? На что я со стопроцентной уверенностью скажу: такого больше нет нигде. Потому что за короткую свою жизнь этот славный кролик стал самой настоящей медиа-звездой. А всё объясняется просто: он жил в семье журналистов, которые души в нем не чаяли и писали о своем питомце куда только можно. С той лишь целью, чтобы как можно больше людей любили кроликов просто так, а не за... (даже говорить об этом не хочется, за что).

О Стёпке написали и поместили его фотографии газеты «Эвенкийская жизнь», «Комок», «Сибирские байки», литературный журнал «День и ночь», «Омская газета», интернет-журнал «Krasland», русскоязычный интернет-альманах «Port-folio» (США), московская «Родная газета», Санкт-Петербургский журнал «Pets». Рассказ «Как братца кролика спасали», опубликованный на интернет-портале «Зверёк», завоевал приз Санкт-Петербургской компании «Зоомир». А рассказ «Житие братца Степана» был включен в лонг-лист всероссийского конкурса детской литературы «Заветная мечта».

Уже около десяти лет нет с нами Стёпки. Но он живёт не только в наших сердцах: Стёпкин образ продолжает победное шествие по страницам средств массовой информации, сетевых изданий. Так что жить братцу кролику Стёпке в веках!

Екатерина Щерба* «Самый лучший закат»

Рита привыкла одна встречать закаты, потому, что рядом нет по-настоящему близкой души, с которой бы она хотела разделить эти волшебные мгновения.

На улице, в танце листопада, кружили листья, медленно касаясь земли, украшая её осенними красками. По небу медленно ползли тёмные тучи. Не предвещая ничего хорошего, они показывали, что в любой момент, без какого-либо предупреждения, хлынет неугомонный ливень.

По узкой тропинке любимого парка, затерявшейся среди вековых деревьев и одиноких фонарей на тонкой ножке, медленно шагала молодая девушка. Она неторопливо ступала по сухим листьям, думая о своём.

Скоро, гремя ключами, Рита войдёт в старый подъезд. К ней снова придут гости, и их смех звонко разлетится по квартире. Она будет улыбаться, шутить вместе со всеми, но в душе – пустота.

Рита села на лавочку, и солёная слезинка покатилась по щеке. Стало вдруг так больно, словно острая стрела пронзила сердце. Девушка закрыла лицо руками и заплакала.

Вдалеке раздался оглушительный гром и на землю начали падать блестящие капли. Казалось, небо заплакало вместе с ней.

Вдруг рядом девушка услышала тихий писк. Что-то холодное и шершавое прикоснулось к ноге. Рита открыла глаза и увидела маленький мокрый комочек. Посадив щенка на колени, девушка заглянула в его глаза, увидев саму себя...

Последние лучи солнца скрылись за горизонтом. Это был самый лучший и прекрасный закат в её жизни.

– Правда, красиво? – спросила девушка и улыбнулась, обнимая белого щенка.

Татьяна Шевченко. «Возвращение Ксюши»

В данном случае о кошках. История немного мистическая но реальная.

«Кис-кис! Ксюша... кис-кис..кис-кис...

Так уже который вечер подряд. Глаза ищут в закоулках двора серую с рыжими пятнами кошку. Для кого то неприметную..а для меня – любимую, хоть и не мою... Ее все нет.. И вроде все уже ясно – нет смысла искать, ждать.. Но все равно ищешь. Небольшая и вроде неприметная кошечка, ставшая..другом. При том, что у нас дома много своих. Но и с теми, что жили во дворе, мы дружили. Кормили, лечили, пристраивали. Почти все они благополучно дожили до поздней осени. Кроме нее.

«Вернется» – сказала почему-то соседка Нила. Она обладает интуицией и кажется, чем то еще. Ясновидением, может быть.

И Ксюша вернулась... вернее, не она сама, а ее маленькая копия. Черно-серо-пятнистый котенок с небольшими рыжими подпалинами и рыжим «огоньком» на лбу. «Черепеховый пятнистый» – так их называют специалисты. Неудивительно, что и назвала я ее также – Ксюша. Ксенечка. Милая, ласковая и немного сонная.. Я искала ей хозяев, как и другим прибывшимся во двор котяткам. Взять себе на тот момент не могла – без того четыре кошки, и семья это явно не одобрила бы. А потом... потом горько пожалела, что не взяла. Ксюши не стало снова осенью. Ноябрь, слякоть, дождь..тоска – все повторилось. Я до последнего верила, что вдруг найдется, но нет... Чуда не произошло. Больно, пусто... А спустя время узнала, что Ксюша погибла. Станным было то, что все кошки или почти все, жившие в ЖЭКовском подвале, были живы. Кроме этой. Совпадение? Не знаю, однако спустя время это повторилось снова. И снова «не ко двору» – как когда-то говорила моя бабушка. И ведь правда – как это можно еще было объяснить? Всех или почти всех котят удавалось пристроить, а вот такие.. они то ли попадали под машину то ли в собачьи зубы. Одна из них каким то непонятным образом вывалилась из окна подъезда. От всего этого в душе оставался ужасный осадок. Более того – мне казалось, что Ксюша возвращается. Снова и снова, только уже в другом теле. И Нила вполне была согласна со мной. «Реинкарнация, – поясняла она.

– Но для чего? – я недоумевала. – Чтобы погибнуть в очередной раз??!

– Возможно, она хочет чтобы ты ее забрала..

– Да я и рада бы, но как? Своих много..не примут..а родные что скажут?

– Понимаю. Значит – всему свое время. Сама убедишься.

Я была расстроена. Подобного объяснения было недостаточно и очень жаль животных. Как бы там ни было, а погибали то они безвинно.

Прошло несколько лет – И вот в один прекрасный март случилась беда с нашей самой старшей кошкой Властой. Ей было уже больше пятнадцати лет, и организм начал давать сбой. Недомогание усиливалось, врачи обнаружили почечную недостаточность, не поддающуюся лечению. Ей оставались считанные недели... Сказать, что мы переживали – ничего не сказать.. Выпили все запасы валерьянки и корвалола, и однажды мне пришлось поздно вечером заглянуть в аптеку, чтобы восстановить запасы. А после этого зачем то заглянула во двор. И тут.. тут меня ждал сюрприз – у гаражей сидела красивейшая пушистая кошка, явно домашняя, из потеряшек. Приглядевшись, я обнаружила что у нее тот самый «роковой» окрас – пятнистый черепеховый.

«Ну что, Ксюша, вернулась снова, да? Или.. ты пришла за Властой? Или..вместо нее? Как бы там ни было – пошли со мной. Сейчас ночь. Посидишь на чердаке. Взяв кошку на руки, я отправилась в подъезд. Домой ее не понесла – это было бы неуместно, да и карантин необходим. Принесла все необходимое для нее на чердак и оставила ее там...

А спустя сутки Власточка ушла на Радугу...

Честно говоря, было настолько тяжело, что я не могла долго находиться дома. Ушла к приятельнице и сидела до вечера, боясь вернуться в квартиру, хоть и понимала – теперь надо ухаживать за гостьей, да и за другими тоже. Как вдруг пришла СМС от папы – Доча, кошка с чердака у нас дома». Удивившись, я простилась с подругой и поспешила домой. Оказывается, наша гостья пробралась через узкое отверстие на крышу, а оттуда к нам через другое окно – мы живем на последнем этаже. Что делать – решено было оставить у себя. И ей нужно было укрытие, и нам какое то отвлечение от свалившейся беды. А от боли кошка и правда помогала. Причем удивительным образом: она появилась как раз вовремя. Этому удивлялись все наши друзья и родные – удивительное совпадение. Все, кроме Нилы.

– Я же говорила -вернется. В нужный момент.

– Думаешь, Ксюша?

– Вероятнее всего.. только знаешь – назови ее другим именем, чтоб не повторила судьбу.... ну ты понимаешь...

Кошку назвали Марьяшей. Можно много писать о ней, скажу коротко лишь, что живет она уже десятый год, радуя нас. И даже несколько раз побеждала на выставках кошек в классе «Домашний любимец».

А черепаховые котята появляются с тех пор во дворе крайне редко. И их всегда удается пристроить в хорошие руки. Мистика? Не знаю. Но я этому рада.

Татьяна Салтыкова. «Тридцать лет спустя»

Мне кажется все началось именно с этого черного шерстяного у меня на руках. Мне еще нет трех и я себя в это время почти не помню. И вот это найденное на отдыхе с родителями кудрявое недоразумение совсем не помню. Помню только острое желание никому его не отдавать. И как сэкономила для него котлеты в столовой. И какой он был совершенно неподъемный. И теплый даже сквозь осеннюю пальтушку.

Не помню, как я упрашивала родителей забрать его, но запомнила, как до последнего надеялась, что все-таки увезу его с собой. Но нет. Уехала я без него, но с заверениями родителей, что в столовой его продолжат кормить котлетами.

– Ну здравствуй, – сказал черный лохматый щенок, сел на снег и заглянул мне в глаза.

– Ты откуда здесь? Ты потерялся? – растерялась я.

Мы находились за 700 км от дома. Зима. Минус двадцать семь. И вот это вот черное непонятное посреди пустой городской площади никак не уместилось в наши планы на вечер.

– Нет, я нашелся, но ты это потом поймешь. А сейчас меня бы покормить и спать охота, – щенок сидел на снегу и продолжал смотреть мне в глаза.

– Вообще ничего мне сейчас не говори! – выдохнула я в сторону мужа, хватая щенка на руки. Все потом, а сейчас – согреть и накормить.

Я неслась к машине. Пес был совершенно неподъемный (18, как потом выяснилось, килограмм, и это в два, как потом, выяснилось месяца). Но тогда я еще ничего этого не знала, а просто неслась вприпрыжку к машине с мыслью – только не останавливаться, накормить и согреть, а потом разберемся.

Ребенок, проснувшийся утром в гостинице, с удивлением и неодобрением смотрел на черную мохнатую кляксу, расположившуюся на полу.

– Мама, кто это и что он тут делает?

– Ой мамочки! – черная клякса проснулась и ткнула носом дитю в ладошку.

– Только не говори, что он поедет с нами домой! – детеныш умоляюще посмотрел на меня и понял, что мама все уже решила

Большой лохматый пес из сытой полудремы наблюдал за хозяйкой, что-то строчащей в телефоне

– Я ж тебе говорил, что поймешь, – он сел рядом и ткнулся большим холодным носом мне в колени.

– Ага, поняла. Вселенная всегда дает еще один шанс.

И преданнее глаз вы не найдёте,
Готовых помнить, защитить, любить.
Любить Вас лишь за то, что Вы живёте,
Ждать, искренне скучать и всё простить!

Тамара Селеменова. «Зарисовки о животных»

С раннего детства с нами всегда соседствовали животные. В Кубанских станицах практически в каждом дворе жили собака, куры. Многие держали гусей, уток. У кого-то была корова или коза. В колхозах – обязательно лошади.

Помню нашего огромного белого пса, очень доброго и сильного. Зимой Бельчика запрягали, как лошадку, в санки, и он катал нас, детей со всей улицы, по снегу и по льду на реке, а летом бегал, играл с нами. Малыши таскали его за уши, садились на него верхом... И он позволял, безропотно сносил всё. Казалось, что пёс улыбался, всем своим видом выражая удовольствие и счастье.

Отец увлекался охотой, имел ружьё и завёл себе охотничьего пса, рыжего сеттера. Забыла его кличку, помнится только один очень курьёзный случай. Родители любили друг друга и никогда не ругались, а тут по какой-то причине серьёзно рассорились до такой степени, что мама выкатила за калитку папин велосипед, прикрутила на багажник его чемодан и привязала к велосипеду сеттера. Придя с работы и застав эту нерадостную картину, отец просто растерялся. Выручил пёс. Он вырвался, перепрыгнул через изгородь, вертелся вокруг мамы, вставал на задние лапы, пытался лизнуть её в лицо и скулил до тех пор, пока мама не сменила гнев на милость.

В десять лет меня укусила собака соседей, живших через несколько домов. Существовало поверье, что если собака боится воды, значит бешеная. Чтобы проверить, соседского пса попытались искупать, но ему это не понравилось, он вырвался и убежал. Все решили, что, возможно, псина бешеная. Мне назначили 28 уколов в живот, ходила я в медпункт самостоятельно и получила их уже более двадцати, когда однажды, проснувшись, и не обнаружив родителей, испуганно поняла, что, наверное, опоздала на укол. А это значит, что придётся заново делать все двадцать восемь. Плача и размазывая слёзы по лицу, брела по улице. Соседка Макаровна удивилась, куда это я иду в такую рань. Оказалось, было только шесть часов утра, отец чем-то занимался на берегу реки, мама ушла на базар, а медпункт, естественно, ещё закрыт.

У нас жил кот, больше всех любивший младшего брата. Васька спал у него на груди, утром провожал до калитки и терпеливо ждал, сидя на столбике забора, Генку из школы. Завидев издали, бежал по улице навстречу, радостно мурлыча и держа хвост трубой. Днём он часто дежурил на мостках у реки, поджидая деда Макара с рыбалки, зная, что рыбкой дед угостит обязательно. Кот любил также, вытянувшись, лежать у самой двери. Закончилось это тем, что его шерсть попала в зазор между полом и низом двери, и когда кто-то резко открыл дверь, шкурка кота на бедре разорвалась. Ветеринара в станице тогда не было и рану взялся зашивать старший брат. Игла была прокалена на огне, нитка смочена тройным одеколоном... Кот орал, вырывался и царапался, а мы держали несчастного и ревели от жалости. К счастью, всё обошлось благополучно, кожа срослась, и уже через неделю Васька снова тёрся у ног и не помнил зла.

— * —

Окончив школу, я уехала в Москву на учёбу в институт. Затем вышла замуж, да так и осталась здесь. Первое время мы жили в девятиметровой комнате коммуналки. Даже тогда мы умудрились завести собаку – метиса овчарки. Мы возили Черныша в большом рюкзаке в метро и электричке на дачу. Как только мы доставали этот рюкзак, пёс немедленно садился рядом с ним, следил за каждым шагом хозяев, заглядывал в глаза и поскуливал. И мы просто не могли оставить его дома или забыть. По дороге от станции, почуяв свободу и простор, он носился по полю, выпрыгивал из растущей на нём пшеницы, словно прячась и вновь появляясь над ней.

Однажды осталась с псом на даче одна. Пришли какие-то незнакомые люди и стали пытаться погрузить на грузовик наши стройматериалы. Я встала на доски и препятствовала погрузке, как могла. Один из мужчин хотел меня оттолкнуть и... очень об этом пожалел. Черныш вцепился в рукав обидчика и держал до тех пор, пока не подросли соседи. Авторитет его после этого случая сильно вырос!

Уезжая в отпуск мы оставили пса на попечение моей сестрёнки, и за один день до нашего приезда он потерялся. Я очень переживала, долго искала, ходила по местам обычных прогулок, обошла весь район, но собака так и не нашлась.

— * —

Когда рос наш сын, связь с животными только усилилась. Кто только у нас не жил: рыбки вуалехвосты, хомяки, белая крыса, кролики, попугаи (волнистые, неразлучники, ара), болонка Джуля и овчарка Макс... И мне кажется, что это не мы сыну, а наоборот, он нам прививал любовь к животным.

Мы тогда уже переехали в небольшую двухкомнатную квартиру. Хомячки Матильда и Вася постоянно приносили потомство, которое приходилось кому-то пристраивать. А ещё, если кто-либо приближался к клетке, хомячиха хватала своих ещё слепых детёнышей и поспешно запихивала их в пасть. Картина, прямо скажу, не для слабонервных!

Матильда часто убегала. Мы облегчённо вздыхали, в надежде, что навсегда. Но кто-то из соседей, к кому она попадала по стояку в туалете, приносили её снова со словами: «Это не Ваша?».

О рыбках разговор особый. Вуалехвостые разноцветные (золотые, чёрные, жёлтые, белые...) они держали нас в постоянном стрессе: не забыть бы вечером включить, а утром выключить компрессор в аквариуме, иначе или сгорит компрессор, или рыбки задохнутся. За разными заботами утром все мы нередко выключить его забывали, и тогда приходилось звонить соседке и слёзно просить её это сделать. На этот случай ей оставлялись ключи от квартиры.

Сын очень хотел завести попугайчиков. Мы считали, что и так уже перебор, и не покупали их. Наш третьеклассник решил эту проблему просто. В соседнем доме жил мужчина, который разводил волнистых попугаев для продажи. Андрей стал к нему ходить и помогать в уходе за птичками: чистил клетки, кормил... В результате ему подарили пару попугаев. Правильное устройство клетки и уход привели к тому, что примерно через год их численность достигла сорока! На кухне висели две большие клетки. Всё это хозяйство так громко щебетало рано по утрам, что мы постоянно не высыпались. От клеток летели пух, корм и прочая грязь. Скажу прямо, для шестиметровой кухни многовато... Но как-то само по себе увлечение прошло и всех птиц безвозмездно и ко всеобщей радости передали заводчику.

Андрей с детства любил лошадей. Лето он часто проводил у бабушки на Кубани. Там одиннадцатилетний мальчишка, пешком, за десять километров, ходил в колхозную бригаду. Конюх позволял вместе с ним водить коней к реке на водопой, купать, чистить, а потом и ездить на них. Помню, как после езды на лошади без седла походка сына напоминала колченогого кавалериста, проскакавшего на лошади без отдыха много часов. Но весьма болезненные ощущения и дискомфорт не останавливали, и он снова отправлялся в бригаду, чтобы пообщаться со своими любимыми животными.

Особое место следует отвести истории с Максом. Однажды наш уже повзрослевший сын-десятиклассник пришёл домой позже дозволенного времени. Открыв дверь, я растерялась. На пороге сидел огромный пёс, а сын поспешно заявил: «Он будет у нас жить.» Вот именно заявил, а не спросил разрешение. И ещё объяснил, что собаку продавал «нехороший» человек, который бил и обижал её. На меня внимательно и жалостно одновременно смотрел шестимесячный щенок немецкой овчарки. Шерсть рыже-чёрного окраса длинная и настолько густая, что выглядел он, как медвежонок. Наша собачонка болонка Джуля прожила в семье уже 18 лет.

Две собаки для небольшой квартиры – многовато. На следующее утро я улетаю на неделю в командировку. «Постарайся найти до моего возвращения для собаки других хозяев», – сказала я строго.

Рано утром, перед отъездом в аэропорт всё же сама вывела Макса на прогулку, накормила и поставила воду. Командировка получилась довольно трудной, о собаке я даже не вспоминала и только по дороге из аэропорта подумала: «И зачем я настояла, чтобы сын избавился от него! Такой красавец, послушный...» Дома пса не оказалось, на столе лежала записка мужа, что они с сыном уехали по делам и вернутся вечером.

Уставшая с дороги – рейс был очень ранним – задремала. Разбудил меня звонок жившей неподалёку нашей знакомой, которая попросила забрать Макса. Его оставили у неё мои мужчины до моего приезда. Собака крупная, мне практически незнакомая. Как она поведёт себя, неизвестно. К удивлению пёс встретил меня с огромной радостью, вертелся, вставал на задние лапы и выражал неопишуемый восторг, как только меня и ждал. По дороге домой он забежал вперёд, заглядывал в глаза и словно спрашивал, правильно ли он себя ведёт. Дома я села в кресло и проговорила: «Что же мне делать с тобой, лошадь ты этакая?» Пёс положил голову мне на колени, раздвинул в стороны уши и застыл. Может, они понимают гораздо больше, чем мы предполагаем? Так или иначе, Макс прижился и стал любимцем всей семьи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.